

Солистка
Большого театра
Тамара Синявская:
«Пою только то,
что люблю...»

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 12 МАРТ 1984

ДА ЗДРАВСТВУЕТ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ
8 МАРТА!

Москва, 7 марта. Торжественное собрание в Большом театре Союза ССР, посвященное Международному женскому дню.

Фото А. Гостева

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 12 (2957)

17 МАРТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

Во время вручения.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ К. У. ЧЕРНЕНКО УДОСТОВЕРЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ ДЕПУТАТОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Выборы в Верховный Совет СССР стали новым свидетельством нерушимого единения Коммунистической партии и народа, торжества социалистической демократии, верности советских людей курсу Коммунистической партии на дальнейший расцвет Родины, укрепление ее экономического и оборонного могущества.

7 марта удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва вручено Генеральному секретарю

ЦК КПСС товарищу Константину Устиновичу Черненко.

Удостоверение вручил председатель окружной избирательной комиссии Куйбышевского избирательного округа по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР Ю. И. Калинин.

Принимая удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета СССР, товарищ К. У. Черненко выразил глубокую и сердечную благодарность избирателям Куйбышевского избирательно-

го округа столицы, всем москвичам за оказанное ему большое доверие и честь быть избранным депутатом высшего органа государственной власти страны.

Товарищ К. У. Черненко заверил, что как депутат он приложит все силы, чтобы выполнить наказы избирателей, верно служить делу партии и народа, идеалам коммунизма. Отдав голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, сказал К. У. Черненко, советские люди единодушно под-

держали внутреннюю и внешнюю политику Коммунистической партии, направленную на торжество дела коммунистического созидания.

При вручении удостоверения присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Прибытков, первый секретарь Куйбышевского райкома партии г. Москвы Ю. А. Прокофьев, председатель Куйбышевского райисполкома Г. Н. Гаврилов.

ВСТРЕЧА К. У. ЧЕРНЕНКО С Г.-Й. ФОГЕЛЕМ

12 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко принял члена президиума Социал-демократической партии Германии (ФРГ), председателя фракции СДПГ в бундстаге Г.-Й. Фогеля, находившегося в Советском Союзе по приглашению Парламентской группы СССР.

Во встрече приняли участие: с советской стороны — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин, член ЦК КПСС Г. А. Арбатов, член ЦК КПСС, первый заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев, кандидат в члены ЦК КПСС Г. А. Жуков, а также директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Н. Яковлев;

с западногерманской стороны — члены президиума СДПГ Э. Бар и Г.-Ю. Вишневский, руководитель группы депутатов СДПГ во внешнеполитическом комитете бундстага ФРГ К. Фойгт, советник председателя фракции СДПГ в бундстаге ФРГ по вопросам безопасности К. Ф. Вайцеккер и посол ФРГ в СССР Х.-Й. Кастль. В ходе беседы, прошедшей в деловом, конструктивном духе, был затронут ряд принципиальных вопросов современного международного положения, отношений между СССР и ФРГ и связей между КПСС и СДПГ.

Напомнив о состоявшейся в

1983 году беседе Г.-Й. Фогеля с Ю. В. Андроповым, К. У. Черненко подчеркнул, что линия, которую советское руководство коллективно разрабатывало и проводило как внутри страны, так и на мировой арене, будет проводиться и впредь. Таков главный смысл решений состоявшегося в феврале с. г. Пленума ЦК КПСС. И эта установка нашла всенародное одобрение в ходе состоявшихся на днях выборов в Верховный Совет СССР.

Преемственность во внешней политике прежде всего означает, подчеркнул К. У. Черненко, что мы должны делать все от нас зависящее, чтобы предотвратить ядерную катастрофу. Это значит — добиваться реального перелома к лучшему в опасном развитии событий в мире. Это значит — двигаться по пути равноправного сотрудничества государств на началах мирного сосуществования. В этом духе мы готовы действовать сообща со всеми политическими и общественными силами, со всеми правительствами, которые преследуют те же цели.

К. У. Черненко остановился на проблеме прекращения гонки ядерных вооружений и в этой связи — на состоянии отношений между СССР и США. Он отметил, что, к сожалению, не видно признаков стремления правительства США к договоренности об ограничении и сокращении ядерных вооружений на основе принципа равенства и одинаковой безопасности. На попытки США и блока НАТО создать для нас дополнительную стратегическую угрозу размещением в Западной Европе американского ядерного оружия

первого удара мы, естественно, отвечаем не сдачей своих позиций, а принятием необходимых оборонных контрмер.

Советский Союз по-прежнему готов решать проблему и стратегических, и «европейских» ядерных вооружений на конструктивной, взаимоприемлемой основе. Переговоры могут возобновиться в любой момент — пусть только США устраним препятствия, которые они создали размещением своих новых ракет в Европе. Тогда отпадет необходимость и в наших ответных мерах.

Мы подчеркиваем необходимость возврата к прежнему положению отнюдь не по престижным соображениям. Мы просто не хотим, чтобы в Европе и во всем мире продолжала нарастать военная опасность. Другими словами, мы исходим из интересов упрочения мира.

К. У. Черненко положительно оценил занятую съездом СДПГ в ноябре 1983 года позицию по вопросу развертывания американских ракет в ФРГ, стремление уменьшить риск вовлечения ФРГ в ядерный конфликт и выразил убеждение, что миролюбивые общественные силы стран Запада имеют возможность внести немалый вклад в борьбу за устранение угрозы ядерной войны.

Генеральный секретарь ЦК КПСС заверил, что Советский Союз будет и впредь твердо держать курс на обуздание гонки вооружений, на возврат к разрядке, на мирное сотрудничество со всеми государствами, и напомнил в этой связи о ряде конкретных предложений СССР, в том числе

выдвинутых в самое последнее время.

Г.-Й. Фогель изложил позиции СДПГ в вопросах безопасности и контроля над вооружениями. Он отметил, что СДПГ выступает за упрочение разрядки и мирного сотрудничества в Европе, против гонки ядерных вооружений, за партнерство в области безопасности между Востоком и Западом. Он выразил мнение, что новые советские миролюбивые инициативы, содержащиеся, в частности, в предвыборном выступлении К. У. Черненко, заслуживают самого серьезного рассмотрения.

Обе стороны высказались за дальнейшее развитие взаимовыгодного сотрудничества между СССР и ФРГ в различных областях. Возможности для этого, подчеркнул К. У. Черненко, значительны, если их не подрывать, а беречь. Немалую роль здесь играет позиция ФРГ в вопросе о ядерном оружии на ее территории: СССР и ФРГ могли бы плодотворно сотрудничать и в экономических делах, и в политических вопросах, но мы не можем не считаться с тем, что превращение ФРГ в передовую ядерный плацдарм США — это реальная угроза безопасности СССР и его союзников, — и будем делать из этого соответствующие выводы.

К. У. Черненко и Г.-Й. Фогель подчеркнули, что считают желательным продолжение контактов между КПСС и СДПГ — прежде всего в борьбе за уменьшение военной опасности, за укрепление мира.

На снимке: во время беседы. Фото А. Бойцова

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

С 5 по 10 марта в Индии с официальным визитом находился член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, прибывший по приглашению правительства Республики Индии.

5 марта Д. Ф. Устинов был принят премьер-министром Индии Индирой Ганди и министром обороны Р. Венкатараманом. В ходе состоявшихся бесед были обсуждены вопросы, представляющие взаимный интерес. Встречи и беседы прошли в дружественной обстановке.

9 марта член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов был принят президентом Индии Зайл Сингхом.

Д. Ф. Устинов и сопровождающие его лица совершили поездку по стране.

Перед отлетом на Родину министр обороны СССР, в частности, сказал:

«Дни, проведенные в вашей прекрасной стране, были насыщены важными встречами и беседами с государственным и военным руководством Индии. Мы считаем их полезными и плодотворными. На нас исключительно большое впечатление произвела беседа с премьер-министром Индии г-жой Индирой Ганди. В ходе визита нам представилась возможность еще ближе познакомиться с жизнью великого индийского народа, его вооруженных сил».

На снимке: перед началом встречи Индиры Ганди с Д. Ф. Устиновым.
Фото ТАСС

В ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ

По приглашению руководства Сирийской Арабской Республики 10—13 марта 1984 года в Дамаске находился с рабочим визитом член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев.

Г. А. Алиев был принят Генеральным секретарем партии Арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президентом Сирийской Арабской Республики Х. Асадом. В ходе бесед, прошедших в духе дружбы и взаимопонимания, были обстоятельно обсуждены советско-сирийские отношения, международные вопросы и, в частности, положение на Ближнем Востоке. Г. А. Алиев передал президенту Х. Асаду послание от Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко.

Состоялись переговоры Г. А. Алиева с вице-президентом САР А. Х. Хаддамом и встреча с вице-президентом САР Р. Асадом. Имела также место беседа с председателем Совета Министров САР А. Р. Касмом.

В ходе переговоров обеими сторонами было выражено удовлетворение неуклонным развитием и расширением всесторонних отношений между Советским Союзом и Сирией.

На снимке: во время встречи Х. Асада и Г. А. Алиева.
Фото ТАСС

ЯРМАКА ИМПЕРСКИХ АМБИЦИЙ

Владимир НИКОЛАЕВ

МЕЖДУНАРОДНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Давно ли, казалось бы, отшумела в США избирательная кампания 1980 года, а уже подоспели президентские выборы 1984 года. Пора подбивать итоги деятельности администрации Рейгана. На наш взгляд, она с большей выразительностью проявилась на международной арене. Конечно, произошли известные перемены и во внутренней политике (к лучшему для богатых и к худшему для бедных), но их масштабы не сравнятся с содеянным правительством США в сфере внешней политики.

К. У. Черненко в своей речи на встрече с избирателями 2 марта 1984 года сказал: «Вы знаете, что последние годы были отмечены резкой активизацией политики наиболее агрессивных сил американского империализма — политики откровенного милитаризма, претензий на мировое господство, сопротивления прогрессу, нарушения прав и свободы народов. Примеров ее практического применения мир видел немало. Это — вторжение в Ливан и оккупация Гренады, необъявленная война против Никарагуа, угрозы Сирии и, наконец, превращение Западной Европы в стартовую площадку для ядерных ракет США, нацеленных на СССР и его союзников».

Вспомним, что в 1980 году оба претендента на Белый дом, Картер и Рейган, в своих выступлениях словно соревновались в воинственных заявлениях и запугивании американцев так называемой «советской угрозой». Хотя эта нота и была фальшивой, она стала самой высокой, ведущей в избирательной кампании 1980 года. Правда, в канун выборов оба соперника, словно по команде, изменили тональность своих высказываний и начали выдавать себя чуть ли не за миротворцев. Что случилось? Дело в том, что устроенный в ходе избирательной кампании милитаристский шабаш, бесконечное запугивание американцев «советской угрозой» вызвали обратную реакцию: проведенный известной службой Харриса опрос показал, что 80 процентов американцев требовали запрещения ядерных испытаний. Внушительная цифра! Вот и пришлось Картеру и Рейгану сделать вид, что они перестроились, то есть оба одновременно прибегли в этой ситуации к привычному для буржуазных политиков обману. Впоследствии стало ясно, что это была всего-навсего традиционная для США предвыборная демагогия. Кстати, нынешняя избирательная кампания в США зеркально отражает ту же ситуацию. Прочно зарекомендовав себя ястребом, Рейган вдруг решил перевоплотиться в голубя. В основе этой метаморфозы спекулятивные интересы избирательной кампании: последние опросы общественного мнения в США по-

казали, что большинство американцев обеспокоены внешнеполитическим курсом страны. Многие западные обозреватели считают, что нынешние попытки Рейгана прикинуться миротворцем объясняются его желанием улучшить свои отношения с избирателями, привлечь на свою сторону их голоса.

Уже на своей первой пресс-конференции в качестве президента США в январе 1981 года Рейган заявил, что «разрядка до сих пор была улицей с односторонним движением, которой Советский Союз пользовался для достижения собственных целей», и что разрядка выгоднее Советскому Союзу, чем Соединенным Штатам. Странная логика! Как будто мир, разрядка могут быть, словно рыночные цены, кому-то выгодны, а кому-то нет. На той же пресс-конференции Рейган повел атаку и на Договор ОСВ-2. Как известно, сокращение стратегических вооружений — одна из важнейших проблем современности, и вот именно ее он избрал своей мишенью. До этого Советский Союз и США более десяти лет вели переговоры об ограничении стратегических вооружений. В качестве корреспондента мне довелось освещать несколько связанных с ними международных встреч, в том числе и на высшем уровне. Среди последних особенно врезалась в память встреча в Вене в 1979 году, когда наконец-то был подписан Договор ОСВ-2. Как известно, никто к этому акту американскую сторону не принуждал. Опытнейшие американские эксперты взвесили все «за» и «против», прежде чем президент США Картер подписал в Вене договор.

Но вернемся к первой пресс-конференции президента США Рейгана. На ней он высказал не только свое отрицательное отношение к идеям разрядки и сокращению вооружений, но и дал понять, что его милитаристский курс будет подкрепляться антисоветизмом. Так, он рассуждал о каком-то «коварстве» политики Советского Союза, якобы ставящего целью «создание всемирного социалистического или коммунистического государства». Потом, в ходе своего правления, Рейган, как известно, раздул антисоветскую истерию до еще больших масштабов, но уже тогда, после той пресс-конференции, газета «Вашингтон пост» писала, что в отношении Советского Союза Рейган «взял тон, который очень сильно отличается от республиканских и демократических администраций в 60-х и 70-х годах». Тогда же агентство Рейтер сообщало, что из Вашингтона уже двадцать пять лет не раздавались такие откровенные, в духе «холодной войны» заявления. Так были оценены первые шаги Рейгана на международ-

ной арене даже не нами, а Западом.

Положенный в основу внешней политики Рейгана дремучий антисоветизм проявился и в еще одной акции — кампании в связи с так называемым «международным терроризмом». Суть этой свистопляски можно определить словами самого Рейгана: «За всеми беспорядками, которые происходят в мире, скрывается Советский Союз». А под «беспорядками», «международным терроризмом» в данном случае имеется в виду борьба народов за свободу и независимость. Если следовать такой странной логике, то к террористам вашингтонские теоретики должны были бы отнести Джорджа Вашингтона и других отцов-основателей США, возглавлявших борьбу американских колоний за независимость. Есть у этой провокационной кампании и другая сторона: за клеветой в адрес национально-освободительных движений следуют претензии Вашингтона на грубое вмешательство в судьбы стран и народов, идущих, с точки зрения США, не тем путем. Годы правления Рейгана дали тому немало примеров, и такой дебют нынешней американской администрации на международной арене вылился затем в ряде случаев в кровавые драмы, причем не раз была пролита и кровь самих американцев, брошенных по воле Вашингтона за тридевять земель.

Милитаристский и антисоветский внешнеполитический курс США объясняется прежде всего тем, что большой бизнес Америки нашел в лице нынешних ее официальных правителей идеальных исполнителей своей воли. Обозреватели самого разного толка отмечают, что трудно припомнить такую другую американскую администрацию, которая была бы столь тесно связана с большим бизнесом: его лидеры задолго до выборов 1980 года решили сделать Рейгана президентом и добились своего. Один из них, миллионер А. Блюминдейл, в свое время изрек: «Руководить правительством все равно, что руководить «Дженерал моторс». Соединенные Штаты — это те же «Дженерал моторс», увеличенные вдвое или втрое. Мы окружим Ронни (то есть Рональда Рейгана. — В. Н.) опытными людьми, теми самыми, которых нанимаем для нашего собственного бизнеса». Последнее пожелание было немедленно принято во внимание: каждый четвертый из ста ближайших сотрудников президента США — миллионер (вице-президент Буш, министр обороны К. Уайнбергер, министр финансов Д. Риган и другие).

Значительную финансовую поддержку оказала Рейгану во время выборов гигантская военно-стро-

ительная компания «Бектел». Долг платежом красен: президент компании Дж. Шульц стал государственным секретарем, а другой член ее руководства, К. Уайнбергер, шефом Пентагона. Кстати, заместителем последнего был назначен Р. Делозер, бывший до того вице-президентом концерна TRW, который является главным подрядчиком в создании ракетно-ядерной системы «МХ». Недаром газета «Нью-Йорк таймс» констатировала, что рейгановская администрация обрушила золотой дождь многомиллиардных заказов на военном-промышленный комплекс. Да, с такого сорта государственными деятелями делаж бюджетного пирога проводится четко на частнособственнической основе, причем львиную долю отхватывают себе фабриканты оружия. Последнее обстоятельство не может не оказывать решающего влияния на внешнеполитический курс США.

Классовая неприязнь к социализму вообще, а к нашей стране в особенности доведена в США до оголтелого антисоветизма, до слепой ненависти. А ведь еще первый американский президент Джордж Вашингтон говорил: «Страна, которая позволяет себе испытывать постоянную ненависть к другой стране, становится рабыней собственной враждебности». При Рейгане, как отмечает американский политолог Стивен Козин, «застарелая политическая болезнь Америки — советофобия в настоящее время возродилась в форме даже более опасной, чем эпидемия холодной войны». Как известно, форма эта приняла прямо-таки мессианский характер: Белый дом назвал Советский Союз, коммунизм «злом в современном мире», а спасение мира от этого «зла» провозгласил «святой целью». В своей печально известной речи в английском парламенте Рейган призвал к новому «крестовому походу» против нашей страны, видимо, забывав о том, что в разные времена немало разных мальбруков тоже ходили на нас походами...

Корни подобных гегемонистских притязаний уходят глубоко в историю Соединенных Штатов. В основе притязаний лежит прежде всего агрессивная экспансионистская природа капитализма, которая столь выразительно проявляется именно на примере американского империализма, выросшего на крови и насилии. Экспансионистская внешняя политика США была четко сформулирована в первой четверти прошлого века, когда Соединенные Штаты объявили западное полушарие сферой исключительно своего влияния. Это была так называемая доктрина Монро. А затем, с течением времени, с ростом империалистического аппетита, ее рамки были расширены и poste-

пенно распространены на те районы мира, в которых заинтересован Уолл-стрит. Так появился внешнеполитический курс на установление «Пакс Американа» — такого мирового порядка, при котором любая страна могла рассматриваться как американская вотчина. С особой резкостью этот курс обозначился с конца сороковых годов нашего века. Тогда в отличие от многих других стран США вышли из войны, не только не пострадав, но и обладая огромным экономическим потенциалом. К тому же хозяевам Америки вскружила головы кратковременная монополия на атомное оружие.

На исходе 1983 года Рейган, оправдывая военное присутствие США в Ливане и их вооруженное вторжение в Гренаду, заявил: «Было время, когда наша национальная безопасность опиралась на армию в пределах наших собственных границ и на батареи береговой артиллерии в зоне нашего побережья... Мир изменился. Сегодня угроза для нашей национальной безопасности может возникнуть вдали от наших берегов. Мы обязаны сознавать стратегическое значение таких центров, из которых может быть создана угроза для нас, и уметь предугадывать их».

Уместно вспомнить, что в свое время американский президент Никсон додумался до так называемой «теории безумца», о чем впоследствии поведал американцам его ближайший сподвижник Холдeman. По этой теории выходило так: другие страны будут тем покорнее следовать политике США, чем больше будут бояться американцев, надо всех запугать так, полагал Никсон, чтобы они считали, что Соединенные Штаты могут быть способны решительно на все. Похоже, что с точки зрения официального Вашингтона эта «теория» вполне подходит как основа внешнеполитического курса. По приказу Рейгана американские войска вторглись на Гренаду (остров с населением в 100 тысяч человек), чтобы оказать давление на революционные движения в этом регионе, в частности, чтобы запугать Кубу и Никарагуа. Известно, как резко отрицательно оценило американскую агрессию мировое общественное мнение. Эта позорная акция воплощает на практике пресловутую «теорию безумца», и невольно задумываешься: что же дальше еще ждать от Белого дома с его непомерно раздутыми имперскими амбициями?

При вторжении на Гренаду Рейган выдвинул такой предлог: надо было якобы обезопасить жизнь нескольких десятков американцев, которых в то время занесло туда. А ведь, как известно, по той или другой причине американские граждане находятся во многих странах. Какая из них под таким же предлогом может стать объектом американской агрессии? Вашингтонских стратегов прямо-таки распирают имперские амбиции, милитаристские силы США реально угрожают миру на Земле. По американским данным конца 1983 года, более полумиллиона военнослужащих США находились за пределами родной страны (в Европе — почти 350 тысяч, в бассейне Тихого океана и Дальнего Востока — около 150 тысяч и т. д.). Особо следует отметить такой факт: число американ-

У Вашингтона
Не впервые:
Слова — одни,
Дела — другие.

«Миролюбивейшие»
Речи
Поступкам их
Противоречат!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ских солдат и офицеров увеличилось в Великобритании и Италии, где размещены новые американские ракеты. Так на деле осуществляется агрессивный курс, по которому едва ли не весь мир попадает в «сферу жизненных интересов США». Кстати, у этого «интереса» есть и еще одна немаловажная подоплека. Шеф Пентагона К. Уайнбергер, выступая в Нью-Йорке перед элитой делового мира Америки, заявил: «Как сказал недавно президент Рейган, «мы страна, у которой есть глобальные обязанности... Давайте посмотрим, как это отражается на нашей политике в области обороны». И далее Уайнбергер развил эту мысль так:

«Например, то обстоятельство,

что заводы и фабрики в Японии и Западной Европе используют в качестве топлива ближневосточную нефть, означает, что наша давняя национальная приверженность обеспечению безопасности НАТО и Северо-Восточной Азии теперь распространяется и на Ближний Восток. А что можно сказать о зависимости наших наукоемких отраслей промышленности от имеющих важное стратегическое значение полезных ископаемых, месторождения которых имеются только в Африке и Латинской Америке? Мы получаем 60 процентов своего кобальта из Африки к югу от Сахары, кобальта, необходимого для производства реактивных двигателей и многой другой необычайно важной

промышленной продукции. А как насчет наших рынков, этой артерии для американской торговли, которые распространились по всему земному шару? Наши жизненные интересы и обязательства распространяются по всему миру...»

Вот такая, можно сказать, глобальная концепция! При этом Уайнбергер прежде всего назвал Ближний Восток в качестве еще одного региона, попадающего в сферу жизненных интересов США. Проводимая там Вашингтоном политика — яркое проявление его гегемонистских устремлений. В конце 1983 года США и Израиль договорились о создании так называемого военно-политического комитета. Этот американо-изра-

ильский орган является штабом по разработке и ведению совместной агрессивной политики и конкретных агрессивных действий на Ближнем Востоке. Вашингтон поддерживает израильских агрессоров, одновременно наращивая собственное военное присутствие в этом регионе. По мнению «Нью-Йорк таймс», «Соединенные Штаты стоят на пороге вмешательства в арабо-израильский конфликт 35-летней давности — с объявлением или без объявления войны». Пожалуй, газета высказалась слишком мягко. Фактически Вашингтон уже давно и активно вмешивался в этот конфликт (бесконечные долларовые подкаты Израилю, снабжение его оружием, посылка американских морских пехотинцев в Ливан, обстрелы и бомбежки американскими кораблями и самолетами ливанской территории и т. п.). Израильская военщина испытала 100 новых видов американского оружия на истерзанной земле Ливана. «В Вашингтоне, похоже, решили», — замечает газета «Вашингтон пост», — что США нуждаются сейчас в Израиле больше, чем когда-либо. Тель-Авив, со своей стороны, охотно берет на себя роль проводника гегемонистской политики Белого дома на Ближнем Востоке. За это Израиль требует и получает от Вашингтона все, что ему необходимо. «Вопиющая наглость, с какой израильским политикам удается диктовать свои требования такой «великой» державе, как США», — писал национальный председатель Коммунистической партии США Генри Уинстон, — объясняется не одним только идеологическим воздействием израильского сионизма. Сионизм и расизм — это орудия и средства на службе американских империалистов, пытающихся удержать свои главенствующие позиции в этом районе мира.

В русло своей гегемонистской политики Соединенные Штаты пытаются затянуть союзников по НАТО и другие страны так называемого «свободного мира». При этом Вашингтон использует преж-

де всего ядерное оружие и ядерный шантаж. Пример тому — страны Западной Европы. Газета «Нью-Йорк таймс» пишет: «Оружие становится основой основ все более широкого круга проблем. Дипломатия выражается преимущественно в искусстве передачи оружия. Отношения с европейскими союзниками вращаются вокруг развертывания американских ракет». И вот они уже фактически размещаются в Западной Европе, несмотря на то, что эта акция сорвала женеvские переговоры по европейским ядерным средствам средней дальности.

Еще в 1953 году Томас Манн предупреждал:

«...Мне стыдно за малодушную и безоглядную зависимость Европы от Америки, столь же странную и противоречивую, как все еще наблюдаемое в Америке сочетание глубокого преклонения перед историческим достоинством нашего континента, испытаниями, выпавшими на его долю, со склонностью рассматривать Европу в качестве экономической колонии, военного базиса, плацдарма в предстоящем ядерном «крестовом походе» против России; хотя Европа и является древней, интересной для путешественника частью света, перед полным ее разрушением не останавливаясь, если речь пойдет о борьбе за мировое господство...»

Безусловное включение Западной Европы в американскую систему обороны я не считаю делом мудрым, полезным для сохранения мира, отвечающим действительным задачам этой части планеты».

Такого же рода имперская политика США в отношении Латинской Америки имеет, как уже упоминалось выше, давние корни. Суть ее заключается в подавлении революционного национально-освободительного движения и поддержке там антинародных режимов (например, на Гаити, в Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре и других государствах). Ту же самую политику видим мы и на другом континенте в отношении ЮАР, покушающейся на

суверенитет Анголы. Вашингтон выступает за расистский режим Претории, вплоть до его публичной поддержки в ООН. При этом, как известно, США остаются при голосовании в ООН в гордом одиночестве. Кстати, это обстоятельство (так же, как и многие другие аналогичные факты) вызывает в Вашингтоне все большую неприязнь к ООН. Эта самая представительная международная организация, видите ли, не устраивает нынешнюю американскую администрацию. Не устраивает прежде всего потому, что стоит на пути гегемонистских устремлений США. Как известно, в конце 1983 года Белый дом объявил о намерении США выйти с 31 декабря 1984 года из ЮНЕСКО (Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки, культуры и информации). Еще в 1975 и 1976 годах Соединенные Штаты приостанавливали выплату своего взноса в ЮНЕСКО, поскольку тогда Израиль был подвергнут в этой организации резкой критике за проведение политики геноцида по отношению к населению оккупированных им территорий. На этот раз среди прочих причин, вызвавших недовольство Вашингтона, главной стала борьба ЮНЕСКО против «информационного империализма». Дело в том, что в настоящее время более 100 стран имеют свои информационные агентства, распространяющие информацию на международном уровне, при этом на долю только двух американских агентств, Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс Интернешнл, приходится 78 процентов сбора, обработки и распространения всех новостей в капиталистическом мире. Спрашивается: справедливо ли такое соотношение? Подсчитано, что поток информации из США и других развитых капиталистических государств в страны Азии, Африки и Латинской Америки в 100 раз больше потока, идущего в обратном направлении.

«Выход США из ЮНЕСКО», — пишет газета «Вашингтон пост», — преследует цель сделать предупреждение Организации Объеди-

ненных Наций, курс которой, как считают наиболее консервативные представители вашингтонской администрации, носит «антиамериканский» характер». Американская телекомпания Эн-би-си добавляет, что, дескать, ЮНЕСКО «зашла слишком далеко против США, Израиля и против капитализма вообще». Индийская газета «Нэшнл геральд» справедливо отмечает: «В последнее время со стороны США предпринимались неоднократные попытки подорвать авторитет и влияние ООН. США уже вышли из Международной организации труда (МОТ). Все эти факты говорят о растущем стремлении со стороны Соединенных Штатов приписать себе право решать в одностороннем порядке судьбы всего мира». В самом деле, США замахиваются не только на отдельные страны, но и на международное сотрудничество наций. Это еще один пример того, до каких непомерных масштабов разрослись сегодня имперские амбиции Америки.

Амбиции эти, разумеется, далеко не внутреннее дело одних Соединенных Штатов. Старейший политический деятель США А. Гарриман отмечает, что отношения США с Советским Союзом стали напряженнее, чем когда-либо за последние 30 лет, и продолжает: «Таков мрачный результат дипломатии правительства Рейгана. Если позволить нынешним тенденциям в области ядерных вооружений и американо-советских отношений развиваться и дальше в том же направлении, мы можем столкнуться не с опасностью возникновения войны, а с самой ядерной войной».

В своей речи перед избирателями К. У. Черненко назвал конкретные меры, которые могли бы способствовать разрядке и разоружению. «Не исключено», — сказал он, — что достижение договоренности по упомянутым вопросам стало бы началом настоящего перелома в советско-американских отношениях, да и во всей международной обстановке. Мы такого перелома хотели бы. Дело за Вашингтоном».

СОВЕТСКО-АВСТРИЙСКОЙ ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

В эти дни австрийская и советская общественность отмечают 60-летие установления дипломатических отношений между Австрийской Республикой и Советским Союзом.

Знаменательной дате был посвящен торжественный вечер в Доме дружбы с народами зарубежных стран, проходивший под председательством заместителя председателя Совета Министров РСФСР, заместителя председателя Центрального правления общества советско-австрийской дружбы Л. П. Лыковой. Как отметил в докладе донтор исторических наук, профессор А. Ахтамзян, Австрийское федеральное правительство 25 февраля 1924 года

В президиуме торжественного вечера.
Фото С. Васильниченко

предложило Наркоминделу СССР возобновить дипломатические отношения, преобразовав свое представительство в дипломатическую миссию. 29 февраля Советское правительство ответило согласием. Было положено начало длительному сотрудничеству в области науки, техники, культуры, развивавшаяся взаимовыгодная торговля.

Выступивший на вечере Чрезвычайный и Полномочный посол Австрийской Республики в СССР Х. Лидерман подчеркнул, что в тяжелые годы нацизма в 1938 году СССР был одним из первых среди немногих государств, протестовавших против аншлюсса — этого акта произвола гитлеровского рейха. Напомнив об освободительной миссии Советской Армии в годы второй мировой войны, посол заверил собравшихся, что большое впечатление на австрийцев производят отношения искренней дружбы и сотрудничества, проявляемое советскими людьми к альпийской республике, уважение к ее культуре, традициям.

Было подчеркнуто высокое значение Государственного договора от 15 мая 1955 года, явившегося важным вкладом в дело разрядки международной напряженности и укрепления мира в Европе, определившего независимую внешнюю политику Австрии и создавшего прочный фундамент для развития двусторонних политических, экономических и культурных отношений.

В заключение вечера был дан большой концерт солистами ГАБТа СССР.

В Мраморном зале были развешены фототыставка, рассказывающая об истории советско-австрийских отношений за прошедшие шестьдесят лет, а также тематическая книжная экспозиция.

Ю. НОВИКОВ

О Б Ы Ч Н Ы Й Р А Й О Н

**Б. СМЕРНОВ,
фото Д. ДЕБАБОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»**

Бывает, едешь за тридевять земель, ожидаешь увидеть что-то необычное, а возвращаешься — и рассказать-то особо нечего. Не повезло! А потом вдруг совсем рядом со своим домом находишь столько нового, что... Впрочем, все по порядку.

Мы решили взять какой-нибудь уголок страны и посмотреть, что там изменилось за последние годы. Выбор пал на Брянскую область: Нечерноземье, богатая история, крепкие промышленные корни. В Брянске нам посоветовали поехать в Дятьковский район.

Сто лет назад развернул здесь свою промышленную империю знаменитый в то время Мальцов — а эта фамилия столь же примечательна для своего времени, как, например, фамилия Демидовых для позапрошлого века. Мальцовские владения называли «Америкой в России»: более ста заводов и фабрик, своя железная дорога, свой телеграф, свое судоходство на реках, свое производство сахара, паровозов, вагонов, рельсов, хрустали, стекла, фаянса, всевозможных земледельческих машин... А как перестроилась, разрослась промышленность дятьковской земли в советское время, как она была полностью разрушена войной и полностью восстановлена в кратчайшие сроки, какими темпами развивается сейчас — всего этого в двух словах не расскажешь.

Свои блокноты мы стали заполнять буквально с первых минут пути, по дороге из Брянска в районный центр Дятьково. Ровное и широкое шоссе, выравшись из города, прямой полосой пересекает поля, сосновый перелесок, минует стороной поселки, плавными пандусами отвечает к виадуку современного, в двух уровнях, перекрестка...

— Эти сорок километров совсем недавно построены, — объясняет водитель. — Сейчас дорожники за Дятьковом участок сдают, скоро до Людиново доберутся. Была дорога районная, будет республиканского значения. А что раньше здесь творилось — лучше не вспоминать: автомобильные рыдания...

— Наверное, на сельских трассах и сейчас шоферы плачут?

— Бездорожья пока хватает. Хотя у нас в районе теперь во всех шести совхозах к центральным усадьбам дороги хорошие, асфальт и бетон — это точно. К фермам, на отделения тоже твердое покрытие; любой скажет: ездить стало легче. Строимся по-маленьку!

Вот и Дятьково. При въезде в город — стена с изображением ордена Отечественной войны I степени. Город партизанской славы стал орденоносным. Орден как бы связал два периода в его жизни — подвиги в военные годы и трудовые успехи послевоенных лет.

Указ о награждении города подписан 6 сентября 1983 года — за несколько дней до того, как вся Брянская область торжественно отмечала сорокалетие освобождения от гитлеровской оккупации. Этот праздник дятьковцы встретили у мемориала, воздвиг-

нутого над братской партизанской могилой. Строили его на средства, собранные трудящимися района. Мы не случайно говорим о мемориале: он создан по наказу избирателей.

— Сейчас в наших планах — большой музей боевой славы района, — рассказывали нам в районном комитете партии.

— Но ведь в городе уже есть музей боевой славы.

— Есть. Но он находится в помещении нашего другого знаменитого музея — хрустали. Надо строить отдельное помещение. Да вы сами там побывайте — убедитесь...

Мы убедились: в аккуратных, светлых, любовно обставленных помещениях музея боевой славы много интереснейших материалов. Экскурсию по залам вел высокий седой человек, чьи фотографии помещены тут же, на стенде: Иван Дмитриевич Волков, бывший командир партизанского отряда, председатель Совета ветеранов. О каждой фотографии со стенда он может рассказать целые истории. Вот партизанский хирург С. М. Онохин. А потом портрет того же Онохина мы случайно увидели на стене кабинета П. М. Филатова, заведующего хирургическим отделением районной больницы.

— Да, партизанский хирург Онохин, позже Герой Социалистического Труда, заслуженный врач РСФСР, — мой учитель, — объяснил Павел Михайлович. — Этого замечательного человека многие помнят в нашей больнице...

Хирургический корпус больницы открыт совсем недавно, буквально месяц назад. Честно говоря, мы решились идти сюда не сразу: ну, чем может удивить обычная районная больница, пусть даже новая? А она поразила! Корпус сам по себе невелик. Но зато внутри — шесть различных по назначению операционных! В одной стоит лазерная установка, в другой — установка, где на экране по ходу операции отмечается сразу восемнадцать тестов состояния больного — температура тела, артериальное давление, биотоки мозга и так далее. Новейшая аппаратура стоит в физиотерапевтическом кабинете, самое современное оборудование — в палате реанимации, да и обычные палаты просматриваются специальными телекамерами даже ночью — в свете инфракрасных ламп: дежурному врачу не надо бегать по коридорам от двери к двери — достаточно взглянуть на экран. Есть специальная палата для ве-

теранов войны, она напоминает скорее комнату санатория. Да что говорить — здесь посетители говорят с больными по видеотелефону: тележку с львовскими видеоаппаратами можно вкатить в любую палату. И все это, заметьте, в районной больнице!

Странное дело: мы подчас походя словно и не замечаем новостройки, просто не обращаем на них внимания, а приглядевшись, поражаемся: надо же, как много нового появилось вокруг! Вот и здесь, в Дятьковском районе, наши спутники, показывая нам все подряд, и сами с удивлением отмечали новшества чуть ли не на каждом шагу: это новый жилой квартал, это профтехучилище, это заводской профилакторий, совхозный детский сад, магазин, столовая... Построено добротно, красиво, с любовью.

А разве не удивителен цементный завод, который работает без пыли? Правда, это в будущем, сейчас цементный гигант, стоящий неподалеку от Дятькова, в городе Фокино, присыпает, словно пудрой, и снег на близких полях, и дороги, и деревья. Но ведь завод стоит с начала века! Сколько раз он перестраивался, разрушался и восстанавливался, но лишь в последнее время стали вступать в строй новые, как здесь говорят, «нитки» цементного производства, обещающие сделать предприятие «чистым» уже в ближайшие годы.

— Посмотрите на обрезы заводских труб: видите, вот на той дым словно приклеен к трубе? Это от старых печей, там действительно выбрасывается пыль. А над новой печью — видите? — дым словно висит над трубой, большой просвет виден? Это и не дым, а пар, загрязнения никакого, — поясняет начальник производственно-технического отдела Брянского цементного завода Андрей Всеволодович Шевырев.

Вы приезжайте через несколько лет — это будет полностью обновленный завод! Как игрушка! У нас уже сейчас на территории полно зелени, есть уголок отдыха, бассейн... Пошли, покажу...

Да, этот адрес не забудется, не затеряется в записных книжках. А разве забудешь школу мастеров на хрустальном заводе: она открылась буквально на наших глазах, мы видели, как мастера хрустального дела впервые ступали на дощатый пол «верстана» — иначе говоря, своеобразной сцены, где у печи с расплавленной массой творится чудо рождения ваз, графинов, бокалов. Об этом рассказ особый, скажем только, что открывшаяся многоэтажная школа — ее можно назвать и экспериментальным цехом — поможет во многом обогатить производство знаменитого дятьковского хрустали. Новостройки, кроме прочего, хо-

роши еще и тем, что дают пищу размышлениям, планам на будущее. Например, интересно было бы увидеть через несколько лет ребят, что сегодня, на наших глазах, впервые пришли в новенький Дом спорта «Электрон» — они просто должны стать чемпионами, узнав, каких трудов стоило «дятьковским дядям» построить этот в буквальном смысле дворец здоровья!

...Еще одна новостройка: на этот раз — новейшее предприятие, завод-автомат. Издали различаешь на погрузочной площадке нежно-оранжевые цвета: это штабеля контейнеров с керамическими дренажными трубами, готовыми к отправке. Может, сравнение спорное, но внутри, в цехах, завод напоминает выставку: словно напоказ, выстроились в непрерывную линию сложные агрегаты, а между ними парадным строем плывут по конвейеру трубы. Не сразу доходит до сознания: ведь это глина, это то самое производство, где, казалось бы, не обойтись без грязи, осколков, технологических отходов, а здесь чистота. Брось спичку на пол — будет заметна, но в этом царстве автоматизации спичек на пол не бросают. А ведь завод еще полностью не построен, должна войти в строй еще одна технологическая линия, тогда здесь будут выпускать двадцать семь тысяч километров труб в год! Представив себе реально эту продукцию — и кажется, что через несколько лет сеть дренажных каналов сможет покрыть всю страну.

— Что вы, труб не хватает, — говорил нам первый секретарь Дятьковского райкома партии Геннадий Иванович Демичев. — Сельское хозяйство теперь немислимо без систем искусственного орошения. Район наш главным образом промышленный, но и выпуск сельскохозяйственной продукции нашими шестью совхозами за последние годы заметно возрос: больше сдаем зерна, картофеля, мясо-молочных продуктов. Недавно вступил в строй комплекс крупного рогатого скота на восемьсот голов в совхозе «Бытошский», сданы в эксплуатацию цеха птицефабрики «Победа» — это лишь первая очередь новостройки, скоро птицефабрика утроит производство яиц...

Мы побывали в этом совхозе, видели новые современные цеха и, кстати сказать, присутствовали при одном любопытном разговоре. Птичница Мария Павловна Карташова, заслуженный работник, орденосица, при нас потребовала, чтобы секретарь парткома совхоза Л. М. Сарычев дал ответ: когда она получит новую квартиру? Проблема, в общем, традиционная, и мы ожидали, что спор пойдет о ближайших годах. А наши собеседники сошлись на... следующем месяце: оказывается, в хозяйстве планомерно, один за другим строятся благоустроенные дома городского типа.

— Как обстоят дела с жильем в районе? — продолжаем мы разговор с Г. И. Демичевым.

— Улучшены жилищные условия более чем пяти тысячам семей — по нашим условиям это неплохо, — в том числе введено 265 квартир на селе. С нетерпением ждем, когда начнет действовать наш завод крупнопанельного домостроения. Он ускорит возведение жилья во всем районе. Хотя вообще-то для городского строительства прошедший год был у нас рекордным: обычно мы сдавали по 30–40 тысяч квадратных метров жилья, а на этот раз — 50 тысяч!

...Нет, это невозможно — коротко рассказать обо всем, что произошло за последние годы в небольшом районе. Потому что дела эти — для блага человека и во имя человека — бесконечны.

УСПЕХ НА ПАТЕНТНОМ РЫНКЕ

Б. Е. КУРАКИН,
генеральный директор «Лицензинторга»

В этом здании, расположенном вблизи метро «Филевский парк», надежно обосновались коммерция и деловитость, призванные служить взаимовыгодному обмену научными и инженерными идеями между Советским Союзом и большинством развитых стран мира. Здесь находится Всесоюзное экспортно-импортное объединение «Лицензинторг».

— Борис Евгеньевич, когда и кому была продана первая советская патентная лицензия?

— В 1962 году, вскоре после создания «Лицензинторга», японская фирма «Кобе Стил» приобрела у нас право на производство вертикальных установок непрерывной разливки стали, сокращенно УНРС. Это и была одна из наших первых сделок.

— А как в дальнейшем складывались отношения с этой известной фирмой?

— Спустя десять лет, в 1972 году, «Кобе Стил», внимательно следившая за достижениями советской науки в этой области, вновь обратилась к нам с просьбой оказать содействие в получении еще одной лицензии, теперь уже на УНРС криволинейного типа. Мы выполнили и эту просьбу фирмы, заключив обоюдовыгодные соглашения.

— Вы говорите «обоюдовыгодные соглашения». Нельзя ли на конкретном примере показать, какие выгоды сулит нашим покупателям советская патентная лицензия?

— Охотно. Несколько лет назад японская фирма «Ниппон Стил» заключила с нами соглашение на использование системы испарительного охлаждения доменных печей. После этого прошел всего один год, и на домне в городе Нагоя благодаря советской технологии был установлен рекорд суточной выплавки металла. Сейчас в Японии почти тридцать доменных печей оборудованы нашей системой испарительного охлаждения, а «Ниппон Стил», продолжая развивать взаимовыгодное сотрудничество, вновь приобрела у нас лицензию, на этот раз на установку сухого тушения кокса. Сухое тушение кокса считалось в то время да и сейчас считается за рубежом одним из крупнейших советских изобретений. Оно позволяло фирмам, взявшим его на вооружение, решать не только экономические проблемы, но и проблемы, связанные с улучшением качества кокса, уменьшением загрязнения окружающей среды. Не случайно лицензии на установки сухого тушения кокса были закуплены у нас, кроме Японии, фирмами Италии, Франции, ФРГ. А совсем недавно на металлургическом заводе в городе Тубарон (Бразилия) было введено в эксплуатацию пять установок сухого тушения кокса. Причем их проектирование и поставка осуществлялись нашей дочерней фирмой в Италии — инженерным обществом «Текникон». В рамках

соглашения между «Текниконом» и промышленниками Бразилии предусматривалось, что шеф-монтаж и пусковые работы будут осуществлены группой советских металлургов — проектировщиками из харьковского Гипрокоса и специалистами коксового производства с Череповецкого металлургического завода. По отзывам официальных и деловых кругов Бразилии, советская технология признается одной из лучших на этом самом современном металлургическом предприятии не только в западном полушарии, но и во всем мире.

— С какими странами, кроме Японии, сотрудничает «Лицензинторг» с первого дня своего существования?

— Недавно мы отметили двадцатилетний юбилей взаимовыгодных контактов с западногерманским концерном «МАН. ГХХ». Он был среди первых покупателей лицензии испарительного охлаждения доменных печей. Одним из самых ранних покупателей была и американская фирма ЮССК, которая, внимательно изучив советскую технологию производства хирургических сосудосшивающих инструментов, стала нашим партнером на долгие годы. А из соглашений с американскими фирмами, заключенными в последнее время, мне бы хотелось отметить соглашение с фирмой «Тексас Ютилитиз» на подземную газификацию угля по методу советских специалистов и с известной в деловом мире фирмой «Мак Дермотт» на сварку морских магистральных трубопроводов, разработанную учеными Института электросварки имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР. Ведущие фирмы США, такие, как «Алкоа», «Рейнолдс», «Кай-

зер», по достоинству оценили и тут же подписали соглашение на такое советское новшество, как разливка алюминия в магнитном поле. Не заставила себя долго ждать с деловыми предложениями и фирма «Олин Брас», когда на «рынке изобретений» появилась советская технология непрерывной разливки меди в магнитном поле, которую разработали и внедрили ученые и инженеры института Гипроцветметобработка.

— Иной раз в американской печати проскальзывает мысль о том, что Советский Союз в одностороннем порядке стремится закупать передовой опыт, не предлагая взамен ничего оригинального и нового. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Повседневная практика деятельности «Лицензинторга» говорит об обратном. Не выдам коммерческой тайны, если со всей ответственностью скажу, что мы продаем в Соединенные Штаты Америки лицензий много больше, нежели покупаем их на американском рынке. Иные журналисты, пользуясь запрещенным приемом, говорят и пишут о том, что между нашими странами в реализации лицензий отсутствует общий платежный баланс. Однако это объясняется предельно просто. Американские покупатели, как правило, стремясь заполучить у нас новые идеи, патентные права, технические услуги, не слишком охотно покупают наше оборудование. Мы же удовлетворяем стремление фирм США поставить нам в «пакете» с лицензией и оборудование, что позволяет нашим партнерам, помимо выгоды от переступки прав, получить и существенную прибыль при экспорте оборудования. Хотя и в этом случае мы остаемся, как говорят деловые люди, «с плюсовым балансом».

— Недавно журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», ссылаясь на высказывание одного из консультантов госдепартамента США, писал: «Многие американцы с удивлением узнают, что такие компании, как «ЗМ», «Кайзер алюминия», «Вэбкок энд Уилкокс», «Бристоль — Майерс», «Рекснорд», «Гейтсраббер», и многие другие, приобретают патенты и технологические процессы у Советского Союза». И далее, что в настоящее время промышленность США видит в СССР и других социалистических странах «потенциальный источник методов, позволяющих изготавливать товары лучше и дешевле». Остановившись на этом, журнал резюмирует, что в США «давно восхищаются такой сильной стороной русских, как развитие проблемных исследований», «завидуют достижениям советских специалистов в применении точных наук в таких областях, как металлургия, физика ядерного синтеза, реактивное движение и сейсмография». Тот же журнал отмечает: «Советский Союз и его партнеры за последние годы продали Западу лицензий на сумму не менее 50 миллионов долларов». А газета «Интернэшнал геральд трибюн» констатировала: «Нет оснований говорить о каких-то серьезных различиях в технико-экономических возможностях СССР и Запада».

И вот в связи со всем этим возникает вопрос: есть ли необходимость Советскому Союзу покупать зарубежные патенты и лицензии?

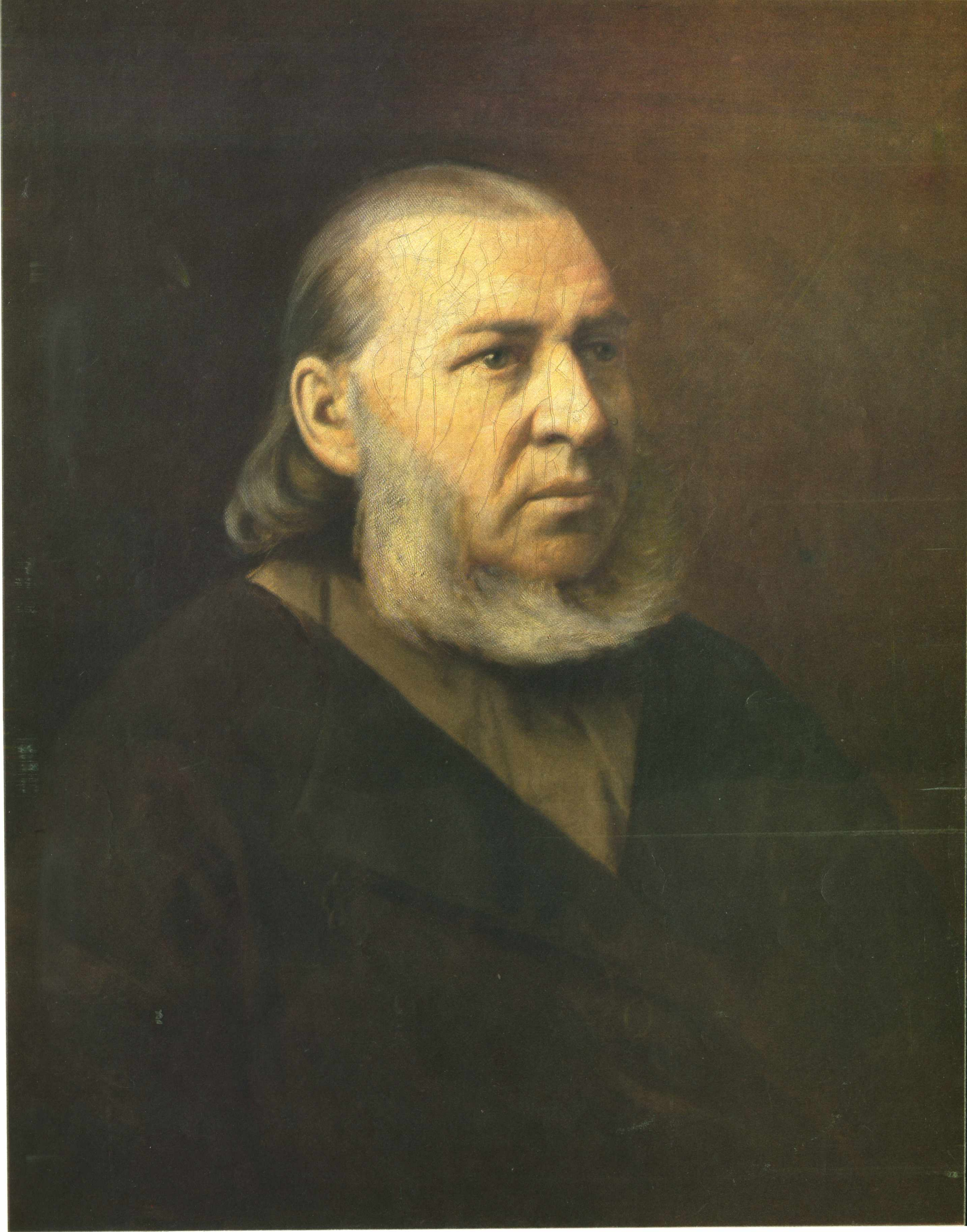
— Если не ошибаюсь, еще Гете говорил, что изобретать самому прекрасно, но то, что другими найдено, знать и ценить — меньше ли, чем создавать? Советская наука и техника сегодня действительно располагают мощным потенциалом, который может позволить нашей стране решить проблему любого масштаба. Сошлюсь на недавний пример. Стоило президенту Рейгану попытаться «перекрестить дорогу» для поставки в Советский Союз двадцатипятимегаваттных газоперекачивающих агрегатов, необходимых для газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, как ленинградское объединение «Невский завод» имени Ленина в считанные месяцы завершило работы по созданию аналогичных по мощности установок. И таких примеров можно привести много. В то же время сегодня, и мы хорошо это понимаем, ни одна страна, обладая даже поистине неограниченными возможностями, не способна в равной степени доминировать во всех без исключения областях науки и техники.

— Видимо, не все деловые контакты приводят к подписанию желаемых соглашений?

— Разумеется. Купить лицензию — это значит согласовать множество позиций, деталей, обсудить и зафиксировать на бумаге отдельные нюансы и аспекты соглашения. История взаимоотношений «Лицензинторга» с американскими монополиями и фирмами, например, изобилует фактами, когда на подписание соответствующего документа уходило несколько лет, но он так и не вводился в силу нашими будущими лицензиатами. Мы учитываем все эти сложности и имеем хорошие деловые отношения с ведущими странами Западной Европы, такими, как ФРГ, Италия, Франция, Финляндия. Целенаправленно расширяем контакты с другими странами мира. Так, например, с большим интересом встретили на «рынке идей» советскую технологию по переработке полиметаллических руд цветных металлов. Лицензии на использование этого процесса приобрели фирмы Австралии и Канады, той же Федеративной Республики Германии.

— Скажите, Борис Евгеньевич, всегда ли зарубежному партнеру, подписавшему соглашение с «Лицензинторгом», гарантирована надежная патентная защита? Ведь существует промышленный шпионаж да и, попросту говоря, стремление отдельных фирм «прикарманить» научную новинку, не утруждая себя честным, деловым сотрудничеством.

— К сожалению, факты, о которых вы упоминаете, еще встречаются в нашем деле. Так, после того, как одна западногерманская фирма приобрела у нас лицензию на производство фильтр-прессов ФПАКМ, авторам изобретения из Украинского научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения стало известно, что некая английская фирма пытается копировать их новинку, выдавая за

В. Перов. 1834—1882. ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ АКСАКОВА.

Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева.

Н. Свѣрчковъ. 1817—1898. Доезжающій.

свою. В категорической форме мы опротестовали эти усилия «лжеизобретателей», и в конечном счете английский суд признал наши требования обоснованными. После этого западногерманская фирма, закупившая нашу лицензию, значительно увеличила поставки фильтр-прессов на английский рынок. Нечто подобное произошло как-то и в Японии, когда две местные фирмы принялись копировать советские фильтр-прессы. Наш лицензиат обратился к нам за помощью. Подключив японских адвокатов, мы добились запрещения производства незаконных копий фильтр-прессов. Так что «Лицензинторг» в тесном сотрудничестве с торгово-промышленной палатой СССР способен обеспечить надежную защиту интересов своих партнеров.

— Чем можно объяснить всевозрастающий авторитет «Лицензинторга» на внешнеторговом рынке?

— В своей работе мы опираемся на крупнейший в мире отряд первоклассных ученых, конструкторов, изобретателей, рационализаторов. Возьмем для примера только один научный коллектив — Институт электросварки (ИЭС) имени Е. О. Патона Академии наук Украинской ССР. Лицензии на разработанные им оборудование и технологические процессы были закуплены специалистами ГДР, ВНР, ЧССР, НРБ, а также Японии, Франции, ФРГ, Италии и целого ряда других стран. Представляя интересы этого коллектива на внешнем рынке, мы не забываем сообщить нашим партнерам, что только на зарубежных ярмарках и выставках последних лет изобретения и открытия ученых этого института получили тридцать шесть золотых медалей и свыше трехсот серебряных и бронзовых наград. Так что высокий авторитет нашей науки — лучшее, что может иметь для рекламы своей работы объединение «Лицензинторг».

Советское государство много делает для развития науки и техники. У нас в стране на нужды науки каждый год расходуются десятки миллиардов рублей! Вдумайтесь в эту цифру, и вам станет ясно, почему в Советском Союзе возможно ежегодное рождение чуть ли не ста тысяч изобретений и открытий. Из них-то совместно с руководителями научных учреждений и промышленных предприятий и отбираются наиболее ценные и оригинальные, на наш взгляд, новинки для иностранного покупателя.

— Хотелось бы, чтобы вы рассказали о взаимоотношениях «Лицензинторга» со странами социалистического содружества.

— Мы имеем прочные деловые контакты со многими внешнеторговыми организациями ГДР, Болгарии, Венгрии. Наши постоянные партнеры: «Политехна» (ЧССР), «Теско» (ВНР), «Центрозап» и «Полсервис» (ПНР). Хорошо продуманный, поставленный на системную основу обмен лицензиями с социалистическими странами позволяет нам в рамках СЭВ не только избегать ненужного дублирования в работе научных и промышленных предприятий, но и является прочной базой для плодотворного научно-технического сотрудничества. Так, многие лицензии на совместные разработки ученых Советского Союза и социалистических стран широко

реализуются в высокоразвитых странах.

— Не многие читатели знают, что на мировом «рынке изобретений» в области медицины большим спросом пользуются лицензии на аппараты доктора Илизарова, на уникальную методику хирургической коррекции близорукости, разработанную профессором Федоровым.

— Всем заинтересованным фирмам мы предоставляем возможность приобрести у нас не только лицензии на эти открытия советских врачей, но и их специалистам стажироваться под руководством авторов.

— Кстати, если я не ошибаюсь, и шампанское сегодня во многих странах производят по технологии, разработанной советскими виноделами?

— Совершенно верно. На изобретенный у нас в стране способ шампанизации вина в непрерывном потоке, который по качеству конечного продукта соответствует традиционной бутылочной технологии, уже выданы патенты виноделам Болгарии, Чехословакии, Аргентины, Греции, Испании, Турции, США, ФРГ, Швейцарии и многих других стран. Сейчас завершаются переговоры и с самими «законодателями моды» в этой области виноделия.

— А как обстоит дело с импортом лицензий?

— Мы не только продаем лицензии, но и стремимся обеспечить народное хозяйство Советского Союза наиболее современными, высококачественными машинами, оборудованием и техническими процессами, которые появляются за рубежом. Возьмем, например, железные дороги страны. Небывалый объем грузов ложится на наши стальные магистрали, по которым доставляются миллиарды тонн народнохозяйственных грузов, миллионы пассажиров. В связи с этим железные дороги требуют все более совершенного, более автоматизированного оборудования. Несколько машин для этих целей разработала австрийская фирма «Плассер унд Тойрер», и «Лицензинторг» своевременно приобрел право на их производство. Понадобилось нам, и мы у французской фирмы «Сен Гобен» купили лицензию на способ получения изделий из закаленного стекла, а у западногерманской фирмы «Форма» право на новый способ производства стекол для автомобильных фар. Претворяя в жизнь решения партии и правительства, мы постоянно стремимся участвовать в реализации программ, обеспечивающих повышение благосостояния нашего народа. С этой целью у голландской фирмы «Макинтош» была приобретена лицензия на производство женских плащей. Французская фирма «Вестра» стала нашим партнером в шитье мужских костюмов. Со шведской фирмой «Йофа АБ» мы заключили соглашение на технологию изготовления защитного хоккейного снаряжения. Одним словом, «Лицензинторг» широко распахивает свои двери для взаимного сотрудничества.

В нынешнее время, когда так усложнилась международная обстановка, деятельность «Лицензинторга», как и других внешнеторговых объединений Советского Союза, способствует сотрудничеству между государствами разных социальных систем.

Беседу вел В. ЗАСЕЕВ.

Андрей КАРАУЛОВ

Она дебютировала в опере Дж. Верди «Риголетто»: спела партию Пажа. Сочетание безукоризненной интонации, прекрасного голоса, звучащего одинаково ярко во всех регистрах, запоминающихся внешних данных и неподдельного артистического обаяния — все сразу расположило и публику и критику. Синявской любовались. Синявской заслушивались. На Синявскую возлагали большие надежды. И она быстро их оправдала, спев Любашу в «Царской невесте». Заявила о себе не только как о высокопрофессиональной певице, но и как о превосходной драматической актрисе.

Уже в первой сцене, когда Любаша по просьбе Малюты поет песню о горькой доле девушки, вынужденной идти замуж за нелюбимого, Синявская дала почувствовать возможность трагедии, превращая арию Любаши в ее горькую исповедь. Она пела так,

Знает ли кто-нибудь, что первый спектакль Тамары Синявской состоялся не в Большом театре СССР, где она работает вот уже двадцать лет, а по соседству, на сцене Малого театра?

Удивлены?.. Еще бы! Известная певица, забываемая Кармен,

П Ою ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЛЮБЛЮ...

Любаша в «Царской невесте», Ульрика в опере Верди «Бал-маскарад», при чем же здесь Малый театр? Между тем все объясняется просто. Было это, когда студентка училища при Московской консерватории Тамара Синявская пела в хоре Малого театра. Хор назывался «засценным», потому что и находился, соответственно за сценой. На премьере «Живого трупа» студентка наконец вышла из-за кулис на подмостки. Вышла в хоре цыган...

— Пела и танцевала я с самых ранних лет, — рассказывает Тамара Ильинична. — Чуть повзрослев, в десять лет пришла в хор Ансамбля песни и пляски, которым руководил Владимир Сергеевич Локтев, и эта встреча во многом определила мою дальнейшую жизнь. Без песни, без музыки я уже не могла! А потом все сложилось очень удачно: училище при консерватории, стажерская группа Большого театра, Большой театр, участие в международных конкурсах, ГИТИС...

что прошлое Любаши, ее судьба вообще вставали перед глазами. Узнавалась Россия. Вспоминались поэмы Некрасова. Голос звучал свободно и широко. Артистка не боялась касаться самых глубин женской психики и рассказывала о Любаше со всей страстностью своей души.

— Люблю петь русских женщин, — говорит она. — В операх западных композиторов героини даже в момент большой страсти остаются все же холодноваты. Они думают в первую очередь о себе. Парадокс? Нет. Вспомните Амнерис из «Аиды», Далилу из «Самсона и Далилы». Ведь ни та, ни другая ни на минуту не забывают, «кто» они и «что» они. А когда поешь русскую женщину, то всегда поешь ее судьбу. Та же Любаша из «Царской невесты» — она все готова отдать во имя любви! И ничего не требует взамен!..

Синявская истинно русская певица. По духу. По щедрости и глубине чувства. «Откровением спектакля, бесспорно, явилась Тамара

Синявская — прекрасная, чувственная Кончаковна, обладающая волнующим контрастом, — писала после премьеры «Князя Игоря» в Париже французская газета «Пари́зьен либере».

Именно в русских национальных операх Синявская достигла совершенства: Любаша, Кончаковна, Марфа в «Хованщине» не останутся без внимания исследователей советского оперного искусства 70—80-х годов. Артистка внесла в исполнение ноту высочайшей искренности и самоотверженности... Кто такая Марфа в ее исполнении? Живое олицетворение рока? Наместник «потусторонних сил» на земле? О нет! Она фанатик. Однако же, несмотря на весь ее фанатизм в вере и любви, она остается глубоко человеческой. Поэтому-то в знаменитой сцене гадания Марфы звучат такая глубокая обеспокоенность и душевная боль. Синявской — Марфе искренне жаль князя Голицына: она знает, что его ждет...

Кажется, жизнь всех ее героинь состоит из ярких, тревожащих душу мгновений, в которых как бы спрессовано самое время. Синявская всегда играет и поет судьбу — таковы напряженные кульминации жизни... Она знает, что жизнь всегда испытывает человека в его роковой час, и уверенно подводит зрителей к постижению этой судьбы. Любит она (Любаша) Грязного, а Марфа сочувствует Голицыну. Поэтому-то голос судьбы может звучать тихо и кротко, когда Марфа провожает Голицына. Зато в первой арии Любаши открыто выражены страдания и горькие, волнующие предчувствия.

Но вот когда Синявская поет Кармен, на сцену врывается словно вольный дух самой жизни. Ее прелестная Кармен живет смело и свободно, расточая вдохновение и азарт. Чувствуется, что она очень умна, проницательна. Но при этом несчастна. В ней есть и затаенность: в сущности, Кармен ведь совсем одинокий человек. И ее «эффекты», ее тайна не что иное, как защита от одиночества, от пустоты существования, от ожидания того главного, что ей недодала жизнь. А выход? Смерть. Поэтому-то Кармен — Синявская смерть принимает с улыбкой, прощая своего убийцу Хозе. Не он ее убил, нет. Ее убила сама жизнь.

В лице Тамары Синявской современная музыкальная сцена имеет яркую трагедийную актрису. Но интересно, что она любит самые разные оперные жанры. С каким удовольствием она пела Варвару в опере Родиона Щедрина «Не только любовь» — частушки Варвары неизменно украшают концертные программы певицы. Она чудесно спела Фроську в «Семене Котко», показав яркую характерность и глубокое, не книжное знание народной жизни.

Особое место в ее творческой биографии занимает песенный репертуар.

— К песне отношусь очень серьезно. Кстати, петь на эстраде ничуть не легче, чем в опере, — говорит Тамара Ильинична. — Убеждена, что песню делают певцы. И

у каждого должна быть своя песня. Что касается меня, то всегда пою только то, что люблю, что запало в душу. И, разумеется, пою не только песенные программы, но и классические тоже.

Точнее говоря, Синявская поет все, что ей хочется петь. Но это вовсе не означает, что репертуар складывается стихийно — ее программы отличаются безукоризненным вкусом. И уж если вернуться к песне, то Синявская считает, что песня — это сконденсированная драма. В каждой песне артистка выявляет свой сюжет, свою тему. Глубиной лирического чувства проникнута русская народная «Волга-реченька»; она любит ее особенно и не расстается с ней долгие годы, часто исполняет на «бис». Необыкновенно легко, выразительно, сочно поет Синявская «Над полями да над чистыми». Голос ее словно летит куда-то вверх, в небо, где, как чудится, сияет солнце. Грация и легкое лукавство отличают в ее интерпретации песню «Чернобровый, черноокий»...

Искусство Синявской во всех жанрах трогает и впечатляет искренностью. Кажется, что и темы для песен и образы героинь она черпает в собственной судьбе. В драматическом театре есть такое понятие — «исповедальный актер». О певцах же так говорят почему-то не принято. Но именно исповедничество в искусстве Тамары Синявской необычайно сильно. Она всегда ведет тему роли, тему партии от своего лица. И не желает это скрывать.

Когда актриса готовила Кармен, она брала уроки у выдающейся балерины Марины Тимофеевны Семеновы. Но ничто, конечно, не может ей заменить глубину собственных жизненных впечатлений, поэтому она постоянно в разъездах. Только за последний год Синявская и ее муж, народный артист СССР Муслим Магомаев, выступали с концертной программой «Вечера дуэтов» в Горьком, Калининграде, Баку, Кирове, Белгороде, Архангельске, Барнауле, Кемерове... Были в Италии, Бельгии... А совсем недавно актриса вернулась из Пекина.

— Группа солистов Большого театра дала в Пекине четыре концерта, — рассказывает Тамара Ильинична. — Мы стремились полнее рассказать о современном советском оперном и музыкальном искусстве и включили в свою программу произведения самых разных жанров.

Я прошу Тамару Ильиничну поделиться планами на будущее.

— Будущее, как и настоящее, — это труд. И не только в искусстве. Ведь теперь, когда я избрана депутатом Верховного Совета СССР, я должна буду оправдать это высочайшее доверие именно трудом. И постараюсь сделать свою жизнь такой, чтобы она, как говорят музыканты, шла в унисон с нашим временем, насыщенным большими событиями, большим содержанием. Не скажу этим ничего нового, но хочу постоянно чувствовать, что моя жизнь нужна людям. Оказанную мне честь воспринимаю как проявление любви народа к искусству, к творческой интеллигенции...

Леонид ЕРШОВ,
доктор филологических наук,
профессор

Помню, несколько лет назад, накануне Дня Победы, встречу бывших фронтовиков — Юрия Бондарева, Виктора Астафьева и автора этих строк. Шел откровенный разговор о путях современной литературы, о том, как воплотить в слове тревоги, радости и боли нашего века. Ведь незадолго до этого, в пору мужания таланта таких художников, как М. Алексеев, В. Астафьев, Ю. Бондарев, В. Белов, П. Проскурин, В. Шукшин, совершалось становление большой современной русской прозы. И если Астафьев воплотил лирико-философское начало, Шукшин — драму героя на перепутье, то Бондарев влекло иное — эпос философского масштаба. Крупно и выразительно вылеплен им образ, пользуясь выражением Ф. Достоевского, «положительно прекрасного человека»: от ранней повести «Юность командиров» до романа «Выбор».

Смело можно говорить о подлинном открытии автора повестей «Батальоны просят огня» и «Последние залпы». Военная пора в жизни юных лейтенантов и капитанов предстала здесь не как строка биографии, а как начало судьбы целого поколения. Отсюда такой обостренный интерес к этической проблематике, стремление раскрыть нравственные истоки подвига.

Ранние повести Ю. Бондарева подкупали зрелым художественным мастерством, редким умением создавать образы героев — отважных на диво, способных к самоотречению, с повышенным пониманием чувства чести, с юношеским максимализмом отвергавших эгоцентрическую позу. Этим благородством человеческой души и будут отмечены натуры всех лучших героев писателя.

В романе «Горячий снег» преодолевается локальность повестей. Место действия — окоп, блиндаж, узкий «пятачок» земли и одновременно широкая панорама Сталинградской битвы, штаб корпуса и армии, Ставка Верховного Главнокомандующего. Претерпевает существенную эволюцию и главная тема писателя. В образе генерала Бессонова воплощена судьба как идея долга и неподкупной справедливости во имя исторической миссии народа. «Горячий снег» недаром был воспринят как новое слово нашей прозы: в нем широта взгляда, еще один шаг художника к эпичности — штабы и окопы, генералы (Бессонов, Веснин) и офицеры (Кузнецов, Дроздовский, Давлатян) — сочетались с углубленным раскрытием драматизма и трагизма войны, с мастерским проникновением в психологию рядового воина.

70-е — начало 80-х годов — новый этап в творчестве художника. Сам Ю. Бондарев в ту пору заметил, что «мы находимся в преддверии нового вида романа, нравственно-философского». Это утверждение опиралось как на объективный анализ историко-литературного процесса, так и подготавливалось собственной художественной практикой писателя.

Главенствующим признаком социально-философского романа является то, что на его страницах прошлое и настоящее не просто соприкасаются, но, пользуясь словом Ю. Бондарева, «высекают символ пространственной глубины». Прием ретроспекции впервые был использован еще в «Горячем снеге», правда, всего лишь как эпизод. В «Береге» и «Выборе» чередование различных временных пластов составляет основу композиции.

Здесь поиски новых и более полных решений таких вечных проблем, как жизнь и смерть, любовь и ненависть, отвага и трусость, жестокость и милосердие, святость и цинизм. Перед читателем откроются трагизм горьких месяцев первого военного года и победные звуки весны сорок пятого, тяжкий труд солдата, мужание юной, еще не обстрелянной души и драматические срывы опытного, повоювавшего, но вдруг сыгравшего труса воина. Речь идет о путях истории и современной цивилизации, о сущности человеческого счастья. Словом, от судьбы поколения к судьбе планеты — такой вычерчивается параболы поисков художника. Отсюда внимание к специфической форме, включая образы-символы, аллегории, элементы притчи.

Впервые у Ю. Бондарева именно на страницах «Берега» и «Выбора» происходит след за леоновским «Русским лесом» соединение, условно говоря, натурфилософской прозы с той, которой близка тяга к собственному гносеологическим концепциям мира. Не случайно главный герой «Берега» Никитин порою говорит не как писатель, а как философ. В этой манере литературного персонажа отчетливо проглядывает позиция самого автора, для которого важнее всего «выявить философию времени».

Вечный поиск, неудовлетворенность собою, трагическое восприятие мира — таковы коренные черты натуры главного героя «Берега» Вадима Никитина. Прошлое в его сознании — дымящийся пожар войны. При этом в военных главах «Берега», как это и свойственно философскому роману, показан не механизм войны, а раскрыто мироощущение ее.

В «Береге» военная тема не просто дополнена изображением современности, прямой перекличкой событий, отдаленных друг от друга дистанцией в четверть века. Здесь 40-е годы освещены философской мыслью, обогащенной современным представлением о судьбах прошлого. Героев «Берега», и прежде всего Вадима Никитина, тревожит нынешнее состояние мира: оно может породить ситуацию, которая грозит стать для планеты трагически необратимой. В сложной полифонии романа горечь драматических коллизий дополнена лирикой раздумий, а картины героико-романтического плана (вспомним всю линию рыцарственно-благородного Андрея Княжко) осложнены иро-

СУДЬ

БА И ПРАВО НА ВЫБОР

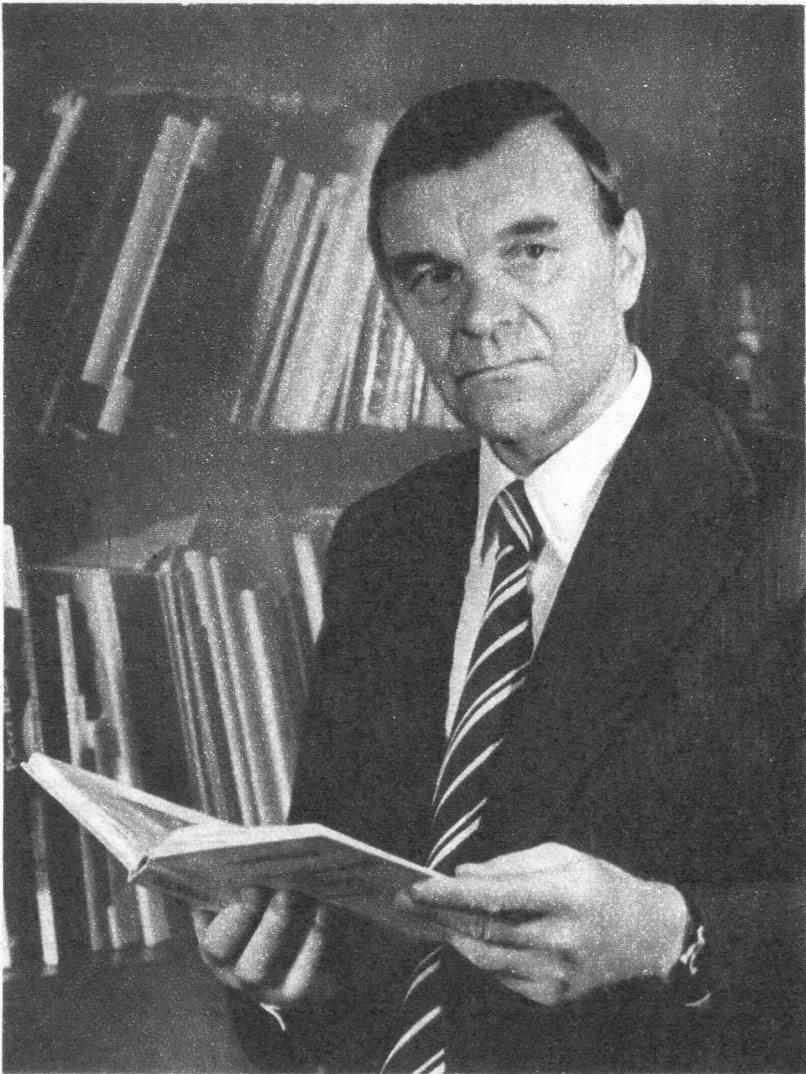

Фото Н. Кочнева

нической и даже саркастической интонацией, когда речь заходит о явлениях, порожденных бездуховностью, безнравственностью (Меженин).

Писатель наследует и развивает гуманистические традиции великой русской классики. Он показывает страдание духа, а не просто демонстрирует интерес к интеллектуальному поиску. Вот почему для центрального героя романа «Берег» Никитина «самое человеческое, самое главное» не просто в постижении неких концепций и теорий, а в том, чтобы взять на себя «боль другого». А роман «Выбор» — это непрекращающийся спор, напряженный нравственно-философский диспут. Долг, совесть, красота — лишь некоторые из тех понятий, вокруг которых бушуют страсти. Анализ чувства сострадания, жалости, страха совершается не только в аспекте вины человека, но и его беды. Здесь и неоднозначно трактуемая, трагически сложившаяся судьба Ильи Рамзина, тревожные раздумья и неустойчивое творческое горение художника Владимира Васильева, здесь и всеразъедающий скепсис режиссера Эдуарда

Щеглова. При этом проблема выбора раскрывается как момент самопознания, как возможность реализации человеческой личности с максимальной полнотой.

Ю. Бондарева уже давно волновала тема выбора. Интерес художника понятен, ибо, как он сам писал еще в начале 70-х годов, именно эта проблема «дает возможность исследовать не самое войну (это задача историков), а возможности человеческого духа, проявляющиеся на войне». В этой связи весьма показательна эволюция Ю. Бондарева от социально-психологического романа, какими были «Тишина» и «Горячий снег», к произведениям философского плана. Существенно меняются сюжетно-композиционные принципы построения целого. Отныне прослеживается не только последовательно (хронологически) развертываемый процесс движения противоречий, как это свойственно психологическому роману или роману-эпопее, а раскрывается конфликт pro и contra, столкновение полярных концепций в их крайне резких проявлениях.

Философская концепция рома-

на «Выбор» воплощается не в том или ином герое, а в их борениях, яростном споре идей и убеждений.

Открытое столкновение социально-политических интересов тоже попадает в сферу внимания Ю. Бондарева, однако философский нерв его романа определяет противоборство нравственно-эстетических принципов. В свою очередь, они осмысливаются в свете острейшей общественной проблематики, вот почему этический по своей первоначальной природе конфликт неизбежно перерастает в социально-философский. Это ярче всего раскрыто на примере судьбы Ильи Рамзина. Еще в юности им было нарушено нравственное равновесие («терпеть не мог душевных излияний») в пользу физической тренированности. Накладывая мускулатуру (гимнастика, самбо, бокс), Илья как-то незаметно растерял духовную силу, которая обычно и составляет стержень натуры. Постепенно притупляется интерес к чужой боли, свивают гнездо равнодушие и безразличие к тому, что остается за кругом твердо очерченных обязанностей. Так что закономерно прежде всего Рамзин оказывается перед проблемой выбора.

Проблема выбора, такая же древняя, как и сама жизнь, была поставлена Ф. Достоевским в том обнаженном нравственно-политическом варианте, который типологически близок исканиям советского писателя. Но альтернативность тут уже иного рода. «Или — или», которое дано в романе «Выбор», имеет иную общественную почву, обусловлено невиданной прежде сложностью социально-исторических конфликтов.

В эпоху Достоевского речь шла о противоречиях внутри буржуазного общества. Нынче же искра проскакивает между полюсами разных классово-политических систем, вызывая куда более разрушительную детонацию. Древняя притча о блудном сыне обретает трагический колорит. Исследуется безысходность скитаний, тупиковый характер поступков, если речь идет о перемене цвета знамени и в социальном, и в национальном, и в этическом планах.

Ностальгия Ильи Рамзина все же приводит его на истинную родину, в Россию, в финале жизненного пути. Этим решением писатель подчеркивает незаурядность героя, сохранившиеся у него положительные основы натуры. Но достаточно ли этого, чтобы странствие завершилось той нравственной амнистией, на которую он рассчитывал? Материнские слезы выплаканы, в душе выжженная пустыня, и на долю блудного сына ничего не осталось. Это и есть высший суд матери и от ее имени — Родины.

Анатомия нравственного выбора предполагает выявление стержневых начал, где главенствующая роль принадлежит таким понятиям, как долг и совесть. У М. Шолохова и Л. Леонова становление героя совершается нередко через

трагическое. Ю. Бондарев, используя традиционный мотив возвращения блудного сына, раскрывает оскудение духовного потенциала личности.

Не мог не понимать Рамзин, что жизнь его матери, потерявшей единственного сына, — непрерывное страдание. Он же решает, что от страдания можно отгородиться частоколом вещей, виллой, валютой. Так и от матери он пробует откупиться деньгами. Прозрение же приходит слишком поздно.

Так возникает мотив отчаяния, рождается трагическое одиночество человека как отражение дисгармонии собственного общества. И с не меньшей силой растет желание хотя бы под занавес неудавшейся жизни причаститься бездонному кладезю, оставленному, казалось, навсегда, обрести иллюзию покоя на родной земле.

История Ильи неотделима от образа матери. Жизненную драму Владимира Васильева, у которого неизменна дума не о себе, а о России, трудно представить без сопровождающей его темы отца. Васильев из тех, кто умеет остро видеть и чувствовать мир, он понимает, что боль живительна для подлинного искусства. Но и в его сердце постепенно прокрадывается холодок самоуспокоенности, упоения известностью, творческими успехами. Силовое поле самых близких людей — дочери и отца — все реже пересекается с ответными токами его души, а робкое поклонение отца картинам сына вызывает глухое раздражение. И только его смерть приносит Владимиру прозрение.

Духовный и нравственный поиск, его неустойчивость — залог истинной человечности. Этого испытания не выдержал и Васильев. Однако горькое чувство вины, крушение былых иллюзий сулят в будущем обретение высшей гармонии. Тем более что Васильев рыцарственно предан чеховскому девизу: «Правда и красота... по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Проза Ю. Бондарева двух последних десятилетий по своей творческой устремленности, по органичности духовного и эмоционального начал — единая книга, запечатлевшая драму современного бытия. Герои его произведений (особенно наглядно это видно на примере цикла лирико-философских миниатюр «Мгновения») бьются над загадками соотношения знания и интуиции, чувства и разума. При этом постижение истины совершается не столько в чисто познавательном, просветительском плане, сколько в нравственном — поиск добра, красоты, справедливости.

Нынче Юрий Бондарев работает над новым романом. Глубинная его тема — судьбы цивилизации на нашей планете. Как сделать так, чтобы человечество в некий «час икс» не перешло в разряд минувших ценностей, что покоятся «у сонной вечности в руках».

«КНЯГИНЯ ЧАРДАША»

Юрий НАГИБИН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Все говорили о неминуемой войне, и никто в нее не верил. И людный в разгар сезона Мариенбад жил обычной суматошной и пустой курортной жизнью. Встречи у источников, где с раннего утра играл духовой оркестр, торжественные хождения, словно к Лурдской божьей матери, на ванны и прочие процедуры, нудный крокет, карты по-маленькой (ночью рулетка по-крупному), долгое высиживание в плетеных креслах открытых кафе под огромными зонтиками и обсуждение текущих мимо пестрой лентой гуляющих, вечер танцев с премиями, лотереи и гастроли неведомых европейских звезд в местном излишне фундаментальном театре. И все же здесь было куда спокойнее, чем в Вене.

Правда, лишняя нервозность шла от Лео Штейна — выдающегося военного стратега; он носил задранные вверх усы а-ля Вильгельм II, и это обязывало к «вмешательству» во все европейские дела; он мог без усталости распространяться о Балканах — очаге войны — и сравнительных достоинствах британского и немецкого флотов. Не выдержав, Кальман объявил приказ: за милитаристские разговоры — штраф десять шиллингов, и безжалостно этот штраф взимал. Лео Штейн приметно умерил свой боевой пыл. Его напарник Бела Йенбах тяготел к пикантным разговорам, но был куда менее запальчив и велеречив, Кальман счел возможным не облагать его денежной пеней за два-три соленых анекдота в день. За большее следовало наказание.

Оба либреттиста с удивлением и легкой тревогой отметили перемену в человеке, хотя и склонном иной раз к упрямству, но отнюдь не казавшемся сильным и настойчивым. Между собой они ощутили, что Кальман и сам находится во власти какой-то таинственной высшей силы. Да так оно и было на самом деле. Целыми днями он донимал их, что у Эдвина, героя оперетты, нет характера.

— Но он бесхарактерен по самой своей сути, — защищались либреттисты. — Даже совершив благородный поступок, с легкостью от него отказывается.

— За что же любит его такая женщина, как Сильвия? — допытывался Кальман.

— Разве любят за что-нибудь? — возразил Йенбах, большой дока во всем, что касалось взаимоотношений полов. — Еще великий Гете сказал, что легко любить просто так и невозможно — за что-нибудь... Кстати, — его очки весело взблеснули, — один господин застал свою жену с любовником...

— Помолчи! — сердито оборвал Кальман. — Мелодии текут из меня, как вода из отвернутого крана, но я не могу дать Эдвину арию. Он все время на подхвате у Сильвии. А где его тема?..

Воцарилось молчание, прерванное чуть нутно оживленным голосом Йенбаха:

— Представляете, муж входит, а жена и любовник...

— Заткнись! — прикрикнул Штейн. — А если дать Эдвину сольный номер после того, как Сильвия рвет брачный контракт?

Кальман задумался, подошел кельнер, нависывая в угоду композитору «А это друг мой Лебль», поставил на столик горячий кофе и забрал груду грязных чашек.

— Друзья мои, только вообразите картину, — хлебнув своего кофейку, взыграл Йенбах. — Муж как ни в чем не бывало входит в спальню...

— Покушение в Сараево!.. — раздался прон-

зительный голос мальчишки-газетчика. — Убийство кронпринца Фердинанда!..

— Это война! — потерянно прошептал Йенбах.

— А я что говорил! — с непонятным торжеством воскликнул Штейн. — Австрия предъявит Белграду такой ультиматум, что не будет выхода! — Он выхватил газету из рук мальчишки.

— Сараево принадлежит Австрии, — возразил Йенбах. — Почему Белград должен отвечать за убийство австрийского наследника на австрийской территории австрийским подданным?

— Ты сущее дитя! Это же предлог, чтобы прибрать к рукам Сербию. Габсбургам нож острый ее самостоятельность. Не исключено, что убийство спровоцировано. Тем более что покойного Фердинанда не выносили даже при дворе.

— Платите штраф: по пять шиллингов с каждого, — раздался спокойный и по-новому властный голос Кальмана.

Штейн вздрогнул и безропотно положил на стол купюру.

— Что делать?.. Что делать?.. — лепетал Йенбах, шаря по карманам.

Очки сползли на нос, его голые, не защищенные стеклами голубые глаза круглились детской беспомощностью.

— Что делать? — повторил Кальман. — Финал третьего акта. У Эдвина не будет собственной арии. В наказание за вину перед Сильвией. Нарушение традиций?.. Да. Но в этом и будет его музыкальная характеристика.

Либреттисты потрясенно смотрели на своего «командора», не узнавая его. Ледяное спокойствие, за которым не равнодушие даже, а полное презрение к судьбам австрийской монархии, твердая убежденность Мастера в необходимости своего дела, верность поставленной цели вопреки всему, — откуда такая сила? О том знал лишь сам Кальман, и он знал к тому же, что это еще не его собственная сила...

...Он вернулся домой в таком приподнятом настроении, в каком Паула никогда его не видела. Вечные сомнения — не в музыке, он с равной легкостью выпускал и сталь и шлак, — в успехе, терзавшие его вплоть до последнего падения занавеса, омрачали семейную жизнь. Не успевали отгнать заключительные аккорды, как он уже подсчитывал доходы — ошеломляюще быстро, порой с весьма кислым видом («Маленький король»), порой с холодно-ватым прищуром делового удовлетворения («Цыган-премьер»). Но удача не дарила ему радости, упоения: так сухарь-финансист подводит удачный баланс, так циничный адвокат прячет в карман гонорар за выигранный или проигранный процесс, так, разглаживая мятые бумажки, подсчитывает дневную выручку дантист или гинеколог. Паула до сих пор не могла понять, как, где и когда зарождаются у Кальмана его великолепные мелодии. Спал он долго и крепко за редкими исключениями, много времени тратил на либреттистов, репетиции, внимательнейшее изучение курса акций, на прокуренные кафе — по старой будапештской привычке. И вдруг невеста откуда возникала дивная мелодия: огневой чардаш, чарующий вальс, головокружительный каскад. И столько обнаруживалось в этом флегматичном, сумрачном, тужелом человеке нежности, романтики, веселья, восторга перед жизнью — откуда только бралось? В отличие от многих Паула знала, что у Кальмана есть сердце, есть страх за близких, старомодно-сентиментальные чувства к матери, брату, сестрам, безоглядная щедрость к отцу. Но на окружающих Кальман

производил впечатление музыкальной машины, чуждой всем земным волнениям, кроме взлета и падения биржевых акций.

И вот Кальман ликует, и будто легкое свечение осеняет его засмугленный мариенбадским солнцем лоб, и Паула чувствует, что не в силах сказать того, чего не сказать нельзя, а пальцы непроизвольно комкают траурную телеграмму.

— Как ты была права! — благодарно твердил Кальман. — Впрочем, ты всегда и во всем права. Даже война нам не помешала. Правда, приходилось одергивать штрафами генералиссимуса Штейна, чтобы держал на привязи свой стратегический гений, но бедный Йенбах совсем присмирел и утратил интерес к прекрасному полу. В общем, мы отлично поработали, я привез готовое либретто и всю музыку или на бумаге, или тут. — Он хлопнул себя по лбу.

Нет, она ничего ему не скажет. Мы вообще так редко бываем счастливы, а люди, подобные Кальману, вовсе никогда. Конечно, потом, когда все откроется, он не поймет ее молчания, не простит кощунственной утайки, ну и пусть, она не станет оправдываться, не станет убеждать, что берегла его радость, а к несправедливости ей не привыкать.

— С оркестровкой дело неожиданно пошло хуже. — Кальману не терпелось все рассказать. — Я начал спотыкаться там, где отроду скользил, как по льду. В чем, в чем, а в незнании оркестра меня не упрекнешь. Но ничего, авось справлюсь. Хуже: я никак не слажу с одной мелодией, которая дает ключ не только к первому акту, но и ко всей оперетте. Вернее, к ее второй линии, почти столь же важной, как и первая. Вот послушай. — Он подошел к роялю, откинул крышку и заиграл что-то меланхолическое, со странно бравурными вспышками.

— Весьма элегично... — начала Паула, но он не дал ей договорить.

— То-то и оно, черт побери! В самый раз для Эдвина, если б тот на старости лет вспоминал об утраченной Сильвии. Но ничего подобного у нас нет. Это песенка шалопая Бони, бабника и добряка. И главное, он выходит с кордебалетом, танцует и поет, и потом все подхватывают припев. На сцене должен вспыхнуть вихрь, а у меня похороны.

Паула вздрогнула, ее обожгло нежданное слово, сорвавшееся с губ Кальмана. Она не может молчать. Каждый человек имеет право на счастье, но и страдания — право каждого. Даже любящие не уполномочены распоряжаться душой близкого человека. Если ты не можешь взять на себя его боль, то все твоё участие гроша ломаного не стоит.

— Имре!.. — сказала она и осеклась, губы ее задрожали.

Впоследствии она всегда поражалась чуткости, с какой он, довольный, веселый, ничего не подозревавший, погруженный в музыку, мгновенно уловил ее интонации. Наверное, это свойство истинно художественной натуры.

— Отец? — произнес он, и крупное лицо и вся плотная фигура стали будто распадаться на ее глазах.

И тут она со стыдной радостью поняла, что совершенно непроизвольно облегчила себе задачу, ослабила силу удара, ибо сейчас избавит его от самого страшного.

— Твой отец жив и здоров и ждет не дождется премьеры. Мать заказала новый туалет... Но бедный Бела...

— Что с ним?

— Его уже нет. — Паула протянула ему стиснутую в шарик телеграмму.

Кальман не стал ее разворачивать. Он сразу тихо засочился из глаз, как скала, скры-

вающая в своей толще ключ. Это детское вернулось к нему с треском рвущегося Балатона, с милым веснушчатым лицом, расплывающимся в карзубенькой улыбке, с небыдлыми колотушками, без которых не воспитывают младшего брата, не учат умразуму, с застенчивой серьезностью способного живого паренька, приговорившего себя ради семьи к тусклой участи клерка. Бела был в сто, в тысячу раз лучше его, добрее, чище, благороднее.

Паула поняла, что лучше оставить его одного. Она ушла в спальню и, не раздеваясь, прилегла на кровать. И странно, в таком перевозбуждении, тревоге, страхе за Имре она мгновенно заснула, будто провалилась в черную бездонную яму. Очнувшись от мощных звуков, сотрясавших дом. Ничего не понимая, она поднялась и приоткрыла дверь. С мокрым лицом Кальман изливал свою скорбь в звуках ни с чем не сравнимой бодрости. Она сразу уловила ту мелодию, которую он ей наигрывал, жалуясь, что не может найти верного тона. Теперь тон был найден, его подсказала смерть Бела. Это было кощунственно, страшно, это было величественно. Насколько же человек находился во власти своего гения! Сейчас он спасал собственное сердце изысканно-бравурной мелодией с едва приметным оттенком грусти, и этим будут спасены сердца многих и многих людей.

«Красотки, красотки, красотки кабаре» — траурный марш по брату Беле...

...Когда ехали в театр, Кальман подавлял всех своей мрачностью. Накануне он от души радовался приезду родителей, бодрому и оживленному виду отца. Паула заказала старикам номер в одном из лучших венских

отелей, и папа Кальман ликовал. Он любил гостиничную жизнь с ее волнующей суетой, будившей память о тех далеких днях, когда он, преуспевающий коммерсант, ездил из Шюфюка в Будапешт заключать сделки и сбрасывать домашнее напряжение.

Имре всегда трусил перед премьерой, но такой свинцовой скорби еще не бывало. «Похоже, ты едешь не в театр, а на собственные похороны», — заметил папа Кальман. «Так оно, возможно, и есть», — пробурчал сын. Значит, обычная суеверная боязнь премьеры, с облегчением подумала Паула, а не рецидив бывлой скарденности. Ради торжественного дня она заказала роскошный выезд: ландо на дутых шинах, с фонарями у козел, — и опасалась, что Кальман разозлился на ее расточительность.

Толстые шины упруго и мягко катились по запруженным улицам. Что ни говори, а в старомодном экипаже, запряженном статными, лоснящимися рысаками, списанными по возрасту с бегов, больше шика, чем в смердящих бензином и гарью автомобилях, чей быстрый ход лишен всякой торжественности. Бездушные металлические символы утратившего неторопливое достоинство времени.

Впереди открылись здание театра и осаждавшая его толпа, в которую со всех сторон, как ручьи в озеро, вливались потоки машин, карет, извозчицких пролеток, пешеходов.

— Весь город спешит на премьеру нашего Имре, — горделиво произнес старый Кальман.

— Уж если не весь, то добрая часть, — уточнила не склонная к преувеличениям мама Кальман.

— Успокоился наконец? — спросила Паула. Кальман отозвался вялым пожатием плеч.

— Ну и характер у тебя!..

— Вспомни о покойном брате Беле, — посоветовал старый Кальман, — вот кто никогда не вешал носа.

— Ты и так не даешь мне забыть о нем, — огрызнулся сын.

Странно, что толпа у входа в театр — здесь присутствовал весь свет: дамы в роскошных туалетах и рассыпающих искры бриллиантах, расфранченные кавалеры, военные в шитых золотом мундирах — как-то странно колыбалась, переминалась, но не стремилась внутрь. Возница осадил рысаков перед стеной толпы.

— Что случилось? — спросил папа Кальман какого-то потертого человека, с виду театрального барышника.

— Что, что? — раздраженно ответил тот. — Комик охрип, спектакль отменяется.

— Я так и знал! — сказал Имре и выпрыгнул из коляски.

Он не ведал, зачем это сделал. Просто нужно было какое-то резкое движение, имитирующее поступок, чтобы «жила не лопнула», как говаривала их старая шюфюкская служанка Ева. Но через мгновение его безотчетный порыв обрел смысл. На него наплыло горящее лихорадочным (даже про себя он не осмеливался произносить «чахоточным») румянцем лицо Паулы, ее тонкие пальцы с длинными, острыми ногтями впились ему в плечо. Обдавая его сухим, горячим дыханием, она не говорила, а вбивала в мозг слова, как гвозди:

— Иди к директору!.. Возьми его за горло!.. Комик — чушь. Он просто струсил. Скажи ему, что забереешь оперетту. Он знает — это золотое дно. Будь хоть раз мужчиной, иначе... ты

потеряешь не только оперетту, но и меня. Клянусь честью!..

Наверное, все остальное было лишь следствием того, что он боялся Паулу больше, чем директора. Последний так и не мог постигнуть, что случилось с тихим, сдержанным, покладистым человеком, как, впрочем, не понимал прежде, почему композитор, «делающий кассу», скромнее и робче, как девушка.

Кальман не вошел, а ворвался в кабинет, он не поздоровался, не протянул руки.

— Охрипший комик — пустая выдумка! — загремел он с порога. — Вы просто струсили!

Директор был так ошеломлен, что не стал выкручиваться.

— Поневоле струсишь, — понуро согласился он. — Аристократы запаслись тухлыми яйцами.

— Плевать! — гневно и презрительно бросил новый, непонятный Кальман. — Простая публика за нас.

— Успех создает партер, а не галерка.

Кальман и сам так считал, но сейчас им двигала сила, чуждая здравому смыслу, расчетам, логике и тем несокрушимая.

— Тогда я забираю «Княгиню чардаша». Найдетесь, кому ее поставить.

— А вдруг он согласится? — пискнуло мышью внутри.

— Вы хотите меня разорить? — Из директора будто разом выпустили весь воздух — о, мудрая, проницательная Паула! — Ладно. Пусть немного спустят пары. На следующей неделе дадим премьеру. Но если провал... — Директор открыл ящик письменного стола и вынул свернутую в кольцо веревку, присовокупил выразительный жест.

— Я составлю вам компанию, — усмехнулся Кальман.

...Непонятные вещи творились вечером и ночью после отложенной премьеры вокруг «Иоганн Штраус-театра». Светская толпа, не привыкшая оставаться с носом, яростно разнузданась. Аристократы, блестящие военные, богачи сломя голову кинулись в ближайшие рестораны и бары и забушевали там в гомеическом кутеже. Ничего подобного не видели в чопорных окрестностях старого венского театра. Светские львицы перепились и вели себя, как уличные девки; принц Лобковиц открыл бутылку шампанского прямо в лицо своему другу, получил пощечину и вызвал его на дуэль; кто-то из младших Габсбургов пытался оголиться, его кузина успешно осуществила это намерение. Было во всем этом что-то надрывное, истерическое — от предчувствия надвигающегося краха.

Под конец, чтоб не пропал товар, устроили перестрелку тухлыми яйцами. Одному рослому капитану с глупо-вздорным лицом дяди Эдвина угодили прямо в глазницу с моноклем...

...Наконец премьера состоялась. Уже выходящая ария Сильвы произвела фурор. Театр раскалывался от аплодисментов. Приблизив губы к уху сына, старый Кальман прокричал, обливаясь слезами счастья: «Какой триумф! Если бы покойный Бела видел!» «Сколько?» — спросил сын, потянувшись за бумажником. Папа сделал жест: мол, еще поговорим, и, вытянув манжету, стал делать какие-то подсчеты маленьким угольным карандашом...

Папа Кальман не успел закончить подсчет доходов от «Сильвы», когда аристократы решили дать бой. Едва граф Бони Каниславу, офицер, несущий исправно службу лишь в уборных артисток варьете, вывел кордебалет с захватской песенкой: «Красотки, красотки, красотки кабааре!», как поднялся тот самый рослый надутый капитан с моноклем и зычно, словно на поле боя, крикнул:

— Позор!..

И другие зрители-аристократы подхватили его крик.

Дирижер невольно приглушил оркестр, Бони оборвал песенку, испуганно замерли красотки кабааре.

— Австрийские офицеры не юбочники! — вититствовал капитан. — Они проливают кровь...

— В партере! — послышался голос с галерки, покрытый смехом простых зрителей.

— Оскорбление армии!

— Поругание чести!..

— Долой!..

Папа Кальман глянул на поникшего сына, вздохнул и носовым платком смахнул цифры предполагаемых доходов.

И тут в королевской ложе выросла фигура кронпринца Карла, мгновенно узнанного всеми.

— Молчать! — грозно прикрикнул он на капитана. — Молчать! — приказал всему партеру. Шум смолк, офицер вытянулся с глупым и удивленным видом.

— Продолжайте! — кивнул кронпринц дирижеру и опустился в кресло.

Дирижер взмахнул палочкой. Зазвучала музыка.

Папа Кальман вытянул манжету и вновь выстроил колонку цифр.

Капитан не успел сесть на место, как пущенное с галерки тухлое яйцо по-давешнему зацепило ему глазницу с моноклем...

...Шла чудовищная война. Но даже колющая проволока, перепоясавшая тело Европы, разделившая ее на два непримиримых лагеря, не могла помешать победному шествию «Княгини чардаша». В Россию оперетту завезли австрийские военнопленные, ставшие ее в своих лагерях. Трудно сказать, как попала она к французам и их союзникам. На фронте происходили такие сцены.

Проволочные заграждения, ходы сообщений, окопы, пулеметные гнезда, замаскированные орудия.

Громко распевая «Частица черта в нас», немецкие солдаты дают залп по французским позициям. Удар попадает в цель. С фонтаном земли взлетают бревна, какие-то железяки, красные штаны пуалю.

«Любовь такая — глупость большая!» — поют французские артиллеристы и шарахают из гаубиц по немецким окопам. Меткий удар: вскипает земля, взлетают на воздух камни, щепы, глубокие каски, начиненные тем, что они призваны оберегать.

И, несмотря на такой успех, а вернее, в силу него «Княгиню чардаша» сняли с репертуара «Иоганн Штраус-театра». Этому предшествовал визит к Кальману видного журналиста из влиятельнейшей правительственной газеты. Журналист был похож на борзую: сух, востролиц, породист.

— Г-н Кальман, — сказал он строгим голосом, — вас не смущает, что музыка «Княгини чардаша» служит и нашим и вашим? Ее поют и по эту, и по другую линию фронта, и даже на передовой солдаты противостоящих армий.

— Новое обвинение! — насмешливо бросил Кальман. — Не дает кому-то покоя моя скромная оперетта!

— Но согласитесь, что...

— Я не милитарист, — перебил Кальман, — и не вижу в этом ничего плохого. Если люди со смертоносным оружием в руках поют о любви и женщинах, это поможет им сохранить душу. Что и требуется. Ведь все войны когда-нибудь кончатся, — и, глядя на быстро бегающее вечное перо, добавил: — Прошу передать мою мысль без искажений.

— Уж вам ли жаловаться на прессу, г-н Кальман! — с двусмысленной интонацией отозвался журналист.

— Ну, знаете! — вскипел Кальман. — Трюк, который сыграли со мной газетчики, мог бы зародиться разве что в голове Макиавелли. Я сам был журналистом и знаю эту кухню изнутри, но здесь писаками управляла чья-то могучая рука.

— Что вы имеете в виду?

— Вся пресса, за редким исключением, обвиняет меня в низкопоклонстве перед высшим светом. Я, видите ли, подкуплен знатью. И почему-то этим особенно возмущены монархические газеты, ваша в первую очередь.

— В нашей стране каждый имеет право на собственное мнение, — сентенциозно заметил журналист.

— Вот именно: на собственное! А это мнение навязано. Что писали после премьеры «Княгини чардаша»? — Он вытянул наугад какую-то газету из кучи, наваленной на журнальном столике. — «Кальман должен был представить на сцене офицеров императорской армии и благородных господ, но публику вынудили терпеть ПУБЛИЧНОЕ ОСМЕЯНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА НАШЕЙ МОНАРХИИ». И дальше: «ПУСТЬ ЖАНДАРМЕРИЯ ПРИМЕТ НАДЛЕЖАЩИЕ МЕРЫ, чтобы в дальнейшем предотвратить подобные оскорбления лиц высшего круга и не делать их предметом осмеяния со стороны подлого народа». Великолепно: жандармерия против

оперетты! — Он взял другую газету. — «Недопустимая бестактность по отношению к высшему кругу». И как, скажите на милость, произошел головокружительный прыжок от этих обвинений к прямо противоположным: я, видите, певец титулованных особ?

Журналист потупился. Теперь он был похож на борзую, нагадившую в комнатах и ожидающую порки.

— Не знаете? — усмехнулся Кальман. — Да знаете отлично! Надо вбить клин между мной и демократически настроенной публикой. А теперь еще хотят добавить мне обвинение в антипатриотизме. Для этого прислали вас. Журналист быстро поднялся.

— Не смею злоупотреблять вашим терпением.

— Попутный ветер!..

И журналист поспешно ретировался.

Из кухни вышла Паула в белом фартучке.

— Зачем ты тратишь силы на эту гнусь? Что они могут тебе сделать? Для всей Вены ты теперь «дер Кальман»*.

Но они знали, что делали. В один из ближайших дней, проходя мимо «Иоганн Штраус-театра», «дер Кальман» увидел поперек афиши «Княгини чардаша» жирную надпись «ОТМЕНЯЕТСЯ». Не раздумывая и не колеблясь, он кинулся к директору.

На этот раз нашла коса на камень. Театр уже вернул деньги, затраченные на постановку, да и заработал порядочный куш. Конечно, можно было заработать и в десять и в двадцать раз больше, но, опытный и осторожный человек, директор решил не искушать судьбу. Существует множество «безошибочных» способов стать миллионером, но наживают миллионы лишь очень немногие. Он и так рискнул, поставил под удар свое доброе имя, репутацию театра — слава тебе господи, сошло с рук, да еще немало золотых кружочков прилипло к ладоням. Но нельзя и дальше играть с огнем. Время сейчас военное, и власти шутить не любят. «Княгиня чардаша» — гениальная оперетта, ничего подобного не было со времен «Летучей мыши» Штрауса, и, когда замолкнут пушки, можно будет ее возобновить. За Кальмана тоже не стоит беспокоиться, его оперетте уготован мировой успех. Надо проявить лишь немного терпения.

И на гневные тирады бомбой ворвавшегося в кабинет композитора директор ответил с насмешливым благодушием:

— Не надо пресмыкаться перед знатью.

— Но вы же прекрасно знаете, что дело в прямо противоположном!..

— Конечно. Вот в чем был смысл заступничества кронпринца. Ловкий ход!

— Он знал, с кем имеет дело. Я имею в виду «Иоганн Штраус-театр». Меня с Веней не поссорить. Дураки в ложах, а не на галерках. Простых людей не так-то просто облапошить, я и сам из них.

— А куда вам торопиться, дорогой? Военные в силе, пока война, а знать... Сохранится ли она в Австрии? Вы свое возьмете. Да и мы — тоже. А пока дайте нам что-нибудь новенькое и не столь колючее.

— Если вы не возобновите «Княгиню», ничего новенького вам не будет.

— А что намечается? — жадно спросил директор.

— «Фея карнавала».

— Черт возьми, это звучит заманчиво! — Корысть боролась в душе директора с осторожностью.

— Ладно, прощайте! — Кальман небрежно махнул рукой и шагнул к двери.

— Стойте! — закричал директор. — Так дела не делаются. Вы подписываете с нами договор на «Фею карнавала» и на следующую оперетту...

— А вы немедленно возобновляете «Княгиню чардаша»!

Директор тяжело вздохнул.

— Вы взяли меня за горло. Будь по-вашему...

Паула права: он теперь «дер Кальман» даже для этого трусливо-самовластного человека, перед которым прежде трепетал. И он одолел его не заимствованной, а собственной силой. И все-таки он еще не император...

* В немецком языке артикль к имени не прилагается. Это делают в знак особого признания и почтения.

В проекте Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы ставится вопрос и о физическом развитии школьников, но уже сейчас в средней школе начала действовать новая учебная программа по физической культуре: кардинально изменяются школьные уроки, одной из важнейших основ новой программы станет внедрение домашних заданий по физической культуре. Специальный раздел программы так и озаглавлен: «Навыки и умение самостоятельных занятий».

Новая программа во многом облегчит труд преподавателей физкультуры. Мы печатаем рассказ об одном из опытных преподавателей, Валентине Павловиче Букове, немало сделавшем для улучшения воспитания здоровых, гармонически развитых людей.

Наш герой не спортсмен. Он просто рядовой поклонник бега. Давний и неизменный. И дистанция, на которую он вышел, была неклассической — 50 километров. Массовый легкоатлетический пробег, посвященный Дню освобождения Одессы. В этом пробеге он участвует ежегодно. И пропустить его он никак не мог...

Его профессия — учитель физкультуры. Началось все с того, что Валентин Буков раздумал поступать в горный институт. Возвращаясь из армии, познакомился в поезде с парнем, который оказался учащимся физкультурного техникума. Валентин сошел с поезда в Харькове вместе со своим случайным знакомым и подал заявление в техникум, о котором много уже был слышан в пути.

...Учителя редко забывают о своем первом школьном уроке. О своем дебюте. И, как правило, вспоминают о нем с ужасом. Валентин Павлович помнит, как в разгар урока в спортзал заглянул завуч и сердито (так показалось ему, Букову) посмотрел в его сторону. Настроение, и без того неважное, еще больше упало.

Класс попался строптивый, языкастый. Встретил его без восторга.

Но очень скоро ребята полюбили Букова. За его одержимость, за пылкую его страсть в работе. И еще за то, что он заставил их по-новому взглянуть на физкультуру.

В. БУКОВ. Меня всегда возмущало довольно распространенное мнение, будто физкультура — занятие второстепенное, побочное. Это же не математика и не физика, рассуждают иные родители. И не дай бог, если их чадо вдруг получит тройку по физкультуре. Да еще в четверти. Сразу пойдут в атаку на учителя. Мне непонятно, почему некоторые родители так оберегают своих детей от лишнего, по их мнению, движений. Чуть приболел ребенок — сразу за справкой.

Главная цель Букова-педагога — добиться, чтобы на его уроки приходили все: и те, кто мечтает попасть в спортивные секции или уже в них занимается, и те, кто не может подтянуться на перекладине.

В. БУКОВ. Нас часто называют «физкультурниками», забывая при этом, что мы учителя. В первую очередь учителя. И так же, как другие педагоги, должны воспитывать ребят.

Быть может, у нас, «физкультурников», возможностей для этого даже больше, чем у преподавателей академических дисциплин. Класс в статике и класс в движении — далеко не одно и то же. Мы имеем возможность видеть, кто умеет терпеть, сносить боль, кто умеет повести за собой и кто любит только себя, свое «я». Конечно, если дать ученикам задание, а самому удалиться в свою комнатку, лишь изредка отрываясь от стула (что скрывать, мне приходилось наблюдать такую картину), всего этого можно и не заметить. Но так поступают, вероятно, те, кто не очень-то любит свою профессию.

...Вроде бы все образовалось. Ребята к нему привыкли. Работать стало легче. Но недалеко от 33-й школы, где он преподавал, от-

крылась новая школа — сотая. Специалистов в ней не хватало, учителей физкультуры — в особенности.

Их было трое в 33-й. Один из троих должен был уйти.

Букова просили остаться. Но он знал, что если кто и должен был уйти, так это он. Два других педагога всю жизнь проработали в этой школе... Для них расставание с ней было бы еще тяжелее.

...В 100-й он уже десять лет. Когда пришел туда впервые, в ней, как и везде, был один спортзал. Сейчас три.

Всем хороша была новая школа, да вот только длинные коридоры как раз над спортзалом были явно лишними. На следующий год летом школьники, заручившись поддержкой директора, занялись переустройством. Ломали ненужные стены, ставили новые, наверх провели лестницу.

В. БУКОВ. Два новых зала, конечно, невелики по размерам. Но зато они позволяют максимально использовать время, отведенное на урок. Если, скажем, девочки в основном зале играют в пионербол, то ребята в этот момент могут заниматься на перекладине или отработывать борцовские приемы в двух соседних залах. Я хочу, чтобы на моих уроках ребята думали не об оценках, которые я им поставлю, а о том, как с большей пользой для себя провести те сорок пять минут, что даны им на физкультуру.

Уже давно я даю своим ученикам домашние задания, особенно на лето: работа со скакалкой, подтягивание на турнике, всевозможные метания. Проверю, кто как поработал, и за выполнение этих заданий выставляю оценки.

На мой взгляд, физруки в лагерях (а большинство их — те же учителя физкультуры) должны привлекать к участию в состязаниях как можно большее число ребят. Пока они проводятся в основном для лучших представителей отрядов, другие же остаются в стороне. Конечно, к участию в игровых видах спорта всех допустить нельзя. Ну, а соревнования по ГТО? Здесь-то может принять участие каждый. И не только может, но и должен. А то значкистов в школе числится, как правило, много, а на самом деле... не всегда это соответствует истине.

«Липа» в ГТО — разговор особый. Здесь сказываются и завышенные планы, которые, как считается, должны неизменно и бурно расти, и нежелание преподавателей физкультуры — хотя бы на бумаге — выглядеть хуже других, и, что самое главное, плохая работа, которую и приходится сглатывать увеличением цифр. Не знаю, как другим, но мне было бы стыдно вручать значок тому, кто его не заслужил. Принимать такой «подарок» — тем более.

«Буков — умный, чуткий и тактичный педагог. Умеет подобрать ключи к детям, заинтересовать их, увлечь. Не терпит фальши».

Так говорят о нем коллеги. Но наш рассказ о Букове был бы неполным, если бы мы не вернулись к тому, с чего начали. При всей загруженности он умудряется по четыре часа в день уделять бегу, который стал для него не просто увлечением, а чем-то незаменимым...

Одесса.

УЧИТЕЛЬ ИЗ ШКОЛЫ №100

В. П. Буков и его ученики.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

18 марта — особая дата в летописи болгаро-советской дружбы. В этот день в 1948 году был подписан первый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя странами. Его животорные идеи отражены в новом союзном договоре, подписанном в 1967 году.

«ОГОНЕК» + «ДРУЖБА»

Можно ли побывать в Болгарии, не выезжая из Советского Союза? Можно. Для этого надо отправиться в автономную республику Коми. Наше путешествие туда началось в Москве, на Пушкинской площади, в редакции болгарской газеты «Дружба». Ее читатели — это тысячи граждан НРБ, которые работают в СССР.

На карте нашей страны немало болгарских автографов. Это горно-обогатительный комбинат и фабрики железорудного концентрата в Губкине и Железнодорожском, компрессорные станции на газопроводе «Союз», жилые дома в Оренбурге и Тюмени.

— Иван Жуков, — представился главный редактор «Дружбы», — Зовусь как русский, но я настоя-

новолосые, кудрявые, прямо с полтен Врубеля.

По улицам Усогорска (каждая упирается в темно-зеленую зубчатую стену леса) можно прочесть историю поселка, где сегодня живут болгары. Сначала были одноэтажные деревянные дома, потом двухэтажные, потом появились кирпичные пятиэтажки. Архитектурными красотоми Усогорск не поражает, но все необходимое для жизни есть во всех домах: отопление, горячая вода и никаких «удобств» на улице. А полтора десятка лет назад здесь только лес стоял.

ПЕРЕВОДЧИК НЕ ТРЕБУЕТСЯ

У болгар, которые трудятся в Коми, есть своя партийная организация — райком БКП. Возглавляет его Любчо Харалампиев.

— Я приехал сюда в декабре, — вспоминает он. — В феврале у нас в Болгарии уже весна, а здесь все

и болгарских коммунистов. Николай Борисович Коншин, возглавляющий партком объединения «Мезеньлес», рассказал о совместной работе с райкомом БКП.

— Самые актуальные производственные задачи мы обсуждаем на совместных заседаниях. Развернуто соревнование советских и болгарских коллективов, проводятся конкурсы рабочего мастерства, слеты бригадиров, взаимные поездки для обмена опытом. Все это крепит нерушимое единство наших братских партий.

Сотрудничество выгодно обеим сторонам. Лес из Коми отправляется и по советским и по болгарским адресам. Удорский район по площади составляет одну треть Болгарии. Десяносто процентов лесов тут — спелые и перестойные. В Болгарии мало лесов, и она получила очень нужную для народного хозяйства древесину. Болгары это очень ценят.

Приведу слова Димитра Даскалова из Междуреченска:

— Когда у нас сын-горожанин приезжает на воскресенье к родителям в село, отец его не пускает в огород. «Я сам тебе всего нараву, ты мне там глядишь потопчешь». А Советский Союз доверил

го болгарского десанта в Коми. Он высадился в тайге в феврале шестидесяти восьмого, а в августе отсюда ушел первый вагон леса, и срез дерева из того вагона стал музейным экспонатом.

Как дерево наращивает годовые кольца, так росла и мощь советско-болгарского предприятия. Вот фотография митинга по случаю отгрузки миллионного «кубика». В 1976 году — уже десятилетия. В прошлом году, когда отмечали 15-летний юбилей, в стену Дома культуры замуровали капсулу с обращением к потомкам крепить советско-болгарскую дружбу.

КАПИТАЛ ИЛИИ ЦОНЕВА

Еще один снимок в музее — по трапу самолета поднимается бригадир лесорубов Илия Цонев. Кавалер ордена Георгия Димитрова, полученного за работу в Коми, летит в Софию, на XII съезд БКП: он его делегат.

Мы познакомились с Илией в лесу, на рабочем месте, когда вся бригада собиралась к вагончику на обед.

— С таким бригадиром иметь дело — одно удовольствие, — говорит Михаил Васильевич Тихонов, начальник производственного отдела Ертомского леспромхоза, непосредственный, так ска-

БОЛГАРСКИЙ АВТОГРАФ

Н. КРЫЛОВА, фото Г. КОПОСОВА

СЭВ в действии

щий болгарин. Ну что ж, «Огонек», летим вместе?

Так было решено отправиться в совместную командировку. Иван оказался человеком энергичным, веселым и очень осведомленным. Он познакомил нас со многими интересными людьми и делал это с гордостью за своих соотечественников: «Посмотрите, что построили болгары!» В Коми с их участием появились четыре поселка, дороги, мощное современное лесозаготовительное предприятие.

Усогорск называют столицей Болгарии в Коми. Туда мы приехали глубокой ночью, и первое, что я увидела в свете автомобильных фар, — дорожный знак «Осторожно, лесовозы!». Потом луч дальнего света выхватил из темноты надпись «Сладкарница», название улицы — Дружба и снова вывески, все на болгарском.

А полуденное солнце высветило Усогорск во всех подробностях. Темноглазые ребята гоняли шайбу на мостовой, из автобусов выходили лесорубы, вернувшиеся со смены, молоденькие мамы в дубленках вели на санках малышей. Бросилось в глаза, как легко одеты люди: парни почти все без шапок, школяры и вовсе мчались домой, зажав куртку под мышкой. Мороз, между прочим, был 24 градуса.

— Ну что я тебе говорил! — торжествовал Иван. — Какие ребята, а?

Ребята, правда, красивые. Чер-

снег да снег. До самого мая. Когда растаяло, я в шутку сказал советским друзьям: «Оказывается, тут и земля есть!»

И на этой земле создано и дает продукцию уникальное интернациональное предприятие. На его эмблеме под силуэтами зеленых елей две руки, сомкнувшиеся в крепком пожатии. У этого предприятия двойное название и два генеральных директора. Производственное лесозаготовительное объединение «Мезеньлес» возглавляет Дмитрий Ананьевич Микуленко, а государственное хозяйственное объединение «Лесозаготовки и строительство» — его коллега Васил Алексиев Николов, которого здесь зовут на русский манер Василием Алексеевичем.

— А на каком языке вы общаетесь? — спросила я генеральных директоров.

— На языке дружбы, — был ответ.

Каковы же основы сотрудничества? Советская сторона представляет проект, лесосечный фонд, технику, стройматериалы, а болгарская обеспечивает строительство и лесозаготовки рабочей силой. Продукция, древесина, распределяется между двумя государствами в соответствии с затратами каждой страны. Все это отражено в межправительственном соглашении, заключенном СССР и НРБ в декабре 1967 года.

Такая форма экономического сотрудничества себя оправдала. И в этом большая заслуга советских

нам свою зеленую сокровищницу.

И чтобы она не оскудела, лес рубят, оставляя нетронутые кварталы в шахматном порядке. Когда наступит их очередь, на вырубках появится молодая поросль. Начата и посадка новых лесов.

ПЕРВЫЙ УРОК

— Откройте тетради, запишите сегодняшнее число. Проверим домашнее задание. — Шел урок русского в девятом «Б» усогорской десятилетки. В этом классе одни болгары. В других за одной партой с ними сидят русские, коми. А всего в школе около девяти сот учеников. Все предметы преподаются на русском. Кроме того, для болгарских ребят есть уроки географии, истории, литературы, которые идут на родном языке.

Урок в девятом «Б» шел своим чередом. Выходили и доске ученики, которые родились в тот год, когда сюда, в Коми, приехала первая группа болгар — 48 человек. Тогда же открылась тут и первая школа.

— Помещалась она в деревянном домике. Пятнадцать детей, из них трое болгар. Все вместе с первого по 4-й класс занимались в одной комнате, — рассказывает Елизавета Михайловна Шабанова, первая учительница в Усогорске. Так и написано под ее фотографией в музее. Да, здесь уже есть свой музей, где я и увидела снимок перво-

затель, партнер Цонев. — Работает на совесть. И бригада его всегда в числе лучших, несмотря на то, что люди в ней меняются: кончается срок договора, люди уезжают, приходят новички, которые тайги в глаза не видели, с техникой дела не имели. Какими работниками они станут, во многом зависит от бригадира.

— Конечно, зависит, — соглашается Цонев. — Я считаю, первый учебник для новеньких — собственная работа бригадира. — И сам Цонев трудится наравне со всеми — и вальщиком и за рулем трелевочного трактора.

Обед кончился, лесорубы, подхватив электропилы и канистры с «горючкой», уходили на делянки. Мы успели встретиться с Илией вечером у него дома, в Благоево.

Еще на лестнице почувствовался аппетитный запах баницы — болгарского пирога с брынзой. Его испекла Димитринка, жена Илии. Она с сыном приехала сюда десять лет назад, вслед за мужем. Здесь Цветан пошел в первый класс, сейчас в десятом.

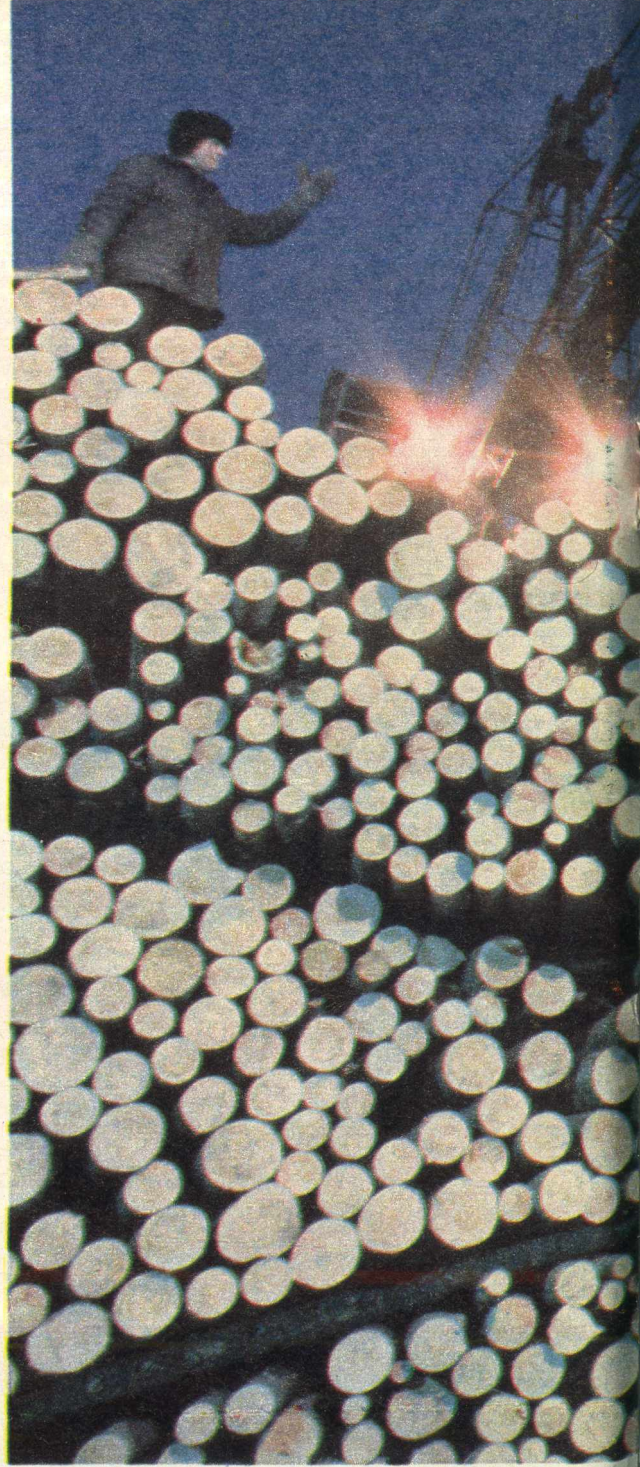
— Кем будешь?

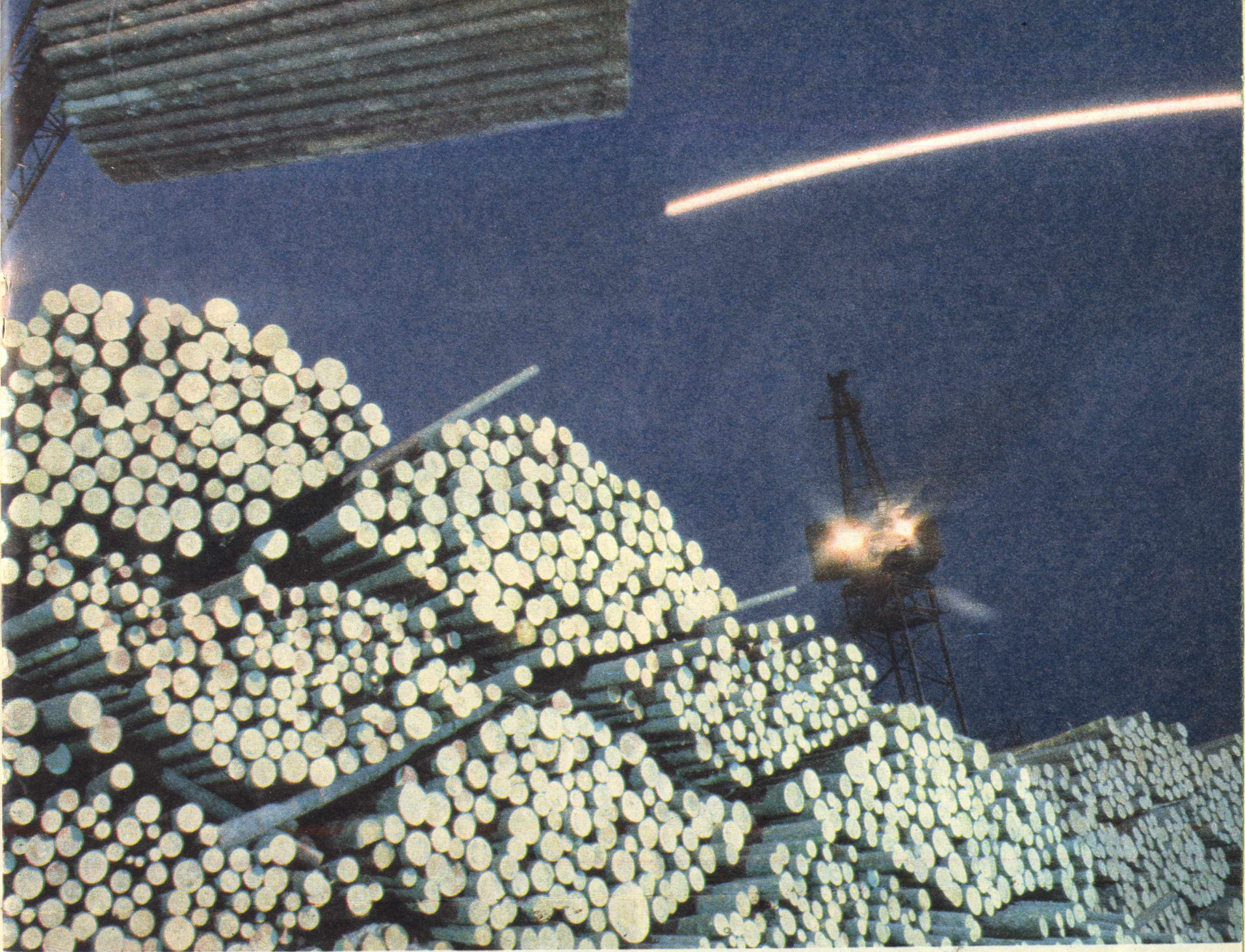
— В папин институт собираюсь.

Улица Дружбы — главная в Усогорске * Бригадир болгарских лесорубов Илия Цонев и инженер Михаил Васильевич Тихонов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Тодору Терзиеву нравится в этих местах * Вот она, продукция советско-болгарского предприятия * Идет лес Коми.

Папа только что вернулся из Ленинграда. Он студент-заочник третьего курса экономического института, ездил на сессию. Пять экзаменов сдал. Мальчишкой он пас овец на Стара Планине. Окончил гимназию, отслужил в армии, десять лет на авторемонтном заводе. На республиканском конкурсе молодых мастеров занял первое место. И техникум в Ловече успел окончить.

Еще в гимназии любимым предметом была у него география.

— Я мог подолгу рассматривать карту Советского Союза. Какая большая страна! Очень хотелось увидеть ее собственными глазами, и, когда двое моих односельчан отправились в Коми на второй срок, поехал с ними и я, — рассказывает Цонев. — Тогда в поселке Благоево было только два кирпичных дома. И клуб был деревянный. Как-то двое наших парней заблудились в лесу, на том самом месте, где сейчас новый Дом культуры.

— Ты Илию про отпуск спроси, где он его проводит, — подсказывает мне всезнающий Иван.

Оказывается, из одиннадцати отпусков семейства Цоневых только четыре провело дома, в Болгарии, а все остальные — в путешествиях по нашей стране. Где только не побывали — и в Прибалтике, и в Грузии, и на Украине.

— И везде у нас теперь есть хорошие знакомые! Посмотрите, сколько от них писем.

Цветан приносит огромную коробку.

— Это мой самый большой капитал — мои советские друзья, — улыбается Илиа.

ВЕЧЕР В ДИСКОТЕКЕ

Дискоотека эта — гордость поселка Междуреченск. Ее открыли совсем недавно, в январе. Там мы и познакомимся с Любчо Ивановым, начальником автоколонны и заместителем секретаря Димитровского союза молодежи. Дискоотеку — современную, красиво оформленную, с цветомузыкальной аппаратурой, своими руками болгарские комсомольцы. Называется она «Орбита». Здесь подают кофе и фирменный торт.

— Скоро будет и фирменное мороженое «Орбита», ждем оборудование, — говорит Любчо.

Нашему собеседнику 35 лет. Он из Стара-Загоры, вырос на стройке, его родители строили водохранилище.

— Что привело вас сюда? — спросила я Любчо. В ответ он прочитал свое стихотворение. Последняя строка его переводится примерно так: «В лесу, где снег по плечи, как на войне, отмирают ненужные слова».

— В тот день, когда мне исполнилось тридцать, — рассказывал Любчо, — я стоял перед фреской известного болгарского живописца прошлого века Захария Зографа. На ней символически изображен круг жизни человека, и художник словно вопрошает тебя: а что ты успел сделать? Может, это покажется вам наивным, но такой вопрос задал себе и я. Мне хотелось сделать что-то реальное, конкретное, посмотреть, на что я способен...

Через несколько дней он подал заявление с просьбой послать его в Коми. Двадцать месяцев валил в тайге лес. Там и родилось это стихотворение.

— Главное мерило человеческого поведения — труд, — продолжает Любчо. — Те месяцы в лесу — самый богатый период в моей жизни. Я мог вернуться в Болгарию и

продолжать учиться — я был студентом третьего курса филологического факультета. Но остался. Работал диспетчером, теперь вот начальником автоколонны — пятьдесят лесовозов, 150 водителей. Университет окончил заочно. Жена приехала с детьми. Нам здесь нравится, — заключает Любчо. — Главный итог этих пяти лет в Коми то, что я смог реализовать себя как личность. Очень много мне дало общение с советскими людьми, особенно с Николаем Васильевичем Вершининым. Он механик, за технику моей колонны отвечает. Я его называю неисправимым оптимистом. Мы дружим семьями, вместе баню строили, теперь вот вместе с нашими сыновьями париться ходим.

ПОДСНЕЖНИКИ ИЗ ВАРНЫ

Куда поехать в отпуск, родители Митко Маринова решили заранее: конечно, в Коми, посмотреть, как там сын работает, внуков и невестку проведать. Мариновы-старшие собирались обстоятельно, даже цветущие подснежники с собой привезли. Вот они, в пластмассовом аккумуляторном ящике стоят у окна, подернутого морозными узорами, в квартире Митко и Нели Мариновых. А несколько штук Нели принесла с собой на работу. Она диспетчер в Усогогорске. Перед ней пульт с рычажками и лампочками, несколько телефонов и радиопереговорное устройство. Здесь, в диспетчерской, сходятся все нити большого хозяйства — от лесосек до железнодорожных платформ, которые вывозят заготовленный лес.

Поговорить с ней на работе толком не удалось, и мы напросились в гости. Бабушки с дедушкой дома не оказалось.

— Они на прогулке, — пояснила Нели, — в лесу.

— Далеко ли? — Да нет, километров тридцать. Напарник мужа повез их на лесовозе, хотят посмотреть настоящую тайгу. Такой ведь в Болгарии не увидишь.

Смена у Нели длинная — 12 часов. И у мужа тоже. Так что ребята, бывает, целый день одни.

— Ну, они ж большие — Румен в пятом, а Мирослав в восьмом. И Митко помогает, правда? — Она положила руки на плечи мужа и ласково взглянула ему в лицо. Чувствовалось, что они очень любят друг друга. Но главный в доме все-таки Митко. Ему 40 лет. Полжизни за рулем.

— А не было случая, чтоб техника подвела? — спрашиваю. — Если лесовоз в тайге зимой стоит... Он не дает окончить:

— Я свой лесовоз, как врач больного, каждый день выслушиваю. Он хоть и железный, но на заботу отвечает. Я и сыновей этому учу. Старший уже умеет водить машину. И мечтает стать водителем.

За хорошую работу Димитру Маринову вчера вручили красный шелковый вымпел. Он принес его домой и повесил в комнате сыновей: пусть висит как наглядная агитация.

— Ну, на здоровье. — Митко налил в стакан красное душистое вино. — С нашего виноградника, из Варны. Будете там, приходите в гости.

— Как же ты в гости приглашаешь, когда сам еще не собираешься домой? — засмеялась Нели и протянула маленький букетик засушенных цветов, похожих на васильки, только цвет у них, как у нашего Иван-чая.

— На память о болгарях в Коми.

ОРБИТЫ ЕВГЕНИЯ РЯБЧИКОВА

Полвека назад у молодого, двадцатичетырехлетнего Евгения Рябчикова вышли две первые книги: «Громов» и «Никита Карацупа и его собака Ингус». И уже тогда главной темой его стало восприятие героического. Где бы, представляя «Правду», «Огонек», «Комсомольскую правду», он ни был: на целине или на погранзаставе, на стройке или рядом с вулканом, в руднике или в перелете, — находил человека подвига и восторженно, как умеет это делать Рябчиков, повествовал о мужестве и стойкости.

Его жизнь, жизнь писателя и журналиста, прошла и проходит в пути. И всюду добывал и добывает он из «реки по имени фант» самое яркое, самое важное событие и доводит его до художественного обобщения, раскрывая чудесные грани советского характера.

Общаясь с героями Рябчикова, видишь и его самого. Тут не просто причастность и сопереживание. Личное, прямое участие в их труде, в повседневной, порой опасной работе. Познакомившись и подружившись с пилотами, он освоил самолет, мог управлять им, летал самостоятельно. Встретился с парашютистами, те посоветовали: «А ты попробуй сам прыгнись!» И он, решительный до отчаянности, прыгнул!

1933 год. По заданию «Комсомольской правды» Рябчиков едет в тихую тогда Калугу. Надо попросить Константина Эдуардовича написать обращение к молодежи с призывом идти в авиацию, строить аэроклубы. Великий ученый недоволен: не аэроклубы — ракетоклубы надо строить, выговаривает он моло-

дому журналисту и раскрывает перед ним фантастический мир эфирных станций, которые стали в наши дни явью. Задание редакции не выполнено, но в кармане у Рябчикова ключок бумаги с московским адресом: «Садово-Спасская, 19»... Так сам Циолковский свел будущего писателя с С. П. Королевым, у которого находилась там лаборатория.

Судьба благоволила к Рябчикову — сблизилась с такими замечательными людьми нашей эпохи, что другому бы хватило только одного из них на всю жизнь. Ему первому посчастливилось писать о С. П. Королеве, И. В. Курчатове, первому стать свидетелем запуска ракет под Нахабином.

Десятки книг (последняя из них, «Следопыт», — снова о Карацупе и вышла в свет недавно), более полусотни кинофильмов, множество очерков, репортажей, передач по телевидению... И сегодня, в свои семьдесят пять лет, он так же по-юношески влюблен в своего героя, так же, как всегда, жизнедеятелен, и так же сочно и полномерно его перо, перо строгого документалиста.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Г. А. ЕРШОВА

РЕДАКТОР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ПИСАТЕЛЬ

Началом своей сознательной жизни Г. А. Ершов считает май 1924 года. Тогда он, один из членов первых пионерских организаций, вместе с другими пионерами на Красной площади давал клятву верности делу Ленина, партии.

Будучи комсомольцем, он участвовал в создании первых колхозов Подмосковья, был членом комитета комсомола ФЗУ, секретарем комсомольской организации рабфака имени Г. В. Плеханова, а учась в МГПИ имени В. И. Ленина, совмещал учебу с работой секретаря комсомольской организации на факультете.

Много сил и энергии вложил затем Григорий Ершов в организацию текущего процесса многонациональной советской литературы. Его редакторская деятельность продолжается долгие годы. И в этом труде у него открылось еще одно необычайно ценное дарование — особое чутье к талантам, которые требовали для своего раскрытия дружеского участия и поддержки. Это он одним из первых поддержал тогда еще неизвестного писателя Николая Бирюкова, который, будучи прикован к постели, работал над романом «Чайка» — о подвиге замечательной комсомолки Лизы Чайкиной. Ершов был редактором произведений М. Пришвина, А. Серафимовича, А. Новикова-Прибоя, а также многих начинающих писателей и поэтов, которые получили впоследствии широкую известность. В годы Великой Отечественной войны Г. Ершов прошел

славный боевой путь. Участвовал в обороне Москвы, в Курской битве, освобождал Белоруссию.

В послевоенные годы он упорно занимается редакторской, творческой и организаторской работой. Много делает для осмысления творчества своих писателей-современников. Пишет исследования о М. Пришвине, В. Шишове, А. Серафимовиче, А. Новикове-Прибое, Николае Бирюкове. Был главным редактором журналов «Мурзилка», «Дружные ребята», «Смена».

Все созданное Г. А. Ершовым дает возможность сказать, что в нем всегда жива душа художника и исследователя.

В его работах о писателях так много лиризма, эмоциональности, пафоса, поэтического чутья, что представляется вполне закономерным и естественным обращение Григория Александровича к художественному творчеству. Его книги «Неуловимое солнышко» и «Холодные зори» были тепло встречены читателями и литературной общественностью. Ершов-прозаик привлекает достоверностью изображаемых событий, обаянием характеров героев.

А. ЖУРАВЛЕВА,
доктор филологических наук,
профессор

Димитр и Нели Мариновы с младшим сыном Руменом * К болгарским лесорубам приехала агитбригада * Кондитер из Балчика И. Исмаилов в Коми уже не новичок * Механик Марин Попов создает удивительные скульптуры из дерева * Елизавета Михайловна Шабанова — первая учительница в Усогогорске * В детском саду «Снежанка».

ВСТРЕЧА С ТАРАСОМ ШЕВЧЕНКО

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

II

ПОЭТ ДАРИТ СВОЮ КНИГУ

Книги Шевченко с его дарственными надписями примечательны со многих точек зрения. Особую же ценность они представляют, когда дают возможность полностью распознать до того малоизвестное имя человека, сыгравшего положительную, а порой и весьма значительную роль в жизни великого поэта. К тому же бывают случаи, когда ни в одном из исследований, посвященных Шевченко, не имелось даже упоминания имени адресата дарственной надписи, как то было с привезенной мною книгой. И вот одно такое имя стало возможным в полной мере распознать благодаря книге с дарственной надписью Шевченко, находка коей была столь же неожиданной, как и находка двух его сепий, о которых говорилось ранее.

На эту книгу я наткнулся во время пребывания в том же 1966 году в Париже. Тогда там имелось около семидесяти магазинов, торговавших редкими изданиями на всех европейских языках, книгами с дарственными надписями выдающихся авторов, их автографами... У известного парижского антикара Клода Герена я и увидел ту книгу. И хотя ее получить оказалось нелегко, все же друзья помогли в этом. То был экземпляр «Кобзаря», вышедшего в начале февраля 1860 года в Петербурге, с воспроизведением портрета Шевченко, выполненного в 1859 году известным русским

художником М. О. Микешиним. Кроме дарственной надписи автора на книге, она оказалась интересной и художественным оформлением переплета, исполненного лучшим в те времена петербургским мастером А. Шнелем. Великолепная светло-коричневая кожа, тисненая золотым узором по лицевой и внутренней сторонам переплета, а также по корешку, превосходный форзац, бережно сохраненные обложки (верхняя и нижняя), — короче говоря, все элементы того, что специалисты и библиофилы называют с глубоким уважением «шнелевским переплетом». И сразу, едва успел полюбоваться тонким мастерством оформления этого экземпляра книги, возникла мысль: каким же надо было быть поклонником творчества Шевченко, с какой любовью относиться к нему самому, чтобы заказать такое весьма дорогостоящее оформление для полученной из рук самого поэта книги его произведений!

Кому же была подарена эта книга?

Почти все сохранившиеся надписи Шевченко на его книгах весьма скромного свойства, возгордов по адресу лиц, кому посвящены надписи, в них не сыщешь. Они не отражают чувств поэта к этим лицам. Такова и надпись, имеющаяся на обложке найденного мною экземпляра «Кобзаря»:

«Андрею Александровичу Куцынскому
на память Т. Шевченко»

Когда в 1967 году я занялся выяснением, кто же такой этот Куцынский, которому замечательный поэт преподнес свою книгу, я, естественно, первым делом обратился к переписке Шевченко и к воспоминаниям о нем, но бесполезно — нигде не было даже мимолетного упоминания этого имени. Просмотрел я и множество разнообразных к тому времени вышедших

исследований о поэте — результат тот же. Обратился к видным шевченковедом, — никто из них о Куцынском никогда не слышал! Наконец, взялся за последний источник в поисках такого рода, весьма трудоемкий и далеко не всегда приводящий к удаче, — просмотр указателя имен к некоторым справочным изданиям, — результатов никаких. И тут помог все тот же «случай, бог изобретатель».

В конце 1950-х годов в Москву приехал профессор Дель Бо, директор Библиотеки Джаномо Фельтринелли в Милане, в которой хранится большое количество ценнейших рукописей, в их числе автографы Маркса, Энгельса, Ленина. Из беседы с профессором Дель Бо я узнал, что руководимая им библиотека приобрела часть архива английского поэта, публициста, гравера, издателя и мемуариста Вильяма Линтона, где, в частности, имеется 15 адресованных ему писем А. И. Герцена. Я попросил прислать снимки этих неизвестных в печати писем и передал те снимки в готовившееся тогда Институтом мировой литературы тридцатитомное собрание сочинений Герцена. Впервые эти письма были там опубликованы в 24-м и 25-м томах. А еще до того я установил, что перу Линтона принадлежат статьи о Рылееве, Пестеле, Герцене и что печатавшаяся на обложке герценовской «Полярной звезды» гравюра, изображающая силуэты пяти назначенных декабристов, была выполнена тем же Линтоном.

Позже я получил из Милана снимки писем к Линтону видных деятелей русского и зарубежного революционного движения, где имелись упоминания о Герцене. И тогда обратившись к вышедшему в 1966 году справочному тому собрания сочинений Герцена, я наткнулся на то, что так упорно искал. В четырнадцатом томе этого собрания сочинений, на 448-й странице, в разделе «Корреспонденции, обработанные в редакции «Колокола», приведена заметка, появившаяся в «Колоколе», л. 80, от 1 сентября 1860 года:

«В прошлом году известный поэт Шевченко после многолетней ссылки на берегах Каспийского моря получил наконец позволение съездить на родину, о чем тогда дано было знать губернаторам малороссийских губерний для сведения».

Минуя города и села, Шевченко спешил в свою родную, давно не виденную Кирилловку. В м. Межиричи Черкасского уезда он натолкнулся на тамошнего исправника Кабашникова, который, как и другие его собратья, имел от Гессе предписание неукоснительно наблюдать за таким-то и за таким-то Шевченко. Встретившись с последним, Кабашникову прежде всего пришлось на ум сослаться с него, в силу чего он и потребовал снять с него портрет во весь рост и безошибочно. Тот отказался. Кабашников сейчас же арестовал его, донес Гессе, что им задержан отставной рядовой Тарас Григорьев, сын Шевченко, уличенный в кошунстве и богоотступничестве. Гессе приказал немедленно препроводить Шевченко за конвоем в Киев. И если бы не добрые люди, меж которыми нельзя не назвать жандармского генерала Куцынского, то Шевченко долго бы прогостил в киевской полиции¹.

Теперь все встало на свое место — последние строки этой заметки и явились ключом к раскрытию загадки: значит, тот экземпляр «Кобзаря» с дарственной надписью, в Париже мною обнаруженный, был вручен поэтом человеку, вызволившему его из беды.

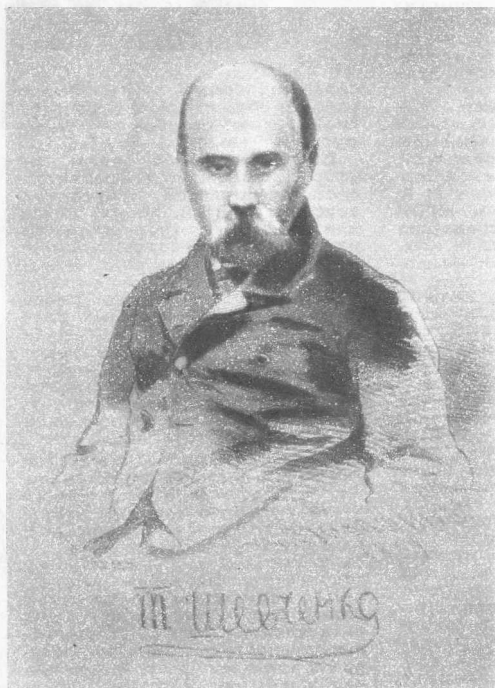
Прежде чем объяснить, как случилось, что нашелся такой жандармский генерал, который помог Шевченко, только что вернувшемуся из десятилетней ссылки, освободиться от новой полицейской напасти, отвечу на естественно возникающий вопрос: каким образом мог Герцен узнать об этом происшествии, кто сообщил ему имя Куцынского? Ответ можно дать совершенно точный, так как мне удалось установить источник сведений, полученных по этому поводу Герценом.

Шевченко относился к Герцену с истинным

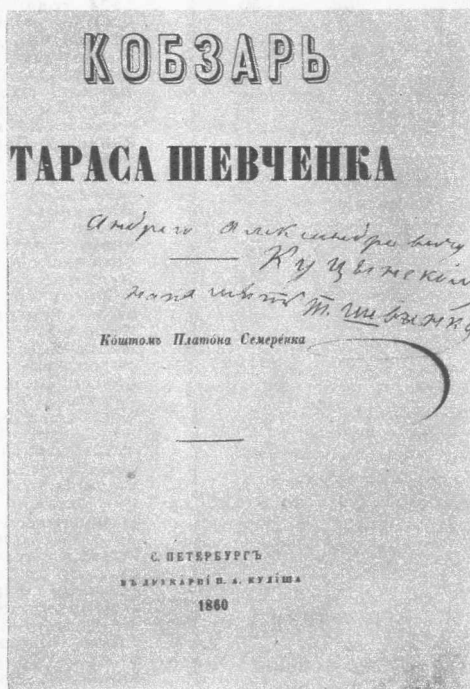
¹ В заметке упоминается генерал-лейтенант П. И. Гессе, киевский гражданский губернатор. Что же касается фамилии исправника, то в «Колоколе» он назван неточно: исправником Черкасского уезда Киевской губернии тогда был В. А. Табачников.

Лишь в 1970 году известный шевченковед Петр Жур перепечатал эту заметку из «Колокола» в своей книге.

Окончание. См. «Огонек» № 11.

«Кобзарь» с дарственной надписью Т. Г. Шевченко А. А. Куцынскому. Портрет с натуры работы М. Микешина, 1859 г.

поклонением. Так, в дневнике поэта, начатом 12 июня 1857 года и охватывающем период времени около года, имя Герцена упоминается восемь раз, а 10 декабря 1857 года Шевченко перерисовал в свой дневник карандашом его портрет; в записи того же дня он говорит о Герцене «наш изгнанник апостол Искандер», «святой человек».

Шевченко был хорошо знаком с журналистом и писателем Н. Я. Макаровым, в молодые годы привлекавшимся по делу петрашевцев, а в 1858—1860 годах служившим в Петербурге в канцелярии Государственного контроля. Узнав, что Макаров собирается за границу, Шевченко пишет ему в середине апреля 1860 года следующую записку: «Посылаю Вам экземпляр «Кобзаря», на всякий случай без надписи. Передайте его А. И. с моим благоговейным поклоном». А о том, что здесь имелся в виду Александр Иванович Герцен, свидетельствует факт нахождения этой записки в его бумагах. М. П. Драгоманов, впервые опубликовавший записку, отмечал, что «у А. А. Герцена (сына), профессора Академии в Лозанне, между ценными автографами в альбоме, находится небольшой листок Шевченко, который, очевидно, попал к Герцену одновременно с «Кобзарем» (теперь записка Шевченко к Макарову хранится в той части бумаг А. И. Герцена, которая принадлежит Государственной библиотеке Брюсселя). Из-за болезни Макаров не смог встретиться с Герценом, поэтому передал, по-видимому, записку и экземпляр «Кобзаря» через П. В. Анненкова, но и рассказал о злоключениях, выпавших на долю Шевченко, когда тот ехал в родные места. Дальнейшие разыскания дали возможность не только выяснить, что этот жандармский генерал обладал достоинствами, обычно несвойственными лицам, занимавшим такие посты, но и то, что имя его еще задолго до происшествия с Шевченко было, видимо, известно Герцену.

Об этом ему, несомненно, поведала Н. А. Тучкова, ставшая в 1855 году женой Н. П. Огарева и вместе с ним в следующем году уехавшая за границу. Имение ее отца, А. А. Тучкова, который в ранние годы был близок с декабристами, находилось в Пензенской губернии рядом с имением Огарева. В своих воспоминаниях Н. А. Тучкова рассказывает, что 22 февраля 1850 года в обоих имениях Куцынский и чиновник особых поручений местного губернатора Караулов произвели обыск. Вот что она пишет: «Отец мой был с двумя мужчинами: один из них был жандармского корпуса генерал, невысокого роста с добродушным выражением в лице». Далее говорится о допросе Н. А. Тучковой Куцынским, он-де упоминал о «вредном образе мыслей» ее отца, «слишком любимого крестьянами». Затем мемуаристка приводит следующее высказывание Куцынского: «Я сам из крепостных, дослужился до эполет, это бывает очень редко. Благодарю вас, что вы не судили меня по моему мундиру, ведь и в нем можно иногда служить добру», — сказал генерал Куцынский».

Говоря далее об аресте ее отца, Н. А. Тучкова сообщает: «...Отец мой, как всегда с гостями, был очень предупредителен с генералом Куцынским и с Карауловым, но мы трое [третья — мать Тучковой] делали только вид, что обедаем, — у каждого из нас было много тяжелого на душе. Когда кончился обед, генерал вежливо попросил позволения осмотреть бумаги и книги отца, но он, видимо, очень неохотно исполнял эту обязанность, тогда как Караулов рылся по всем столам. Потом генерал Куцынский подошел к моему отцу и сказал ему, смягчая по возможности неприятную весть: — Теперь нам бы пора в дорогу, Алексей Алексеевич, уж нерано.

— Куда? — спросил рассеянно мой отец.
— В Петербург, по особому повелению, — был ответ генерала Куцынского.

Отец мой скоро собрался (...) Генерал Куцынский соглашался на все его желания».

Вскоре по возвращении из поездки был арестован Н. П. Огарев, а в Москве — Н. М. Сатин, который был женат на второй дочери Тучкова.

Рассказывая о своей поездке в Петербург, Н. А. Тучкова пишет: «Мы ездили и двоюродным братьям моей матери, генералам Типольды. Я желала видеть генерала Куцынского, чтобы узнать что-нибудь об Огареве, с которым не могла переписываться, тогда как с отцом и зятем [Н. М. Сатиным] я обменивалась письмами; мне тоже очень хотелось, чтобы Огарев узнал, что мы в Петербурге. Типольды пригласили генерала Куцынского, с которым были дружны, и дали мне знать об этом. Мы встретились очень дружелюбно. Я просила генерала Куцынского сказать Огареву о нашем приезде сюда, но он отказался видеть его наедине, говоря: «Могут думать, что я действую из корыстных целей; все мое достоинство — моя честность; я ни за что не могу подвергнуть ее сомнению».

А когда вскоре А. А. Тучков, Н. П. Огарев и Н. М. Сатин были выпущены на свободу, мемуаристка так говорит об этом: «Быстро разнеслась по городу молва об освобождении наших дорогих узников, и все, знавшие их хоть сколько-нибудь, спешили в гостиный Кулона с поздравлениями (...), а между ними добрейший, благороднейший генерал Куцынский».

В Центральном государственном историче-

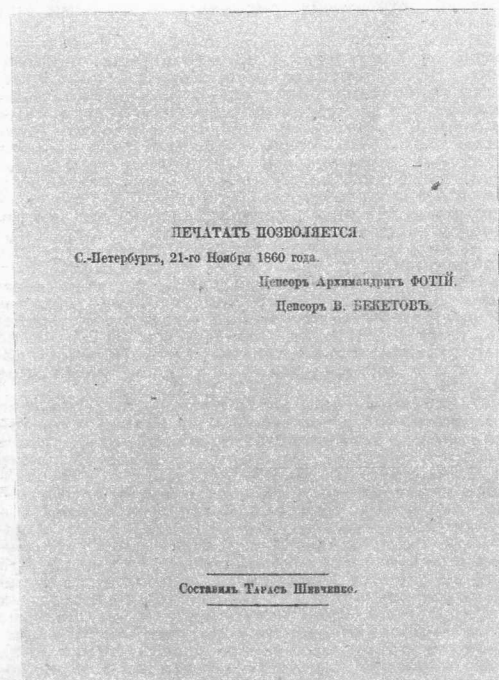
ском архиве в Ленинграде хранится обнаруженная мною ненапечатанная рукопись, которая озаглавлена: «Воспоминания И. П. Корнилова о своем путешествии 1848—1849 годов по Бурятии и о посещении декабристов». Назначенный дежурным штаб-офицером дежурства войск в Восточной Сибири, Корнилов в связи с этим пишет в своих мемуарах: «Андрей Александрович Куцынский, служивший тогда у ген. Дубельта в III Отделении, и у которого я спрашивал совета: могу ли, не возбраненно посетить декабристов, — ответил мне: «поезжайте непременно к декабристам, они все прекрасные люди». И благодаря этому Корнилов познакомился в Сибири с И. И. Пушковым, И. Д. Якушкиным, Е. П. Оболенским, М. И. Муравьевым-Апостолом, Г. С. Батеньковым, В. Л. Давыдовым, С. Г. Волконским, Н. А. и М. А. Бестужевыми. Наконец, следует отметить, что, как утверждает основатель и редактор журнала «Русский архив» П. И. Бартев, Куцынский находился в родственных отношениях с А. К. Инсипланти, который возглавлял движение гетеристов, освободителей Греции от турецкого ига. А 6 августа 1824 года Куцынский участвовал во встрече Пушкина на почтовой станции Могилев.

Еще одна деталь, характеризующая человеколюбие Куцынского. Когда Шевченко уже вер-

бодное слово», а затем в Берлине и в Дрездене газеты «Вест» и «Европеец».

Что же касается предельно положительного отзыва Блюммера о петербургском издании «Кобзаря», то напечатан был тот отзыв 26 января 1860 года в № 21 столичной газеты «Северная пчела».

Пусть не смущает читателя, что те восторженные слова по адресу Шевченко появились в «Северной пчеле». К тому времени недоброй памяти первый редактор этой реакционной газеты — Булгарин — уже умер, а в том же 1859 году его соредактор Греч отошел от газетной работы. В конце этого года журналист П. С. Усов приобрел «Северную пчелу», реорганизовал ее по типу иностранных газет и, как свидетельствует Л. Ф. Пантелеев, участник революционной организации «Земля и воля», повел ее «в умеренно либеральном направлении». Н. С. Лесков, сотрудничавший в обновленной «Северной пчеле», писал, что глубоко верит в «добросовестность» Усова, назвал его «талантливым» и рекомендовал как «человека самого сведущего, честного и аккуратного». В 1860—1861 годах Усов поместил в «Северной пчеле» при жизни Шевченко несколько статей и заметок, в которых были весьма положительные отзывы о нем.

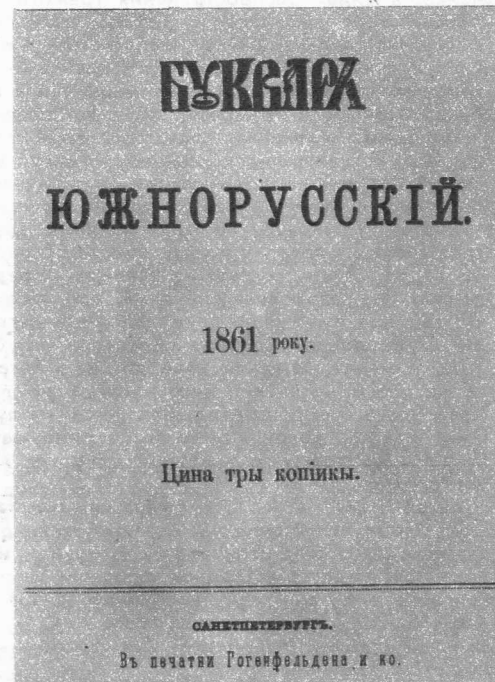
«Букварь Южнорусский», составленный Т. Г. Шевченко, 1861 г.

нулся из Петровского укрепления в Петербург, вышла книга «Адрес — календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859—1860 год. Часть I». Здесь в рубрике, озаглавленной «Домы трудолюбия», сказано: «Куцынский Андрей Александрович — действительный член Демидовского дома призрения трудящихся».

Вот таким был тот человек, которому, несомненно, от всего сердца Шевченко подарил своего «Кобзаря».

Говоря о книге Тараса Шевченко «Кобзарь», появившейся в продаже в начале февраля 1860 года в Петербурге, нельзя не отметить, что еще за две недели до этого о ней был напечатан в одной из столичных газет восторженный отзыв. Вот его текст, подписанный Л. Блюммер: «Спешим уведомить наших читателей о выходе в свет стихотворения малороссийского поэта Т. Г. Шевченко, под титулом «Кобзарь». Эта небольшая, но великолепно изданная книжка украсила бы каждую, самую богатую литературу: это истинно гениальные произведения даровитого художника. Шевченко — тип чисто народного поэта-художника; в нем, как в Крылове — Русь, отразилась вся Украина, поэтическая, философская, жизненная, будничная! Нам ли, другому ли будет принадлежать честь писать разбор этой книги, но мы считаем себя уже достаточно счастливыми, уведомив первые об ее выходе. Цена 1 р. 50 коп. серебром. Продается во всех книжных магазинах. К книге приложен портрет Шевченка, хорошо исполненный, но, нам кажется, не совсем сходный».

Автору данного отзыва исполнилось тогда всего двадцать лет. То был Леонид Петрович Блюммер, в дальнейшем прогрессивный писатель и публицист. В 1861 году он уехал за границу, где сблизился с А. И. Герценом и другими русскими революционерами. В 1862—1864 годах Блюммер издавал в Берлине журнал «Сво-

Роясь в книжных ларьках, которые растянулись вдоль набережной Сены, я наткнулся на книжечку, которую не раздумывая приобрел. На обложке слова: «Букварь южнорусский. 1861 року. Цена три копейки. Санкт-Петербург. В печати Гогенфельдена и К». А на обороте титульной страницы в центре: «Печать позволяет. С.-Петербург, 21 ноября 1860 года. Цензор Архимандрит Фотий, Цензор В. Бекетов». Внизу этой страницы: «Составил Тарас Шевченко».

Книжка оказалась снабженной дарственной надписью: «Василу Ларионову — Василь Маслий на память. 1861 року. 15 Прелютного (марта)».

Выяснить, кто этот даритель, было легко: в издании переписки Шевченко печатается обширное и весьма трогательное по содержанию к нему обращенное и датированное 10 сентября 1859 года письмо, в заключительной части которого слова: «Адрес мой в Киев, 1-ю Гимназию, воспитаннику 7-го класса Василию Павловичу Маслию».

В письме юноша говорит о чувстве преклонения, с каким он относится к адресату, называя его «величайший поэт нового времени». Далее такие строки: «Ваш преданнейший слуга, каждую минуту готовый к услугам, как почитатель Вашего Гения». Будучи в ту пору в 15- или 16-летнем возрасте, гимназист Василий Маслий сообщает в том же письме Тарасу Григорьевичу: «Давно уже я посвятил свою жизнь на изучение ваших творений, вытканых из горя и печали и подбитых гневом, — труд, на который мало человеческого жизни; над ними должны трудиться веками потомства. Несколько лет я собираю Ваши сочинения, ищу во многих малороссийских библиотеках, перерываю шкапы — и труд мой часто увенчивается успехом. Последнее сочинение, приобретенное мною, есть «Сон», эта гениальная сатира, отразившая в себе так много пороки петербургских придворных, вельмож...»

В письме и такие строки: «... я уже в седьмом классе, готовясь выйти в люди, следовательно, и я скоро буду в состоянии принести пользу человечеству, а в особенности своей родине».

Ведь трудно себе представить, что уже в юношеском возрасте Василий Маслий осознал в полной мере свое назначение в жизни. В те годы такое бывало, по-видимому, не так уж часто. Можно добавить, что в дальнейшем Василий Маслий написал и выпустил первую популярную биографию великого поэта. А что касается дарственной надписи на «Букваре Южнорусском», то Василий Маслий сделал ее спустя семнадцать дней после кончины Тараса Шевченко и в той надписи слово «прелютого» (по-украински «лютый» — это февраль) имеет явный подтекст.

Об этой книжке в той же «Северной пчеле» 27 января 1861 года появилась в № 22 под инициалами А. Ч. такая заметка, озаглавленная «Букварь Южнорусский» (К издателю «Северной пчелы»): «Известный поэт наш Т. Г. Шевченко, в видах распространения грамотности между своими земляками, составил южнорусский букварь, который принадлежит к числу книг с искусственной целию. Независимо от хорошего содержания, что не мешает и в азбуке, независимо от народности, даже щегольства издания, книжечка, состоящая из 24 страниц в 12-ю долю листа, продается по три копейки! Вот как надо действовать с желанием доставить беднякам возможность научиться грамоте. В букваре, кроме известных двух-трех азбук и слогов, которые вместо обычных ба, ва, га и проч. состоят из псалмов, переведенных на малороссийский язык, есть молитвы, таблица умножения, две народные легенды и несколько пословиц и поговорок. Об этой книжечке ничего не известно, да в Петербурге она и не может иметь успеха, но для малорусского простонародья это — самый лучший подарок, какой можно было придумать. Букварь продается в книжном магазине Кожанчикова».

Автор заметки А. С. Афанасьев, печатавшийся под псевдонимом А. Чужбинский, в 24-летнем возрасте отправил из Чугуева 26 ноября 1841 года стихотворное послание Тарасу Григорьевичу, озаглавленное «Шевченкови». А в 1861 году после кончины поэта А. С. Чужбинский издал в Петербурге свои «Воспоминания о Т. Г. Шевченко».

Исследователи творческого пути великого украинского писателя считают, что выпущенный им Южнорусский словарь является еще одним свидетельством его революционно-просветительской деятельности.

III

ПРИЖИЗНЕННЫЙ ПОРТРЕТ ШЕВЧЕНКО, ОСТАЮЩИЙСЯ НЕВЕДОМЫМ

В художническом наследии Шевченко немало автопортретов — он их исполнял начиная с 25-летнего возраста и до последнего года жизни, притом в различной технике — масляными красками, акварелью, сепией, пером, карандашом, а также гравюрой. Известны и фотографии Шевченко, снятые киевским фотографом И. В. Гуровским. Имеются снимки, на которых великий поэт запечатлен вместе с друзьями — на одном с художником Г. Н. Честаховским, на другом — с двумя братьями Лазаревскими, Честаховским и Л. М. Жемчужниковым. Наконец, до нашего времени дошло несколько прижизненных портретов Шевченко, исполненных его друзьями-художниками. В основном это карандашные зарисовки. Некоторые из них мне удалось обнаружить — это листы из альбома Г. И. Дунин-Барковской, и в альбоме, где карикатурист Н. А. Степанов запечатлел Шевченко и его товарищей — соучеников по Академии художеств П. С. Петровского, А. Н. Мокрицкого, В. И. Штернберга (эти листы впервые опубликованы в «Литературном наследстве», 1935, № 19—21, стр. 439, 441, 449 и 451).

Но существовал портрет Шевченко, который был написан с натуры маслом да к тому же экспонировался на той выставке, где Тарас Григорьевич показывал и свои работы. Между тем в огромной шевченковской литературе нет ни единого слова об этом портрете, несмотря

на то, что сто двадцать пять лет назад, когда он был на выставке, о нем упоминалось в рецензиях и в каталоге. Но ни один шевченковед никогда не выявлял этих появившихся в тогдашней печати сведений.

Вот почему скажу прежде всего о том, что представляют собою отсканированные мною упоминания об этом портрете в печатных источниках.

Если взять газету «Северная пчела» за 1860 год и раскрыть № 212 от 24 сентября, то в неподписанной статье «Петербургское обозрение», в которой говорится о выставке, открывшейся тогда в Академии художеств, можно прочитать следующие строки:

«Известный малороссийский поэт, автор «Кобзаря», изображение которого довольно удачно написал ученик Академии г. Пржецлавский (невольная дань малороссийской твердости и мужеству от потомка ее бывших притеснителей, как можно догадываться по фамилии), г. Тарас Григорьевич Шевченко, достойно признанный академиком, выставил также из своих произведений, гравюру «eau-forte»; Вирсавия с картины К. П. Брюллова, собственный портрет, пейзаж А. Мещерского, тоже М. Лебедева и еще портрет «Собственный», писанный масляными красками».

Далее в той статье говорится о шевченковском автопортрете: «Художественное исполнение в этом портрете превосходно, только сходство не совсем поразительно, как обыкновенно бывает, когда художник должен уловить и выразить, и черты иначе, как в зеркало. При всем этом г. Шевченко изобразил себя не в настоящем своем одеянии. Он предпочел — скромный, миролюбивый художник — представить себя в малороссийских смушках и в свитке, и потому вдруг иногда раздавались из задних рядов публики возгласы:

— «Чи-то Палий, чи-то Дорошенко, чи-то Сагайдачный?»

Некоторые с первого взгляда, в своем неведении принимали этот превосходный портрет даже чуть ли не за копию с известного портрета, кажется, Иоанна Собиеского: г. Шевченко не доставало только палицы, но магическая палица его заключается в его пере, карандаше и кисти».

Обнаружив столь авторитетное свидетельство современника о том, что на выставке, открытой при жизни великого поэта, экспонировался его портрет, который исполнил «ученик Академии г. Пржецлавский», и убедившись, что это осталось неизвестным исследователям, я, естественно, первым делом обратился к каталогу выставки. Уже одно то, что он вышел тремя изданиями, было свидетельством большой ее популярности, что вполне понятно, если учесть, что свыше двухсот художников (в том числе зарубежных) показали на ней немало превосходных произведений живописи, акварели, скульптуры и гравирования. Центральное же место в экспозиции занимала впервые здесь показанная спустя восемь лет после смерти К. П. Брюллова его незавершенная монументальная картина «Осада Пскова».

Каталог называется: «Указатель художественных произведений, выставленных в залах имп. Академии Художеств» (на обороте слова: «Печать позволяет... С.-Петербург, 12 сентября 1860 года. Цензор А. Ярославцев»). И в каждом из трех изданий этого каталога на 22-й странице поименовано:

«Художник Тарас Григор. Шевченко.

Гравюры eau-forte:

«Вирсавия» с К. Брюллова.

Собственный портрет художника.

Этюд.

Пейзаж с А. Мещерского.

Томе с М. Лебедева.

Портрет художника масляными крас.

Признан Академиком».

А на 25-й странице того же каталога указано: «Константин Леонардович Пржецлавский.

Ученик Академии.

Кобзарь. Малороссийская сцена».

Значит, это был не в обычном смысле портрет Шевченко, а портрет-картина, для которой молодому художнику позировал великий украинский писатель! И если мы вспомним, что в начале того же 1860 года, после долгих цензурных мытарств, вышла книга Шевченко «Кобзарь», то становится понятным, почему Пржецлавский решил увековечить Тараса Григорьевича в том облике, в каком тот выступал в этой своей книге, — певцом народного горя, певцом надежд своего народа.

В другой статье, посвященной той же академической выставке и появившейся в петербургской «Иллюстрированной газете» (1860, № 139, 6 октября, стр. 223), о том же художнике сказано: «Из народных сцен всех лучшие произведения г. Пржецлавского: «Малороссийское семейство» и «Бандурист»...».

И поскольку теперь мы впервые узнаем о ранее неизвестном знакомом Шевченко, то вкратце расскажу о художнике Константине Леонардовиче Пржецлавском, имя которого даже не упоминается ни в одной истории русского искусства.

Его близкие — явно выходцы из Польши: фамилия типично польская. Родился он в 1828 году, по-видимому, на Украине, где и провел

молодые годы, так как учился в Винницкой гимназии. Уже тогда проявилась его тяга к занятиям искусством. В фонде Академии художеств сохранилось дело, в котором имеется письмо помощника попечителя Киевского учебного округа, датированное 24 апреля 1844 года, с просьбой рассмотреть в академии рисунки четырех учеников Винницкой гимназии, в том числе и Пржецлавского. Несколькими лет спустя он становится вольноприходящим учеником Академии художеств по классу профессора В. П. Виллевалде. Молодой живописец явно нуждался, — в том же фонде находится «Дело о назначении ученикам пособия от Академии...», которое открывается представлением Виллевалде от 3 декабря 1854 года с просьбой назначить его питомцем, в том числе и Пржецлавскому, на 1855 год такое же содержание, какое они получали в 1854 году. И тут же просьба «по уважению крайней недостаточности их состояния, выдать какое-либо пособие на приобретение билета на посещение классов Академии в 1855 году».

Именно в этом году впервые на академической выставке были показаны работы Пржецлавского — картина «Русские в 1812 году» и портрет графа Зубова. А за полотно «Семейство бедного художника и покупатель картин», экспонированное на выставке 1857 года, Пржецлавский получил в академии вторую серебряную медаль. Спустя два года ему была присуждена первая серебряная медаль за произведение «Неожиданное благодеяние» и «Консультация».

Что же касается картины «Семейство бедного художника и покупатель картин» (ее размер 61 × 82 сантиметра), то она хранится в запаснике Государственного Русского музея, — кстати сказать, это пока единственная работа Пржецлавского, обнаруженная в нашей стране.

Вряд ли ошибемся, предположив, что картина автобиографична. В 1857 году Пржецлавскому было около двадцати девяти лет, — возраст художника на картине почти тот же. О том, что Пржецлавский нуждался, мы знаем из только что приведенных документов. Наконец, сцена, изображенная на полотне, весьма типична для начинающего художника, целиком отдававшегося в те времена своей профессии.

Сюжет картины несложен: к молодому, еще не завоевавшему популярности художнику, в его мастерскую, где уютится вся семья — жена, сынишка, мать, — пришел скупой купчина, который, узрев в этом доме бедность, решил купить за небольшие деньги несколько полотен. В правой руке он держит монету — не то серебряный целковый, не то золотую пятирублевку. Один этюд уже отобран — на нем правая рука купца. Возможно, позировала для этюда очаровательная жена художника: ей жалко растаться с этим дорогим сердцу полотном, поэтому она плачет, придерживая в левой руке платок. Этюд решен в стиле итальянских мастеров XVI—XVII столетий. Другой небольшой холст купец держит в левой руке. Живописец, смущенный предлагаемой суммой, вопросительно смотрит на жену и мать. Но если в доме нет ни копейки, то даже небольшие деньги дают возможность просуществовать некоторое время сытыми — так можно «прочитать» жест молодого живописца.

Следует отметить, что современники надолго запомнили эту картину. Так, автор статьи, посвященной выставке в Академии художеств в 1862 году, то есть экспонированной спустя пять лет после той выставки, не только вспомнил картину Пржецлавского, но и воспроизвел ее. Сообщая о том, что живописец Худяков за свою картину «Тайное посещение», в которой нет ничего особенного, назначил две тысячи рублей, автор статьи далее пишет: «Нет, при таких ценах картина г. Пржецлавского «Бедный художник и покупатель картин», бывшая на одной из последних выставок, делается чистым анахронизмом. (Мы помещаем снимок с этой картины [на стр. 272], не находя возможным представить что-нибудь с нынешней выставки.) Такие покупатели, какой изображен на картине Пржецлавского, конечно, найдутся, но они не встретят уже такой обстановки в доме художника, если будут брать такие суммы и за такие произведения» («Иллюстрированный листок», 1862, № 38, 30 сентября, стр. 283).

О том, как трудно жилось в середине прошлого века начинающим да и порой уже завоевавшим имя русским художникам, существует ряд документальных, эпистолярных и мемуарных свидетельств. Тяжелая судьба, а нередко даже нищета некоторых из тех, кто свой творческий путь в различных областях отечественного изобразительного искусства начинал и продолжал во времена Николая I, отражена и в созданных тогда картинах и рисунках. Но восходит подобного рода сюжет в работах русских мастеров еще к 1780-м годам, когда

Иван Ерменев создал потрясающей силы и удивительного мастерства сепию «Больной художник». На ней изображен умирающий человек, который лежало выводит кистью на стене слова: «Лучше быть маляром, чем историческим живописцем без покровителя...» Этот шедевр русской графики как бы венчает все последующие творения на тему о тяжелых, почти беспроектных условиях, в каких пребывали при царизме многие художники, ставшие впоследствии подлинными мастерами, украшением русской школы живописи.

Можно назвать ряд картин, посвященных порой горестной в прошлом веке судьбе наших художников и их семейств. Но сейчас напомним лишь об одной, также созданной в те же 1860-е годы и остающейся ныне малоизвестной картине: ее автор Фирс Журавлев, она датирована 1862 годом и называется «Кре-

диль был знаком с Тарасом Григорьевичем, Пржецлавский узнал о его горькой судьбе, о том, что тот с 1847 года находится в ссылке. А когда 27 марта 1858 года Шевченко вернулся в Петербург, он поселился в здании Академии художеств, где в то время продолжал учиться Пржецлавский. «В Питере мне хорошо пока, — писал Шевченко 4 июля 1858 года своему приятелю. — Квартиру я в самой Академии. Товарищи-художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят. Одним словом, я совершенно счастлив». С полным основанием можно предположить, что к тому же 1858 году и восходит знакомство Пржецлавского с Шевченко. Немного зная биографию молодого художника и направленность его творчества, легко себе представить, почему он по прочтении книги «Кобзарь», появившейся в 1860 году, возымел желание написать портрет Шевченко именно в виде Кобзаря — глашатая правды. Когда вдумываешься в это, начинают приобретать глубокий смысл слова, сказанные в цитируемом выше безымянном «Петербургском обозрении», где портрет Шевченко кисти Пржецлавского расценивался как «невольная дань малороссийской твердости и мужеству».

вич изображен в развевающейся тоге, с обнаженной головой, взор его устремлен вдаль, правая рука покоится на лире, в левой — рукопись (см. мою статью «Неизвестный портрет Мицкевича», «Огонек», 1948, № 51). Обобщенное изображение Шевченко-поэта было, по видимому, создано и Пржецлавским.

Следует отметить, что в той руководимой Усовым «Северной пчеле» 17 сентября 1860 года, за неделю до опубликования одобрительной оценки портрета Шевченко кисти Пржецлавского, в № 206 той же газеты появилась статья с очень похвальным отзывом о произведении самого Шевченко на той же выставке в Академии художеств. К тому же тогда он был не только читателем этой газеты, но и выступил на ее страницах в качестве автора. Вот что Тарас Григорьевич писал 10—12 февраля 1861 года М. М. Лазаревскому: «Дай, будь лаский, позавчерашний та вчерашний № «Пчелы». А в следующей записке к тому же адресату, датированной 13 февраля, такие строки: «Дай Федорові 25 карбован [ців] та суботню «Пчелу». А за три дня до смерти великого поэта в этой газете была напечатана его критическая статья о книжке верноподданнически настроенного П. А. Кулиша.

Наконец, последнее и самое для нас главное, то, ради чего это сообщение написано.

Какова же судьба портрета Шевченко, написанного Пржецлавским в 1860 году и показанного в том же году на академической выставке, открывшейся за пять месяцев до кончины Тараса Григорьевича?

Судя по архивным материалам Академии художеств, молодой живописец исполнил эту картину-портрет вместо программы на вторую золотую медаль по эскизу, утвержденному 20 февраля 1860 года, «после чего ему было дозволено 10 ноября того же года, несмотря на неимение им полного числа классных медалей, конкурировать на вторую золотую медаль и 16 ноября утвержден его эскиз «Последняя ставка картежника». Далее в том же документе сказано, что Пржецлавский программы не писал — он был исключен из числа конкурентов, так как его возраст превысил тридцать лет. Но 27 августа 1861 года был признан художником с правом на чин 14-го класса «за успехи в художестве по классным медалям». О том, как сложилась дальнейшая жизнь Пржецлавского, ничего не известно. Отсутствуют сведения и о том, когда и где он скончался.

Конечно, не хочется думать, что написанное им изображение Шевченко погибло, хотя сто двадцать пять лет, истекших с той поры, когда оно было создано, — срок значительный и за это время портрет мог не раз подвергнуться превратностям судьбы. Тем не менее вполне оправдана и надежда на то, что это полотно все же где-то сохранилось и по сей день и кому-то посчастливилось его отыскать. Возможно, что поиски следует начать в Польше, где Пржецлавский мог поселиться после того, как расстался с петербургской Академией художеств. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Теперь продолжаю разыскания документальных и мемуарных сведений о дальнейшей жизни живописца, выясняя, не сохранились ли его бумаги, письма... Верится, что эти поиски приведут к каким-то результатам и в конечном счете помогут установить если не местонахождение, то хотя бы судьбу портрета Шевченко. Конечно, жаль, что печатные сведения о нем не были открыты хотя бы в начале века, тогда, возможно, это полотно было бы легче отыскать.

Во всяком случае, теперь, когда факт его создания установлен и извлечен из весьма долгого забвения, когда, наконец, становятся широко известными сведения о том, что великий поэт изображен на нем в виде Кобзаря, облегчаются поиски портрета. Очень надеюсь, что в них примут участие те из читателей «Огонька», кого заинтересует это мое сообщение, и что они откликнутся на него. Тогда общими усилиями мы, быть может, все же выясним судьбу этого, безусловно, весьма примечательного портрета Шевченко, исполненного при его жизни с натуры, но до сих пор остающегося неизвестным. И как хотелось бы, чтобы этот портрет был обнаружен!

К. Пржецлавский. СЕМЕЙСТВО БЕДНОГО ХУДОЖНИКА И ПОКУПАТЕЛЬ КАРТИН. 1857 г.

Государственный Русский музей. Ленинград.

тор описывает имущество вдовы художника» (хранится в Художественном музее Белорусской ССР в Минске).

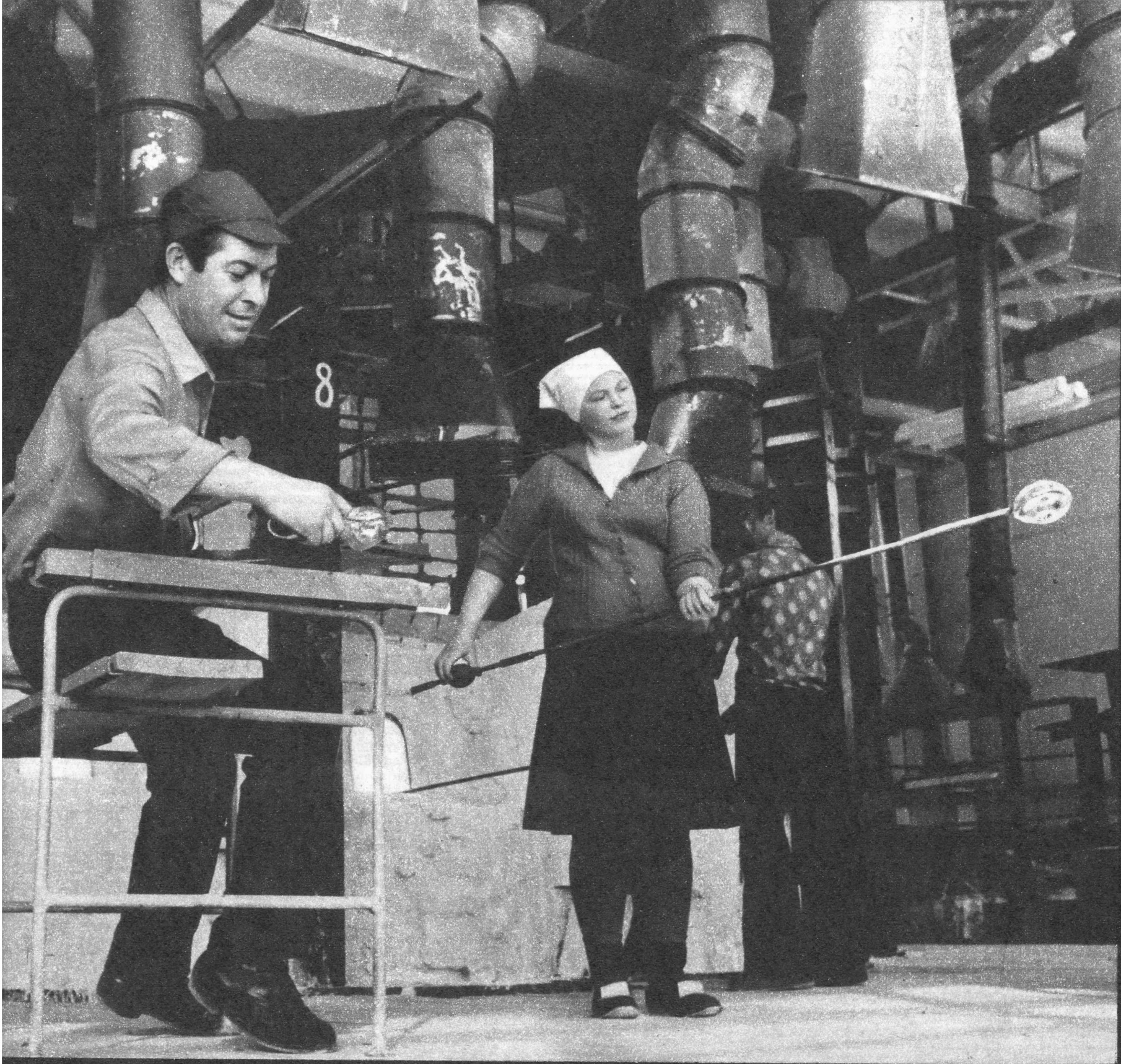
Картину «Семейство бедного художника и покупатель картин» нельзя назвать произведением для того времени новаторским. Тем не менее Пржецлавскому удалось исполнить трогательное, за душу берущее полотно. Вполне допустимо предположить, что, работая над этой картиной, он изучал творческую манеру П. А. Федотова и даже испытал его влияние, знакомясь, в частности, с такой работой чудесного мастера, как «Смерть Фидельки», где как бы подчеркнута другая грань незавидной роли художника в тогдашнем обществе. И все же, несмотря на то, что нам пока известно всего лишь одно произведение Пржецлавского, мы имеем основание говорить о нем как о многообещающем живописце.

Что же привело его через три года к созданию картины, посвященной Тарасу Григорьевичу Шевченко?

Прожив, очевидно, юность на Украине, Пржецлавский уже тогда имел возможность познакомиться с свободолюбивыми произведениями поэта и проникнуться глубоким уважением к нему. А во время пребывания в Академии художеств, где он мог встречаться с теми, кто

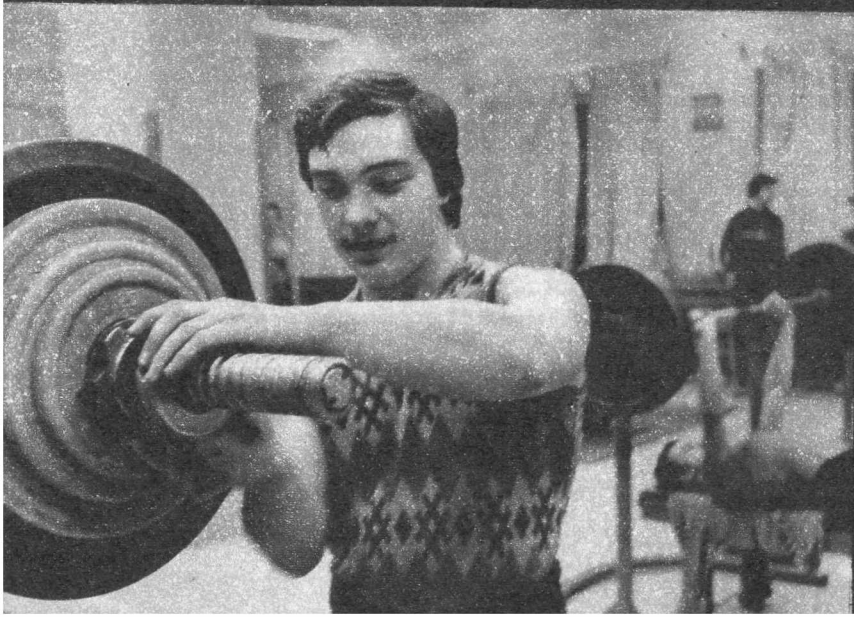
К тому же написание этого портрета санкционировал Ф. П. Толстой. Это можно заключить из следующего документа, опубликованного в третьей части труда П. Н. Петрова «Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования» (СПб., 1866, с. 351): «По записке его сиятельства г. вице-президента Академии (под № 106) о дозволении ученику Академии Константину Пржецлавскому писать картину, представляющую «Малороссийского бандуриста» вместо «Цыганского табора» по заданной прежде программе, определено: эскиз утвердить с тем, чтобы Пржецлавский работал вне конкурса».

К сказанному о портрете-картине «Кобзарь. Малороссийская сцена» кисти Пржецлавского хочется добавить следующее. Обобщенная форма изображения поэта — весьма частое явление в живописи и графике прошлых времен. Именно таким образом, к примеру, трактован Адам Мицкевич в отысканном мною превосходном рисунке, исполненном в 1828 году художником Александром Орловским. В этом рисунке запечатлены не только черты внешности великого поэта Польши, здесь как бы отражена его поэтическая натура: Мицке-

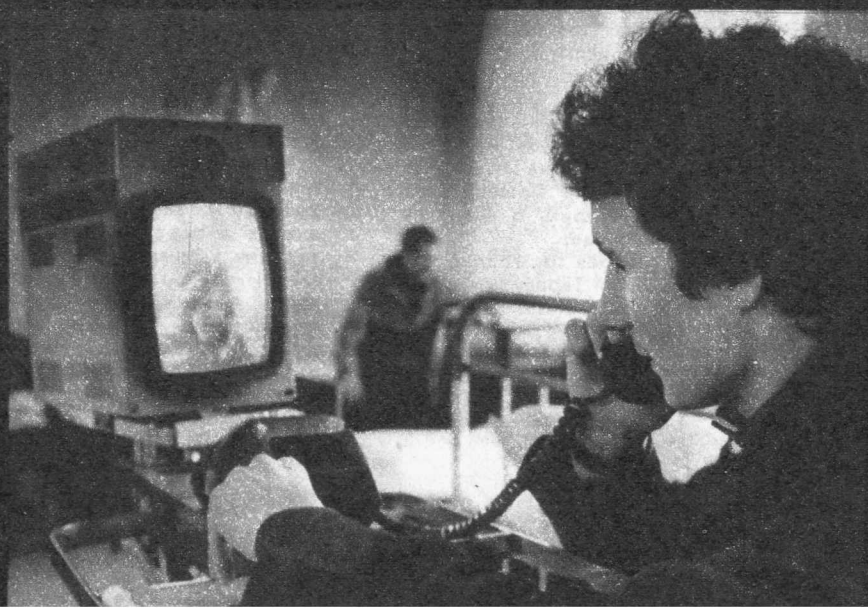

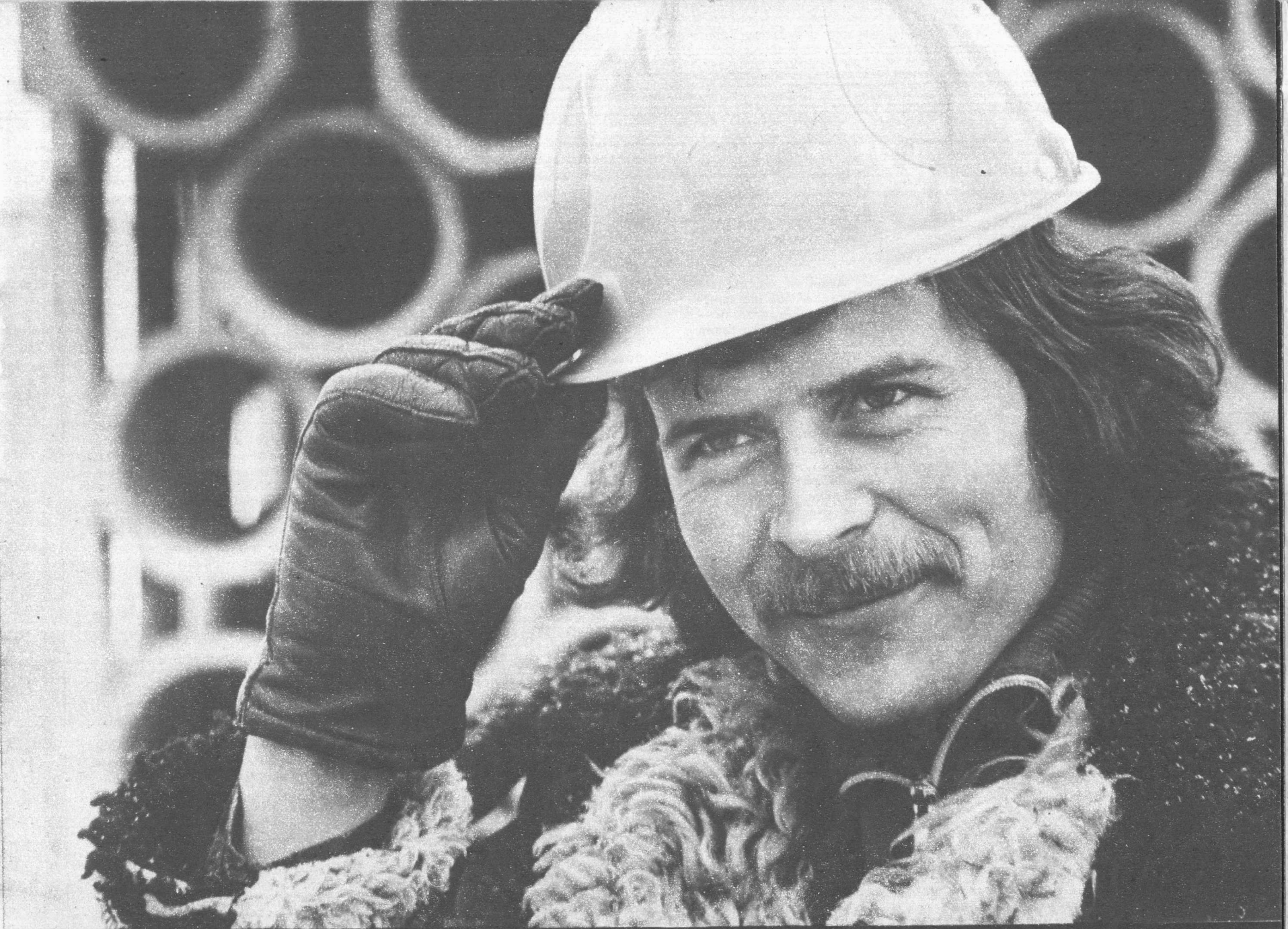
Только что зажжена печь варки стекла в школе мастеров Дятковского ордена Трудового Красного Знамени хрустального завода.

Дятковский дом спорта «Электрон» открылся недавно, а штангист созданной здесь секции тяжелой атлетики Павел Соболев успел уже стать чемпионом центральной зоны России.

Непривычный пока для нас диалог больного с посетителем — по видеотелефону — в новом корпусе районной больницы.

Слесарь-наладчик Александр Сыромонот может уже считаться ветераном Фокинского завода керамических и дренажных труб.

О Б Ы Ч Н Ы Й Р А Й О Н

См. стр. 7

Участок новой автодороги, пересекающей район.

Мы тоже хорошие

ваше
мнение,
читатель

В последнее время все чаще вижу свою знакомую, Наташку, с покрасневшими от слез глазами. Она всегда была жизнерадостная, болтушка, хохотунья, с постоянно сползающими на вздернутый нос очками. Правда, любила высказывать у себя всякие недостатки — то ресницы ей нехороши, то талия полновата... Но Андрей быстро излечил ее от этой озабоченности.

Познакомились они года три назад на студенческой вечеринке. Он к тому времени уже окончил химфак, работал, готовился в аспирантуру. Через год поженились, где-то в Чертанове сняли квартиру — чтобы быть независимыми и чтобы никакие вольные или невольные конфликты с родителями не замутили их счастье.

А еще через год...

— Он совсем не бывает дома, — жаловалась Наташа. — Все эксперименты! Но я тоже существую! Действительно, Андрей любит свою работу, готов неделями торчать в институте над пробирками. У женщин, наверно, другая психология, для большинства только любовь к мужчине или к детям важна, существенна, а все остальное как бы второстепенно. Есть любимое дело — хорошо, нет — и не надо.

Как бы там ни было — от маленькой ссоры к большой, и наконец, когда появляется свободное время, вместо того, чтобы провести его с Наташей, Андрей уходит к друзьям. Возвращается, конечно, поздно. Как говорится, со следами веселого времяпрепровождения.

Как-то вечером у меня раздался телефонный звонок. Звонила Наташа.

— Знаешь, он стал законченным негодяем! Я сказала, что ухожу из дома, а он мне: «Ну и иди!» Раньше умолял остаться, просил прощения... Представляешь!

Недостатки есть у каждого, и у Андрея, есть, конечно. Но порядочность, чувство ответственности тоже были, они не могли исчезнуть так быстро. Нет, здесь дело в чем-то другом... И тут я вспомнила слова, которые Наташа повторяла чуть ли не со дня их знакомства:

— Он неправильно живет! Ему нужно помочь измениться. Он интересуется не тем, что должно волновать каждого культурного человека.

И, судя по ее словам, она взялась за решительную перестройку духовного мира Андрея по образу и подобию даже не своему, — она хотела подогнать его под те образцы, которые казались ей наиболее достойными.

Наташа родилась в семье, в которой знали, что быть начитанным хорошо, что ходить в театр — тоже неплохо, но внутренней потребности в этом не было. До института Наташа не придавала особого значения, ходит ли человек в театр, читает ли книги, слушает ли музыку, но на факультете литературы и русского языка оказалось много людей с истинной потребностью духовной жизни. Сама Наташа не приучилась да и не

стремилась к такой жизни, но стала требовать этого от Андрея.

Беда Наташи состояла в том, что, уверовав в свой образец, в этот гибрид из девических мечтаний, книжных героев, газетных штампов, она с этой меркой стала подходить к живым людям. Похож — значит хорош, не похож — надо переделать. Андрея она любила и посему взялась переделывать его в изысканного... манекена.

Не знаю, совместимо ли с любовью желание перекроить человека по какой-то мерке. Разве истинная любовь не предполагает принятие человека целиком как личности, достойной уважения? Кого же полюбила в таком случае Наташа — Андрея или того сияющего «принца», в которого тому предстояло превратиться?

А чем больше сопротивлялся Андрей, чем больше цеплялся за свои привычки, привязанности, слабости, тем настойчивее и безжалостнее становилась Наташа. Андрей любил белые рубашки. Но оказалось, что это дурной тон, — и Наташа перекрасила их в голубые. Андрей терпеть не мог узких брюк, но вскоре в доме не осталось других. Он всегда носил короткую прическу, но, уступая Наташе, отпустил кудри до плеч...

А Наташа все продолжала придирчиво сравнивать его, сопоставлять с экранными образцами, с виденным в зарубежных журналах, с мужьями своих подруг и знакомых. И однажды Андрей, словно спохватившись, привел себя в прежний вид, стал самим собой.

В тот раз Наташа, чтобы наказать его за непослушание, отказалась идти с ним к родственникам на день рождения. Но находились все новые и новые поводы для размолвок.

Она, например, требовала, чтобы Андрей готовил, мыл посуду, ходил в магазин. И он действительно делал все это, пока не поступил в аспирантуру. Возможность помогать по хозяйству сократилась, а требования жены не уменьшились. Начались ссоры, упреки, многодневные игры в молчанку. Причем Наташа делала это с ощущением правоты, убежденная, что поступает сурово, но справедливо.

Конечно, трудно отрицать влияние одного человека на другого, даже на взрослого, это позволяет развить одни черты и подавить другие. Разве не блага хотела Наташа, когда на вечеринке среди друзей не раз и не два одергивала Андрея: «Ты слишком много пьешь! Перестань, кому сказала!» В результате он напился. Это был вызов унижению, которому она его подвергла. Потом Наташа говорила с чувством превосходства:

— Ну вот, я тебя предупреждала, а ты не послушался!

Давайте разберемся: ведь она прекрасно понимала смысл своего одергивания, понимала унижительность положения, в которое ставила Андрея. Но уж очень хотелось предстать перед всеми таким творцом, показать всем, кто из них двоих лучше, выдержаннее, воспитаннее.

Меня всегда мучает вопрос: зачем любящие друг друга люди

во что бы то ни стало хотят взять верх над любимым, заставить его подчиниться? Чаше такое стремление почему-то встречается у женщин. Что это — пресловутая жажда власти или самоутверждение в семье, раз уж не получается на работе, в коллективе? Чужие люди не потерпят окрика, грубого тона, а близкие вынесут все. Ну, а если попытаются отстоять свое достоинство, начинается борьба не на жизнь, а на смерть. Забывается все — и любовь, которая когда-то связала их, и радость общения, которая привела к любви. Случается, одному из супругов удается «слопать» другого, и он празднует победу. Только радости эта победа никому не принесет. Близкие либо становятся тихими яростными противниками, либо разводятся.

В известной сказке Экзюпери Лис говорит Маленькому Принцу: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Да, мы в ответе за всех, кто любит нас и потому беззащитен перед нами. А так ли уж редко, пользуясь любовью к нам, мы пытаемся близких людей заставить подходить под образец, который нравится нам, вогнать в колдовки, чужие и чуждые.

Да, есть высокие примеры подражания, за которыми стоит наше мировоззрение, история, героизм народа в годы испытаний, преемственность поколений. И тут уж хватило бы духу быть бы похожим на героев гражданской, Великой Отечественной войны, на героев мирных дней.

Но в этих заметках хочется сказать о другом.

— На кого ты хочешь быть похожим? — спрашивают ребенка в детском саду.

— Кому бы ты хотел подражать? — настойчиво вопрошают учителя в школе.

И мы сами не замечаем, как этот вопрос становится расхожим, и пропадают из него взволнованность, доверительность, заветность, что ли...

И вот уже приходится слышать, что кто-то хочет быть похожим на соседа, поскольку тот разъезжает в новых «Жигулях», кто-то старательно подражает очередной теледиве, поскольку на той бархатный пиджак, подражают даже Волку из знаменитой киносерии, поскольку низость его и хамство представлены авторами такими милыми и остроумными, такими неуязвимыми. Правда, подражающим не удастся воплотить ни остроумие, ни отчаянность Волка, и все возвращается на круги своя — обнажаются воспетые в фильме низость и хамство... Да, наверно, авторы все-таки воспели эти качества, а не заклеили их.

Поэтому испытанный, казалось бы, педагогический прием «На кого бы ты хотел походить?» не кажется мне таким уж надежным. От неумеренного употребления он, случается, оказывает действие, прямо противоположное желаемому.

А разве каждый из нас не ценен сам по себе? Даже со всеми своими достоинствами и недостатками? Нежели навешивать на себя чужие чувства, манеры, взгляды, не лучше ли развивать свои? Как знать, может быть, мы тоже хорошие?

С. Иванов. 1864—1910. ДЕВОЧКА В КРАСНОМ.

Куйбышевский художественный музей.

В. Маковский. 1846—1920. ЗАСИДЕЛИСЬ.

Куйбышевский художественный музей.

Крутые тропы

Владимир ШЛЕНСКИЙ

ЭВЕНКИЯ

О чем поют на Севере ветра?
Быть может, о ледовом давнем плене...
Меня встречает ласково Тура.
Дома теплом дохнули, как олени.
А сумерки опустятся едва,
за горизонтом тундра чутко дремлет.
Здесь ни к чему красивые слова.
Слова простые здесь в цене издревле.
И я соизмеряю жизнь свою
с суровым краем,
где не место лени.
Здесь ценят рыбу не за чешую,
не за рога ветвистые — олени...
Во всем есть смысл глубокий и резон.
Живут в легендах помыслы простые.
Тускнеет постепенно горизонт,
и светятся снега над Эвенкией.
Есть у меня на Севере друзья.
Пусть в мире и тепле
их жизнь пребудет.
И ясно сердцем
понимаю я —
чем край суровей,
тем добрее люди!

ПИСЬМА

Что-то шепчут конверты на почте,
ждут отправки в намеченный срок.
Пред глазами колыхнется почерк
указателем нужных дорог.
Разноликий
и разноязыкий
проживает в конвертах народ.
У него, словно праздник великий,—
сортировка на почте идет...
Пачки писем —
минувшие даты.
Дышит время в ладонях светло.
Треугольники — это солдаты,
в них таится любовь и тепло.
Треугольники посланы дедом
и не мне...
Только их сохранию.
Полыхает военное лето.
Выгорают хлеба на корню.
И я вижу —
мой дед неубитый
в полный рост из окопа встает.
Запыленный,
усталый,
небритый,
он в сегодняшний город идет...
Он имеет посмертное право
до забытой прощальной зари
треугольник последний отправить
с непростреленным сердцем внутри...

НЕЗАБУДКИ

Возле старой телефонной будки,
на шумящем испокон вокзале,
продают старухи незабудки,
чтоб друг друга мы не забывали...
Глухо поезда кричат под вечер.
На вокзал приду не за билетом —
за букетом,
просто за букетом,
пахнущим разлукою и встречей...
Тепловозы замычат устало,
и вагоны вздрогнут от испуга.
И рванутся пыльные составы,
на пути приветствуя друг друга.
А старухи, распродав до срока
все цветы,
домой спешат привычно.
Правда, ехать им не так далеко
в пригородных шумных электричках...
Звон гитары,
шутки,
прибаутки

весело помножены толпою.
И глаза старух,
как незабудки,
светят потаенной синевою...

НА ТАЙМЫРЕ

Мамонты вымерзли.
Вымерли все птеродактили.
Чайка очертит простор заполярных небес.
Стойкость издревле
таится в ледовом характере —
светит зеленым огнем здесь реликтовый лес.
Лиственниц пламя.
Оно не угасло столетиями...
Летом олени лениво бредут вдоль озер.
Волки полярные тропами рыщут оленьими,
их остановит лишь дуло винтовки — в упор...
Древняя речка со странным названием Новая
смоет обрывистый берег и вмиг обнажит
вмерзшие бивни и хобот...
Погода суровая.
Но вертолет, несмотря ни на что, прилетит.
Выйдет ученый из центра и с ним лаборантка.
Вылезут хмурый доцент, разбитной хроникер...
Временным домом над берегом встанет

палатка,

с ветром неистовым
вступит в порывистый спор...
Мхом и лишайником это пространство
поросшее

дремлет веками
под мерную качку небес.
Люди неспешно осмыслить пытаются прошлое.
Кружатся чайки.
Чернеет реликтовый лес.

ВОСПОМИНАНИЕ ИЗ ДЕТСТВА

Слепой пел не про беды, не про боли —
он пел про то, что солнечно живем...
При нем овчарка рыжей масти — колли —
была его земным поводырем.
Частенько забредали к нам на Пресню,
во двор большой, что в зелени притих.
Здесь пел слепой нам радостные песни,
а пес смотрел печально — за двоих...
И детвора, и женщины толпились,
старухи выходили на крыльцо.
А он стоял среди дворовой пыли,
и пел,
и к солнцу поднимал лицо.
Не умолкал высокий голос чистый,
и раскрывалось каждое окно...
Мы знали, что хотел он стать артистом,
но стать танкистом было суждено...
Потом куда-то уходил печально.
В глазах —
не пустота,
а чистота...
И всех прохожих
умная овчарка
приветствовала взмахами хвоста...

ХОЛСТЫ ТОГРУЛА

Тогрулу Нариманбекову

Лица. Линии. Переливы.
Виноградники и оливы.
Гроздь солнца.
Полдневный жар.
Все, что вечно, непреходяще,
чем пульсирует настоящий,
озаренный Азербайджан.
Полосуют пространство очи,
очень схожи с вселенской ночью —
беспредельна их глубина.
Но горят в глубине той звезды.
И я вижу дрожащий воздух.
Расступается тишина.
Словно гурии из легенды...
Ярких красок витые ленты

оплетают меня сильнее,
Пусть летят семена из перца,
как слова от большого сердца.
Песня сложена для людей.
Солнце — конь карабахской масти,
оседлал его смелый мастер,
и попробуй теперь догнать...
И хватаемся мы за стремя,
за летящее это время,
чтобы в жизни не опоздать.
Лист весеннего винограда
и рубиновый сок граната
с кровью сердца перемешав,
он неистово землю пишет,
и холсты его жадно дышат
небом,
морем,
настоем трав...
Я смотрю на холсты Тогрула —
солнце кануло-утонуло
и чуть позже воскресло вновь...
В каждом всплеске живет орнамент,
удивление,
темперамент,
зарождающие любовь.

Здесь тропы крутые
к вершинам неистово рвутся.
Селения древние.
Свет в очагах не потух.
Кусты на отрогах
зеленой отарой пасутся.
Сутулое дерево
как одинокий пастух.
Ах, дерево это...
Откуда оно появилось?
Быть может,
то дедовский посох
пророс и зацвел...
Прозрение явилось,
как самая высшая милость —
товарищ мой гладит
дрожащей рукой этот ствол...
Мы медленно-медленно
едем на мощной машине —
ведь время на горной дороге
сродни ишаку,
а не скакуну.
Скакуном оно станет в долине...
А я насмотреться
на этот простор не могу.
Под нами грохочут
раскаты каленого грома.
И запахи трав
пролетают на легких ветрах.
Здесь стайки пеленок
трепещут у каждого дома —
знать, горцы растут,
значит, будут джигиты в горах...
Под вечер в долине
пульсируют капельки света,
как будто птенцы,
что под крышей застигнуты мглой...
Здесь в дереве каждом
я вижу людские приметы.
Здесь люди живут,
как деревья,
сливаясь с землей...

Не лучшим образом Захар Романович Рубин, ведущий научный сотрудник одного из московских научно-исследовательских институтов, прожил свои шестьдесят пять лет. В пору войны гитлеровцы завербовали попавшего в плен молодого военного врача Рубина. Став немецким агентом, он прошел разведывательную подготовку и под личиной Сократ был заброшен в тыл Красной Армии. Абверовцы снабдили его нужными документами. Рацию и другое шпионское снаряжение он захоронил в лесу, в районе приземления, под Смоленском. Ему удалось влиться в ряды советских бойцов и в качестве военврача пройти всю войну. Трусость, желание сохранить жизнь — так он позже объяснял свое поведение — толкнули его тогда на путь измены. Когда он согласился стать агентом абвера, то для себя решил: «Как только окажусь дома, в Москве, явлюсь с повинной». Увы, это был жалкий компромисс с совестью. На явку с повинной и честную исповедь не хватило мужества.

Так десятки лет жил Рубин под страхом: вдруг узнают, и тогда всему конец — доброму имени, служебной карьере.

Тайное, помимо воли Рубина, стало явным. После мучительных колебаний и раздумий он все же пришел в приемную Комитета государственной безопасности, но пришел лишь тогда, когда новые хозяева, получив от гитлеровцев по наследству их агентуру, дали знать о себе Захару Романовичу.

Его принял полковник Бутов, опытный, бывалый контрразведчик. Поборов испуг и растерянность, Рубин надрывно произнес: «...Я...агент иностранной разведки». И умолк. Ожидал, какова будет реакция собе-

седника. Бутов, конечно, был весьма удивлен столь откровенным скоропалительным заявлением, но виду не подал. «Продолжайте, я вас слушаю». Тяжелая это была исповедь. Рубин говорил задыхаясь, умолкал, молча сидел, понурился, и снова продолжал...

С участием Рубина шел поиск шпионского снаряжения агента абвера Сократа. Чекистам важно знать, сказал ли Рубин правду. И еще: не была ли уже рация в шпионской работе? Поиск оказался очень трудным. Но тем не менее снаряжение было найдено. Эксперты дали ответ и на второй вопрос: рация Сократом не использовалась.

Значит, Рубин сказал правду. Но пока это была полуправда. Полную правду о себе он сказал позже, лишь после того, как к нему явился Нандор, связной из штаб-квартиры, филиала ЦРУ, чтобы накрепко привязать его к себе. Сократу вручили новое шпионское снаряжение, на старое не надеялись, прошло уже много лет, рацию и средства для нанесения тайнописи в почтовых корреспонденциях, средства ее проявления, подставные адреса для связи с разведцентром... Обо всем этом Рубин сообщил полковнику Бутову.

«...ровно через пять дней после отъезда Нандора в почтовый ящик была опущена открытка с венским адресом и с видом Красной площади. Бутов вступил в игру».

Так заканчивалась публиковавшаяся в «Огоньке» повесть А. Зубова и Л. Лерова «Вне игры».

Как после этого условного сигнала, поданного в штаб разведки противника, сложилась судьба доктора Рубина, как действовал, как вступил в «игру» чекист Бутов?

Об этом — публикуемая вторая часть повести «Конец Сократа».

Конец Сократа

Л. ЛЕРОВ
Е. ЗОТОВ
А. ЗУБОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

СОКРАТ

«Игра» еще не началась. Она впереди. «Голос» с той стороны могут подать в любой день, час. А пока разыгрываются возможные варианты «дебюта»...

Виктор Павлович Бутов не раз в эти дни вел трудный диалог сам с собой, готовясь к большому разговору с генералом. Терзают сомнения: как поведет себя в этой игре Рубин-Сократ? Можно ли полностью доверять ему? И тут же контрвопрос: «А разве он не сказал всей правды, разве его шпионское снаряжение не нашли в указанном им месте?»

Тревожные мысли, набегая одна на другую, не давали покоя. Бывало и так, что, проснувшись ночью, Бутов долго не мог уснуть — мучили раздумья. Однако в кажущейся неразберихе мыслей проглядывалась некая стройность.

У него уже все готово для подробного доклада генералу Кlementьеву. Зная его характер — дотошный интерес ко всем деталям, — полковник старался не упустить «крупных мелочей» — это из генеральского лексикона, всегда напоминавшего подчиненным: «В нашем деле мелочей не бывает».

...Бутов сидит за длинным столом и неторопливо докладывает, листая пухлую папку, а Кlementьев, попыхивая трубкой, шагает из угла в угол, заложив руки за спину.

— Что будем делать дальше, товарищ генерал?

Полковник озабочен, на лице печать всех тревог, что одолевала его в последние дни. Генерал улавливает настроение Бутова, но своего мнения не высказывает.

— А как быть с Рубиным?

Генерал, перестав расхаживать по кабинету, искоса взглянул на полковника.

— Разве вам не ясно, Виктор Павлович, что в данной ситуации без него нам не обойтись? Или не так? Так что же вас смущает? — прищурился Кlementьев.

— Все то же, товарищ генерал. Неискренность Сократа. Правду выдавал микродозами. А мы собираемся оказать ему доверие. Не побоюсь сказать — высокое. Есть ли основания для этого?

— Позвольте, позвольте... Не понимаю... Вы что же, до сих пор не убеждены в раскаянии Рубина?

— Теперь вроде бы оснований для сомнений нет, и все же прошлое его поведение... Генерал недовольно подобрал губу, и лицо его посуровело.

— Мы с вами, батенька, должны уметь понять человека, совершившего преступление, даже тогда, когда раскаяние к нему пришло не так скоро, как бы нам с вами хотелось. Оно, Виктор Павлович, является не по заказу и по-разному: к одним — импульсивно, мгновенно, а к другим после долгих, нелегких раздумий, как это и произошло с Рубиным. Важно, что он все же раскаялся.

Генерал, крепкого сложения мужчина лет шестидесяти, с лобастой головой, с большими умными глазами, откинулся к спинке стула и, вытянув свои длинные ноги под столом, неторопливо продолжал:

— Раскаяние... Это очень сложно, когда человеческая душа открывает свои сокровенные тайники. Нам, чекистам, нужно в самые глубины проникать, чтобы безошибочно разобраться, где чистосердечная правда, а где ловко закамуфлированная ложь, по велению пробудившейся совести пришел к нам человек или хитрит, игру затевает... Без этого разумная осторожность может превратиться в болезненную подозрительность. Наш долг помогать людям найти верный путь.

Генерал разжег трубку и снова зашагал по кабинету.

— Вот так... — И после небольшой паузы: — Забываю вас спросить, как здоровье профессора Рубина?

— Очень переживает, нервничает. Тяжело перенес известие о гибели Елены Бухарцевой... Первая любовь... В свое время трусливо отвернулся от нее. Елена, связанная подпольного центра, погибла в тылу врага при загадочных обстоятельствах.

— У Рубина есть дети?

— Приемная дочь, Ирина. Недавно вышла замуж, живет у мужа. Профессор остался в одиночестве...

— Вот ведь какая судьба у человека. Постарайтесь понять его, Виктор Павлович. Опекайте, укрепите морально. Вы должны стать прочной опорой Рубину. Иначе пропадет. А, кроме нас, поддержать его сейчас никому...

Между тем «игра» началась. В ход пошла тайнопись. Поступили первые запросы новых «хозяев» Сократа. Сдержанные, лаконичные: «Как самочувствие, все ли спокойно? Надежно ли хранится аппаратура?»

В адрес разведцентра противника ушел столь же лаконичный ответ: «Все спокойно, болезнь мешает работе. Аппаратура хранится надежно, пробовал пользоваться — не получилось, видимо, неисправна. Сократ».

Через несколько дней Сократу сообщили: «В Москву придет наш человек, свяжется с вами по телефону. Пароль: «Вам привет от Нандора». Отзвон: «Как он себя чувствует?» Ответ: «Хорошо». При встрече получите помощь и указания».

Бутов слегка нервничает, хотя никому не дано это примечать: внешне спокоен, выдержан. А сомнения? Вроде бы отброшены — с точки зрения контрразведчиков, Сократ ведет себя безукоризненно. И все же на душе неспокойно.

ПОДОПЕЧНЫЙ

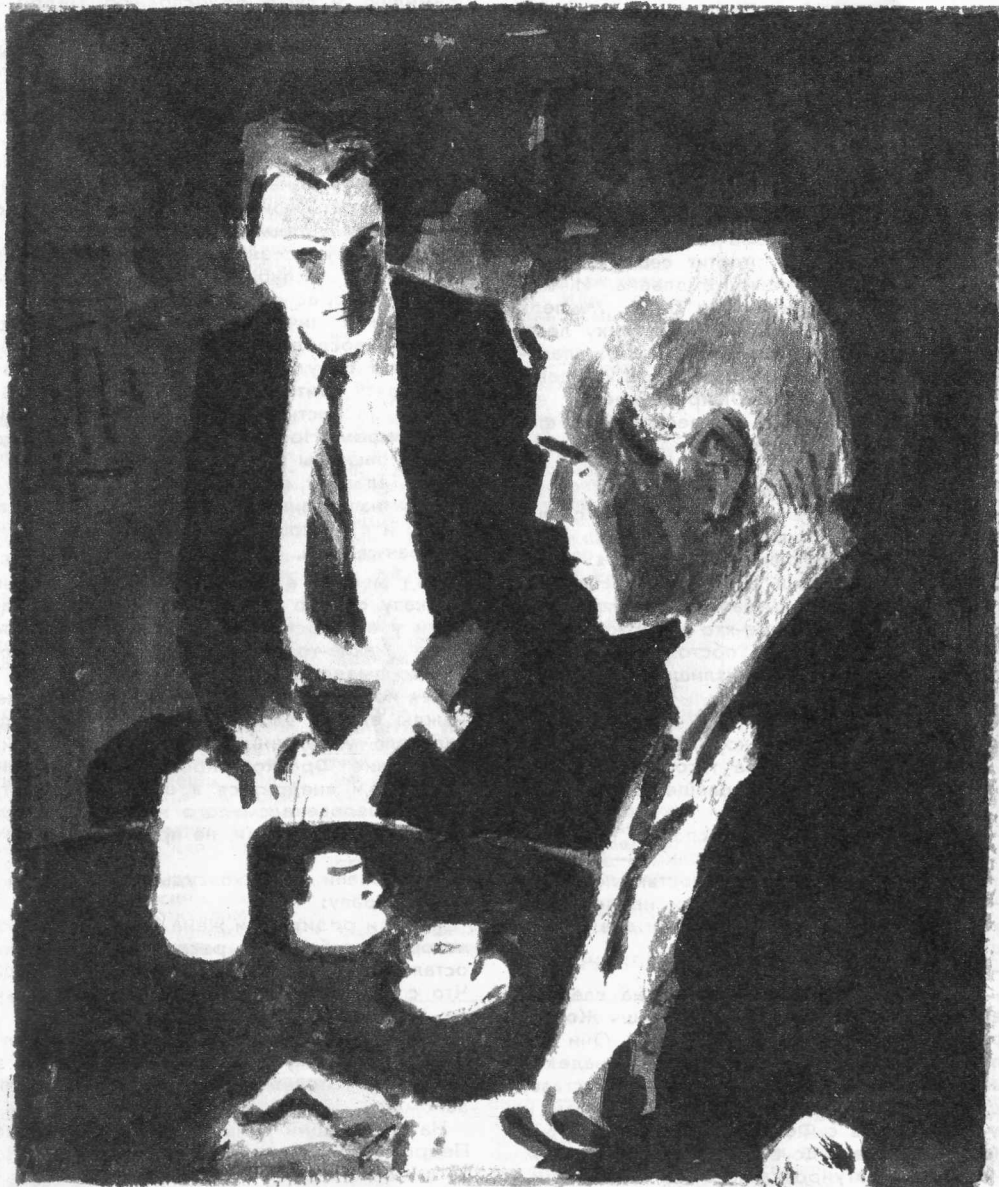
Эта трагедия разыгралась в глухом белорусском селе. Всех его жителей, и старых и малых, гитлеровцы пригнали на опушку леса. Белобрый полицейский объявил, что по приказу коменданта за помощь партизанам все они будут расстреляны. В ряду обреченных селян, выстроившихся по краю оврага, бабушка стояла в самом центре. Глаза ее были сухими, и бессильно повисшие руки торчали из коротких рукавов замусоленной куртки. Время от времени она поглаживала голову внука, прижавшегося к ее коленям. Сережа боязливо смотрел на все, что творилось кругом, на хмурых солдат, на то, как серебристыми искорками поблескивали капли дождя на крыше дома лесничего. А просунувшееся из-за туч холодное осеннее солнце умиротворенно поглядывало на людей, которым осталось жить на этой земле считанные минуты.

Грянул залп, и старая женщина, широко раскинув руки, рухнула наземь, прикрыв своим телом чудом оставшегося в живых внука: пуля пролетела над его головой. Долго, допоздна пролежал он тут, на пропитанной кровью стилой земле, не смея пикнуть, подняться. И вдруг снова раздался выстрел, и в наступившей затем тишине Сережа услышал голоса русских. В тот вечер партизаны сполна рассчитались с гитлеровцами.

Мальчонку партизаны переправили на Большую землю, в Москву, к дяде: отец Сережи погиб на фронте в боях под Москвой. Дядя, крупный инженер, ученый, часто и надолго уезжал в командировки, так что Сергей, по существу, жил один в богатой отдельной квартире, чем не преминули воспользоваться дружки — из тех, кто до добра не доводит. К счастью Сергея, он оказался в поле зрения чекиста, умеющего неведомо как извлекать из глубин человеческих неприметное поверхностному взгляду хорошее и радоваться, когда это удается. Бутов немало повозился с Крымовым. Они встречались, подолгу беседовали. Полковник цитировал на память Омара Хайяма: «Ты лучше голодай, чем что попало есть, и лучше будь один, чем с кем попало». И ему удалось оторвать Сергея от юных шалопаев, гуляк, валютчиков и фарцовщиков. Прошло немало времени, пока Сергей Крымов образумился и вроде бы не без успеха стал пробовать свои силы в журналистике. Тем не менее полковник продолжал его опекал: «Растение хрупкое, того и гляди сорняки заглушат».

На этом поприще у полковника появился хороший помощник — Ирина, падчерица Ру-

Печатается в сокращении.

бина: судьбе угодно было, чтобы она стала женой Сергея. А он еще в женихах ходил, когда познакомил ее с Бутовым. И тогда она совершенно неожиданно для себя открыла совсем неведомую ей дотоле сферу деятельности чекистов — возвращать свихнувшихся на путь истинный. Обычно замкнутая и немногословная, она однажды разоткровенничалась.

— Виктор Павлович, я не предполагала такого за людьми вашей профессии. Спасибо вам за Сергея, за все, что вы сделали для него, а значит, и для меня.

...В тот день Бутов позвонил на квартиру Рубина. К телефону подошла Ирина.

— Здравствуйте, Виктор Павлович! Приятно, что не забываете нас. Здоровье Захара Романовича?.. Как вам сказать, не очень. Уснул. Благодарю. Непременно передам. Да, понимаю... Дела... Вы очень нужны Сергею,

он хочет с вами о чем-то посоветоваться... Сейчас его нет дома. Когда? Не знаю, сказал, что по заданию редакции куда-то поедет, возможно, задержится.

— Пусть позвонит, номер телефона он знает. — Сказал и задумался: «Странно... Для чего я ему вдруг понадобился? Неужели опять поскользнулся?»

ИНТЕРВЬЮ С ОТСТУПЛЕНИЯМИ

К ответственному секретарю редакции Крымов ворвался пулей.

— Есть фитиль! В Москву приехала Аннет Бриссо. Из Парижа, туристка... Для встречи с нашим ученым Поляковым. Они друзья по французскому Сопротивлению, были в одном отряде маки. Здорово, а? Хочу взять интервью, как считаете? А?

— Крымов, когда вы перестанете «акать»? Объясните толком: кто такой Поляков?

— Это дядя моего лучшего друга, Васи Крутова... С большой сибирской стройки. Я же о нем рассказывал... Был в отпуске в Москве, ну и познакомил с дядей. Милейший человек, профессор-микробиолог и лирик. Пишет стихи. Я вам покажу, может, тиснем...

Несмотря на солидную разницу в возрасте, Сергей Крымов и Михаил Петрович Поляков подружились. Журналисту всегда было интересно в его обществе. Крымов не раз бывал у профессора, обладавшего поистине неотразимым обаянием. Журналист любил слушать рассказы этого человека с острым, живым, чуть насмешливым взглядом зеленоватых глаз, с резкими, энергичными движениями рук, на левой было только три пальца: это война. После отъезда Васи профессор, старый холостяк, радушно встречал приятеля своего любимого племянника. Они пили на кухне чай с бутербродами из институтского буфета, затем удалялись в профессорский кабинет, где все стены были заставлены книжными стеллажами. Сутолый, как все, кому приходится подолгу работать за столом, Михаил Петрович, уютно устроившись в старинном кресле, рассказывал любопытные истории из жизни великих бактериологов.

Однажды Крымов спросил:

— Михаил Петрович, вы медицину избрали по любви или...

— Или не прошел по конкурсу на филологический в МГУ? Это вас интересует? Так? — И, не ожидая ответа, продолжил: — Было еще одно привходящее обстоятельство... — Он глотнул кофе и тихо промолвил: — Мне не хотелось бы вспоминать о нем...

Профессор насупился и умолк, ничего так и не сказав о «привходящем обстоятельстве». Наступившую тишину прервал Сергей:

— Я вас слушаю, Михаил Петрович...

— Так вот о войне... Ходил в разведку. Взял трех «языков». На четвертом — осечка: попал в плен. Бежал. Раз, второй. Поймали, истязали. На третий раз — удача. Это было во Франции. Лагерь, строжайший режим, каторжная работа на шахте. И все-таки удалось. Ночью. Помогли местные жители скрыться...

Он снова затих, а потом, отвечая каким-то своим мыслям, промолвил:

— Мир не без добрых людей... Лесорубы вывели в лагерь маки.

...Стоял теплый майский день с колдовским ароматом весны, когда, напуганный лесорубами, Поляков вышел из леса. Вот она, та самая деревня и тот самый дом под черепицей за высоким зеленым забором. Дом стоял на самой окраине, и бегаца это очень устраивало. Кругом ни души. Тишина, нарушаемая лишь певучей болтовней птиц. Когда зазвонил церковный колокол, из скрипучей калитки вышел невысокий толстый человек с глазками-щелчками, а за ним — худенькая девушка. Поляков поклонился и попросил поесть. Он действительно был голоден, однако сейчас просьба была больше предлогом, чтобы завязать разговор. Но толстяк, даже не взглянув в его сторону, отрезал: «Идите прочь». И вместе с девушкой зашагал к церкви.

...Минует несколько дней, и уже в отряде маки, куда русского солдата приведет один из лесорубов, худенькая девушка сама подойдет к нему и скажет:

— Меня зовут Аннет. Не сердитесь на отца. Он очень осторожный человек и решил, что

вы из гестапо. Потом лесорубы все рассказали ему и поручились за вас. Папа просил передать, что будет рад видеть русского солдата в доме французского ажана.

Поляков удивленно вскинул глаза, Аннет рассмеялась:

— Маки и дочь ажана — не верится? Да?

У него еще много будет поводов для удивления.

Отряд маки долго оставался неуловимым. И все знали, что это заслуга помощника командира по разведке Мишеля и его храброй соратницы, разведчицы Аннет. Они часто вместе отправлялись на задания и были неразлучны в пору затишья. В отряде о них говорили разное. Толки докатывались и до «виновников». Они посмеивались и отшучивались.

Поляков и сегодня может во всех деталях, час за часом восстановить в памяти свой последний день на французской земле. Радость первой, хотя еще и не окончательной победы и предвкушение долгожданного возвращения на Родину. И парад иностранцев-маки, и веселая пирушка в уютном кафе по случаю проводов, и как он вместе с Аннет... Нет, нет, об этом они никому не расскажут. Это их тайна, в этот душевный тайник никому не дано заглянуть. Никто из их тогдашних друзей так и не узнал, как они тихо и, им казалось, незаметно покинули кафе и долго бродили по лесным тропам под дождем, прижавшись друг к другу. Бродили и молчали. Мишель, ощущая острую потребность сказать ей то, что хотел давно сказать, попытался было нарушить молчание, пусть даже красноречивое, но Аннет ласково прикрыла ладошкой его рот: «Не надо... Не надо, Мишель... Я все понимаю... Я знаю, чувствую, что ты хочешь мне сказать. Давай помолчим».

...Поляков не без грусти прощался с боевыми друзьями. Это чувство овладевало им исподволь, по законам жизни, с ее превратностями и замысловатостями. Причина? Вероятно, и Аннет. Она настойчиво просила его остаться.

— Ты можешь добывать гитлеровцев и в рядах французской армии. И мы по-прежнему будем рядом.

— Не могу, Аннет. Это не упрямство. Я обязан вернуться в свою Красную Армию. Кто знает, быть может, встретимся в Берлине...

Он говорил твердо, решительно, но, кажется, еще ни разу в жизни на душе у него не было такой сумятицы.

Тогда он не очень четко представлял себе, что ждет его дома.

— Прошумело несколько послевоенных лет, пока я сумел восстановить доброе имя патриота-солдата.— Поляков тяжело вздохнул, и Сергея тут же осенило: «Так вот что имел в виду профессор, когда говорил о «привходящем обстоятельстве»!— К счастью, удалось документами подтвердить мои боевые дела в отряде маки. В военкомате мне вручили орден Отечественной войны. Это, конечно, был большой праздник, достойно отмеченный в узком кругу. А потом наступили будни. Заботясь о хлебе насущном, я спешил получить хоть какую-нибудь специальность. Хотелось продолжить учебу. В ту пору при поступлении в институты представители сильного пола имели некоторое преимущество, и я не преминул им воспользоваться. Мои мысли витали в сфере, где стыкуются идеи творцов неживого — машин — и исследователей живого, биологов... Моя лаборатория...

И тут он осекся.

— Простите, я несколько увлекся. Это уже не для печати, хотя когда-нибудь...

— Ясно-понятно! — весело воскликнул Сергей. — Молчу и ничего не спрашиваю. Но от мысли написать когда-нибудь о вас очерк не откажусь. Что, а? Если представится случай, мы еще побеседуем о вашей жизни на французской земле, а деятельности «почтовых ящиков» касаться не будем.

Профессор тогда ничего не ответил. А случай действительно представился. Крымов столкнулся с Поляковым в аэропорту. Сергей провожал коллегу в Будапешт, а Поляков встречал Аннет Бриссо — она прилетела в группе туристов из Парижа. Сергей, по рассказам Полякова, уже многое знал о боевой подруге профессора. Судьба двух маки, русского и француженки, заинтересовала журналиста, падающего на необычайные сюжеты. И он тут же попросил Полякова: «Помогите взять

интервью у Аннет Бриссо». Профессор ответил сухо: «Постараюсь...»

Он проводил Аннет в гостиницу, договорился с ней о завтрашней встрече и предупредил: «Я приеду не один. Со мной будет молодой журналист. Ты не возражаешь?»

— Нет, конечно. Пресса — это великолепно.

...В номере Аннет шла беседа о разных разностях, пока француженка со свойственной ей непосредственностью не обратилась к Крымову:

— Я слушаю вас... Мишель, вероятно, уже немало рассказывал вам, — я знаю, это его любимая песня. Так что мне...

— Он сказал, что предпочитает петь ее одному...

Но интервью не состоялось. Аннет и Мишель, перебивая друг друга, вновь возвращались к событиям, о которых уже, кажется, все было сказано, и разговаривали так, будто, кроме них, никого в комнате не было.

Но вот на стол легли старые любительские фотографии. Аннет принялась комментировать их и вдруг помрачнела, тонкие пальцы судорожно смяли сигарету. Поляков ласково положил свою большую, широкую ладонь на маленькую ручку Аннет.

— Осторожно, обожжешься...

Она посмотрела на него грустными глазами и тихо спросила:

— Узнаешь?

— Да. Жюльен... Твой Жюльен. Ты помнишь, как мы его искали...

Еще бы не помнить! Она тогда сказала Мишель, что никогда не простит себе, если не разыщет и не похоронит Жюльена. И они нашли, хотя кругом шныряли боши. Мишель взвалил его на плечи, отнес на опушку леса, и на краю зеленой поляны поднялся маленький холмик с дощечкой: «Он дрался, как лев... Умер, как герой. Жюльен Лакре, 18 лет».

Позднее Аннет узнала от крестьян, как фашисты захватили истекавшего кровью Жюльена.

На глазах Аннет навернулись слезы.

— Его пытали, но он не проронил ни слова. И еще я узнала от крестьян... Узнала... Хотя нет, догадывалась и раньше. И ты, и я, и командир. Крестьяне лишь подтвердили. Нас предал испанец, тот, что внезапно появился в отряде. Так ведь? Хотя кое-кто утверждал, что это — случайное стечение обстоятельств и не нужно принимать всерьез излишнюю бдительность русских...

И Аннет застонала.

Говорят, что глубокая скорбь всегда молчалива. В комнате наступила тягостная тишина. И в этой тишине как-то зловеще-грозно прозвучал ее голос:

— Я поклялась разыскать испанца.

— Зачем? — воскликнул Поляков. — Столько времени прошло. Ведь за давностью лет...

— Есть еще суд совести. Если не покарает правосудие, то я сама... Огнем сердца. Я разыщу его...

— А ты пыталась?

— Да. И даже как-то набрела на след. Я путешествовала по Испании... Помнишь Жоржа Лефевра? Так вот с ним и его женой. Они поехали отдыхать, а я — искать убийцу, надеясь только на его величество случай. И представь, повезло. В Барселоне на пляже мы лицом к лицу столкнулись с Фелиппе Медрано... То же длинное смуглое лицо с большим коричневым пятном, та же татуировка на руке, повыше кисти — пронзенное стрелой сердце и надпись «Ave Maria». Рядом хромоногий сын, копия отца. Друг Жоржа познакомил: «Бесстрашный Арриго» Кастильо, человек-легенда». Испанец улыбнулся, но ты бы видел этот злобный взгляд! Лефевр тоже узнал его и спросил: «Где мы могли встречаться? Быть может, во Франции, во времена Сопrotивления?» «Человек-легенда» будто бы не расслышал и тотчас исчез.

Вечером, в гостинице, оставшись вдвоем, Жорж и Аннет вновь и вновь будут вспоминать, как все это было в ту августовскую ночь, когда провокатор-испанец навел фашистов на отряд маки.

— Аннет, неужели испанец узнал меня? Он так стремительно исчез...

— А может, он не тебя, а меня узнал? С этим испанцем я встречалась давно, когда была девчонкой и мы еще жили в оккупированном Париже. Однажды вечером мама тай-

ком привела испанца к нам домой и представила отцу: «Этому человеку можно доверять, он поможет собрать и спрятать оружие. Воевал в Испании в интербригаде, а теперь вместе с нами». Мама была связанной отряда маки, действовавшего в нашем квартале.

...Эсэсовцы ворвались в их квартиру ночью, через час после того, как ее покинула группа маки. Обыск длился три часа. Фашисты вели его так, словно им уже точно известно, где что запрятано. Супруги Бриссо удивленно переглядывались: как могло все это произойти? Лишь один человек знал их тайники — Фелиппе... Мать увезли, и больше Аннет ее не видела...

— Из Барселоны я уехала в Мадрид и там случайно познакомилась с людьми, которые помогли найти Фелиппе и многое узнать о нем.

Настоящая фамилия этого человека — Форрес, Педро Форрес. Волею обстоятельств он должен был забыть и это свое имя, и свою фамилию, и свою родословную. Педро — выходец из знатной семьи. Маскируясь, стал антифашистом — Фелиппе Медрано. А после войны — коммерсант Арриго Кастильо. Потомок испанских грандов по желанию деда посвятил себя военному искусству. Блестяще окончил летное училище, служил в Марокко. И когда из Танжера по радио был дан сигнал, Педро повел группу немецких истребителей, чтобы сопровождать «юнкерсы», бомбившие республиканцев в предместьях Мадрида. С ним завязали бой «курносенькие чатос» — так фашисты окрестили республиканские истребители, — и Педро Форрес сразу сбил два самолета, за что Франко лично вручил ему боевой орден. За ним последовал второй: Педро Форрес оказался безудержно смелым. На счету уже было пять сбитых самолетов, и сеньориты почитали за честь получить его фотографию с автографом. Но война есть война. В тот день, когда фашисты с боями продвигались по шоссе на Талаверу, франкистский ас был сбит асом родом из Рязани. Педро выбросился на парашюте и в бессознательном состоянии был подобран своими.

Два месяца в госпитале. Лучшие врачи по приказу самого Франко днем и ночью дежурили у его постели. Из Берлина были доставлены какие-то чудодейственные лекарства. Педро выздоровел, но к летной службе оказался непригоден. Болтался без дела, пока однажды его не вызвал генерал из разведывательного управления и передал ему личное пожелание Франко — пробраться за линию фронта и внедриться в штаб интербригады. Педро, человека смелого и с авантюристическими наклонностями, не пришлось долго уговаривать.

Но терзали мысли о судьбе сына, и он сказал генералу:

— Мои родители и жена погибли в городке, который разбомбили республиканцы. В живых остался сын Мигуэль, ему уже четырнадцать... Что с ним будет? Я души не чаю в мальчишке... Не представляю...

— Я доложу командованию, — буркнул генерал. — К этому вопросу мы вернемся завтра, а пока готовьтесь. Вам многое надо узнать, запомнить...

На следующий день без всяких обсуждений Педро предложили взять сына с собой. Да-да, за линию фронта.

— Вместе с детьми испанских республиканцев вы отправите его в Москву. Наши люди помогут. Так надо. Так считает командование. После победы понадобится ваш сын. И нам, и фюреру, и дуче...

Педро стал одним из резидентов разведки Франко в армии республиканцев. Все явки, полученные в штабе каудильо, действовали, и, как было условлено, он встречался со связными в баскском ресторанчике возле Гран-Виа.

Педро оправдал надежды генерала Франко. Кто мог подумать, что в бравом летчике таился талант разведчика! Поначалу в объёмах пламенем войны Мадриде его скрывали обязанности горячо любящего отца. Их нелегко было выполнять. Но все разрешилось быстро и наилучшим для Педро образом. Мигуэля с группой испанских детей отправили в Москву. Нужные люди сработали точно и оперативно.

Продолжение следует.

Кадр из фильма.

НЕМНОГОСЛОВНОЕ КИНО ГРИГОРИЯ ДЕНИСЕНКО

Пожалуй, можно подумать, что Григорий Федорович Денисенко (один из ведущих мастеров ростовского хроникального кино) специально задался целью покорять (и удивлять) зрителя совсем небольшим количеством кадров в своих фильмах, которые при этом на редкость емко и цельно вбирают в себя большое душевное содержание. Однако режиссер-художник, режиссер-мыслитель Денисенко никого не стремится удивлять, поражать: короткое, правдивое его кино было и остается принципиально немногословным. Обычно это «двухчастевки» — сдержанные, доверяющие способности зрителя понять в немногом многое; уловить и бережно сохранить красоту человеческую, которой режиссер и сценарист Денисенко остается неизменно верен.

Непридуманные, незамысловатые, кажется, судьбы интересуют мастера. А значит, и нас.

На позапрошлом московском кинофестивале его фильм «Спросите вы у матерей» получил серебряную медаль. На фестивале 1983 года новая его картина «Как живешь, Галя?» Галина Викторвна Ржевская — осталась без ног: они были обморожены по колено. Врачам пришлось срочно делать девочке ампутацию.

— Это опять же фильм о характере, о душе советских людей... Думається, что и зрителям нашей страны он принес бы немалую пользу. Особенно молодежи.

Галя Ржевская — по мужу Строева... Вот она — круглолицая, ясноглазая девушка — танцует вальс с женихом. Оба славные, у обоих лица добрые; таков же в более поздних кадрах и сын их Миша, кончающий десятилетку... Идет простая дружная жизнь семьи. Но вот простая ли?

Огненные взрывы войны возвращают нас на сорок лет назад. Фашисты казнили мать крохотной Гали. А ей самой, грудному ребенку, отрубили пальцы обеих рук и бросили на медленную смерть в сугроб. Но девочке выпало жить! Полумертвого голенького ребенка заметили советские воины, отбившие Ржев от врага... Спасители девочки — медсестра Галина и солдат Виктор — дали ей имя и отчество, а русский город — фамилию. Но спасенная — Галина Викторвна Ржевская — осталась без ног: они были обморожены по колено. Врачам пришлось срочно делать девочке ампутацию.

Что же сулила эта судьба? Смерть? Нищество? Жизнь в приюте? Нет, все шло по советскому закону. И по сильной, красивой, крепкой человеческой воле. Галя росла в детском доме. Училась. Сейчас работает старшим инспектором. Муж ее — Юрий Георгиевич — инженер. Сын Миша пошел по стопам отца, поступил в вуз...

— Так как же, Галя, ты живешь?

— Жизнь идет своим чередом, — отвечает людям Галя. Галина Викторвна.

Н. ТОЛЧЕНОВА.

ГДЕ-ТО В СИБИРИ...

...На сцене три группы людей. В их позах напряженное и требовательное ожидание. Они вводят нас в мир спектакля, непростого, как сама жизнь, сурового и бескомпромиссного. И с первых сцен становится ясно, что Свердловский театр музыкальной комедии будет говорить со зрителями без скидок на «легкость жанра». А вопросы, которые он предложит зрителям, — извечные вопросы бытия. Что есть истина? Права ли одержимость, способна ли любовь творить чудеса, достоин ли осуждения тот, кто во имя большой цели отбрасывает все остальное, кажушееся ему второстепенным?

Содержание пьесы «Сибирская легенда» Н. Мирошниченко и Г. Фере можно было бы передать в нескольких фразах, но дело здесь не в сюжетных коллизиях, а в столкновениях характеров, позиций.

В пьесе отсутствует последовательность изложения. Действие мгновенно переносится с далекого таежного участка — «шестого квадрата» в кабинет начальника управления, из номера московской гостиницы в базовый поселок геологов. И внутренняя последовательность происходящего, продуманно выстроенная в спектакле, призвана компенсировать эту кажущуюся разрозненность отдельных воспоминаний.

Степан — центр и нерв всего спектакля. Для народного артиста РСФСР С. Духовного его герой не просто очередная актерская работа. Кажется, он вложил в Степана всю свою душу, весь темперамент, веру в силу этого характера. Роль его труднейшая для исполнения по эмоциональной насыщенности, временной разобщенности, но, ка-

кую бы сцену ни играл актер, его Степан настолько неистов и одержим, что эта вера и одержимость захватывают зал, ни на минуту не выпуская его из «поля притяжения»...

А рядом — Ольга (народная артистка РСФСР Г. Петрова), совершающая свой подвиг во имя любви. Заметным дебютом в этом спектакле стала роль Анки в исполнении молодой актрисы Е. Барышевой, создавшей образ ершистого, порывистого подростка, взрослого на наших глазах.

Большой удачей спектакля является пластическое решение финала 1-го акта, (балетмейстер В. Разногладов), где удивительно точно решаются взаимоотношения героев, столкновения характеров.

Лишенная иллюстративности музыка определяет весь строй спектакля, диктует внутренние конфликты и отношения действующих лиц. Драматическая насыщенность, яркие музыкальные характеристики присущи работе В. Гроховского в «Сибирской легенде», запоминаются монологи Степана «Мой дом открыт семи ветрам», «Испытай себя», «Ну, что ты молчишь?», лейт-тема «Тайга, зеленый космос без предела...».

Сосредоточенность постановщиков на обрисовке характеров главных героев обусловила скупость и лаконичность оформления спектакля художником П. Бобровым.

Богатый режиссерский опыт народного артиста СССР В. Курочкина, его умение выстроить спектакль, увлеченность всей труппы обусловили успех постановки.

Т. НИКИТИНСКИХ

Н. Балагина — Валентина и С. Духовный в роли Степана.

Фото М. Попова

ДОБРАЯ «ДЫМКА»

Ярка и празднична дымковская игрушка. И каждый входящий на выставку работ Надежды Петровны Трухиной улыбался. И как не улыбнуться, попадая в удивительный, сказочный мир, где тебя окружают веселые многогранные игрушки! Триста экспонатов выставила художница: барыни в пестрых нарядах и тщательно вылепленных шляпах, зонтиками, с собачками на руках, нарядные «водоноски», няни в юбках с оборками и кофтах с воланами. Здесь фантастичные и в то же время узнаваемые животные и птицы: медведи, козлы, лошади, индюки. А вот и забавные жанровые сценки: натание на лодках, чаепитие, карусели. Далее — «Красная конница». И еще — дикие деревья с цветами — белыми, розовыми, голубыми. Все сделано с добрым юмором, с большой выдумкой.

Работы выполнены в традиционной манере, но очень своеобразны. Видны индивидуальность мастера, его наблюдательность, чувство меры.

...А начиналась дымковская игрушка давно, в слободе под Вяткой (ныне Кировом). Сотня-

ми, тысячами лепили мастера глиняные игрушки-свистульки и весенней ярмарке, которую так и называли «Свистушня». Лепили утки, коней, баранов... Затем сушили, обжигали в русской печи, покрывали мелом, разведенным молоком. А потом расписывали в шесть и более красок. Роспись обогащала лепку, давала необычайный эффект. Яркие клеточки, пятна, полосы образовывали радостную гамму. Роспись — подлинное художественное творчество: двух одинаковых расцветок нет. И каждая игрушка — на свое лицо.

В начале двадцатого века дымковскую игрушку сильно потеснила дешевая гипсовая. «Одна из удивительнейших и очаровательнейших сказок старого народного искусства» умирала, писал художник Алексей Иванович Деншин, много сделавший для ее возрождения, можно сказать, отдавший жизнь изучению и популяризации дымковской игрушки. Издал он книгу, в которой описывалась технология изготовления игрушки, давалась ее характеристика. Книга была рукописная, всего триста экземпляров, ил-

люстрации раскрашивал сам художник. Эта и другие его книги, появившиеся позже, — пособие и для сегодняшних мастериц.

Промысел не погиб; был организован цех глиняной росписной игрушки, позже мастер-писцы перешли в систему художественного фонда. Теперь династия Мезриных, Кошкиных, Деншиных известна повсюду. Дымковская игрушка демонстрировалась и на международных выставках в Париже, Нью-Йорке, Брюсселе, Монреале, Осаке. И всегда успех.

Двадцать три года назад молоденькая учительница из Кирова решила учиться у известных мастериц. А сейчас у Надежды Петровны Трухиной свои ученицы.

Дымковская игрушка, поражающая народным пониманием красоты, глубоко человеческая, живет!

Е. РОМАШКИНА

На снимке: «Водоноска» Н. П. Трухиной с выставки во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства.

Утром 19 января прошлого года на перегоне Тула — Скуратово неподалеку от железнодорожного полотна был найден труп женщины. Как констатировал судебно-медицинский эксперт Плавского района, «смерть насильственная и наступила от тупой травмы тела с двойными открытыми переломами костей левой голени, сопровождавшимися шоком и кровоотечей. В момент смерти находилась в опьянении алкоголем... При оказании своевременной медицинской помощи могла быть спасена»...

Нет-нет, это не начало детективного очерка. Не будет сыщиков с пистолетами под мышкой, ни засад, ни выстрелов, ни погони за убийцей. Потому что хоть смерть и насильственная — убийцы нет. Оговариваюсь: в прямом смысле нет... Есть причина смерти — водка. И есть подлый человек, главное жизненное правило которого укладывается в формулу: «А, как бы мне чего не было!»

И следствия местным органам милиции не пришлось вести. Вскоре из Орла поступила телеграмма: «На перегоне Тула — Скуратово из поезда № 65, Москва — Николаев, в 0 часов 19 минут выпала из вагона проводник Филиппенко Евгения Гавриловна.

Начальник поезда И. Мустяца».

Колосова тихонько прикрыла дверь, подмела тамбур и пошла по вагонам, озабоченно спрашивая проводников: «Женьку не видели? Ушла куда-то, и нет до сих пор!»

Проводника Завгороднего попросила принести из аптечки нашатырного спирта: «Как бы начальник не заметила, что изо рта пахнет!» В другом вагоне попила чайку... Потом, сообразив, что пассажиры могли заметить (вытряхивать шлак проводники шли вместе, а вернулась одна), под страшным секретом — «Только не говорите пока» — рассказала, будто какой-то парень «невысокого роста, с усиками» вытолкнул Филиппенку на полном ходу, а когда она хотела сорвать стоп-кран, схватил ее за руку. Еле сама спаслась!..

Врала, путала, пока начальник поезда И. Мустяца не добились правды.

А время шло. К этому часу несчастная Евгения Филиппенко перестала бороться со смертью...

Выездная сессия народного суда проводилась в красном уголке Николаевского вагонного депо. Колосова давала показания, не поднимая глаз от пола: страшно было встретиться взглядом с товарищами по работе. Мне рассказывали — когда суд удалялся на

довой дисциплины среди проводников вагонов!»

За одиннадцать месяцев прошлого года за пьянство во время рейсов было понижено в должности 8 и уволено 9 проводников. Это только по справке отдела кадров резерва проводников. Сколько пьяниц на самом деле, установить трудно, ибо среди обслуживающего пассажиров персонала депо существует круговая порука, своего рода закон «не выдавать». Все девять проводников, с которыми я беседовал наедине, охотно жаловались на несправедливое отношение к ним со стороны начальников поездов, критиковали порядки на дороге, но все как один отказались назвать свою фамилию и взяли с меня клятву, что я не буду эти фамилии узнавать.

Но даже известных фактов достаточно, чтобы вызвать тревогу за положение дел в Николаевском вагонном депо.

Постоянно бражничал в рейсах начальник поезда Н. Осадчий. Наконец — редкий случай! — попался и был понижен в должности. Заметьте, не уволен, а «понижен», да и то временно! Ему просто не повезло, другие осторожнее: всегда при себе «заедки» — пососеш, и никакого аромата, хоть «в трубочку дыши».

Не слишком ли много неожиданностей?

Может быть, и провоз безбилетников для командиров Херсонского отделения Одесской дороги совершенная новость? Некоторые проводники сами гостеприимно распахивают перед ними двери. Такие, как, например, Ивко или Воробьева, не преминут содрать с «зайчиков» на бутылку.

А где же ревизоры — недреманное око финансовых органов отделения дороги? — спросит читатель. Не хочу обобщать, но некоторые из контролеров сами не прочь разжиться на выпивку. Недавно сразу четверо ревизоров были привлечены к суду за вымогательство денег с «зайчиков».

Если в поезде Николаев — Москва вам, читатель, выдадут несвежие наволочки и простыни, не торопитесь винить в этом прачечную. Это может быть просто маленькая хитрость, которая в Николаевском депо известна как «повторная продажа белья».

Совершаются в вагонах и торговые операции. Не только деликатесные продукты, даже французские духи иной раз можно приобрести у проводников. С наценкой, конечно.

Но довольно. Руководители Одесской железной дороги, которые, я надеюсь, внимательно про-

ПРОИСШЕСТВИЕ В ПОЕЗДЕ

То, что произошло, было просто и ужасно.

Едва поезд отошел от Тулы, проводники одного из вагонов, молодые женщины Евгения Филиппенко и Анна Колосова, заперлись в служебном купе и совершенно по-свински напились: решили отметить отбытие. Водки было в достатке: еще накануне в Николаеве подруги купили четыре бутылки. Зачем? Рассчитывали продать пассажирам по двойной цене, но почему-то не получилось... Не пропадать же добру!

Потом они шатались по вагону, растрепанные, с налитыми глазами. Идиотски хихикали в ответ на замечания пассажиров.

Никто не остановил Филиппенко, когда она в таком состоянии, собрав в ведро шлак из печи, вознамерилась выкинуть его наружу. Весело болтая, подруги вышли в тамбур, открыли дверь, и... Когда Колосова опомнилась, то увидела, что стоит в тамбуре одна.

Первое инстинктивное движение любого человека в такой ситуации — остановить поезд. Моментально протрезвевшая Колосова тоже потянулась было к стоп-крану, но потом опустила руку.

Она принялась размышлять: начнут расспрашивать, что да почему, а от нее перегаром несет, как из винной бочки... Женьке-то теперь все равно, а ей отвечать! «А вдруг жива? — мелькнула трусливая мысль. — Да нет, на таком-то ходу!» А кто, собственно, знает, что случилось? Ведь никто не видел! «Не знаю» — и все! Только бы до утра дотянуть... До Харькова доедем, а там видно будет!

совещание, кто-то из зала прерывающимся голосом крикнул вслед: «К чему бы вы ее ни приговорили — знайте, никто с ней работать не будет!»

Анна Колосова, 1958 года рождения, член ВЛКСМ, присуждена к шести месяцам исправительных работ с удержанием 20 процентов заработной платы. (Суд принял во внимание, что на иждивении ее четырехлетняя дочь.)

Конечно, прореагировало на происшествие и руководство депо. Не было недостатка в оперативных совещаниях, заседаниях партийной и профсоюзной организаций. Издавались приказы: «Указать...», «Провести внеочередной инструктаж...», «Довести до сведения всего коллектива...». Пошумели всласть, затем вместо того, чтобы поглубже вникнуть в суть происшедшего, сделали вид, что эта трагическая история для руководства — полная неожиданность, а посему:

«...На основании вышеизложенного приказываю: несчастный случай, происшедший с проводником т. Филиппенко Е. Г., считать не связанным с производством...

Начальник депо С. Тарасенко».

Ну, а раз начальство приказывает... Удобную формулу с завидной точностью повторили в протоколах своих заседаний и партбюро и профком.

А ведь нечто подобное этому происшествию должно было случиться. Не без оснований же народный суд в частном определении по делу о гибели Филиппенко указал начальнику депо тов. Тарасенко: «Обратить внимание на факты пьянства и нарушения тру-

Все проводники, знавшие Филиппенко, в один голос говорят: «Отъявленная пьяница была!» Почему они не говорили об этом руководству? Ответ: «А что толку? Ее уже дважды обсуждали на товарищеском суде. Незадолго до гибели застали в вагоне за выпивкой вместе с другим проводником — В. Граждан. И все равно продолжала ездить!»

Снисходительность руководства депо к своим кадрам приводит в изумление. Уже после трагического случая, известного читателю, новая «неожиданность» поразила командиров депо: тульский транспортный прокурор сообщил, что против начальника поезда Б. Волощука возбуждено уголовное дело — по его вине человек остался калек. Сам Волощук на партийном бюро так объяснял ситуацию: «При отправлении поезда пассажир выходил из вагона спиной вперед (!), и если бы я его толкнул, он должен был бы упасть на перрон. Я его не толкал. Моя вина в том, что я позволил ему сходить на ходу поезда».

А что неожиданного в этом происшествии? О грубости Б. Волощука с пассажирами ходят легенды. Но он числился в передовых, ставился чуть ли не в пример другим. Однажды в поезде, который обслуживала бригада Волощука, был избит пассажир, неосторожно пожаловавшийся на то, что ему не хватило белья. (Думаю, что и здесь без водки не обошлось!) В другой раз ему не понравилась физиономия пассажира, и он захлопнул перед ним дверь вагона, хотя тот предъявил ему проездной билет.

тут все это, могут дополнить сведения, просмотрев в Николаевском депо сводку нарушений за 1983 год. У некоторых поездных бригад крупных и мелких проступков набралось поболее ста!

Так можно ли сводить трагическое происшествие, с которого я начал статью, к такой ничтожной, но удобной, не спорю, формуле: случай с Филиппенко «считать не связанным с производством»?

Мне, например, больше импонирует мнение секретаря партийной организации депо Николаев Владимира Михайловича Волощука (однофамильца начальника поезда).

— Нет ничего случайного в этом «случае», — сказал Владимир Михайлович мне в частной беседе. — Он, если так можно выразиться, готовился давно!

Что верно, то верно. Непонятно только, почему секретарь парторганизации не проявил активности.

Нет сомнений, и администрация, и партийная, и профсоюзная организации депо обеспокоены положением дел на их участке дороги. Как уже сказано, нет недостатка в решениях и постановлениях. Но пока все это на бумаге. А бумага и раньше издавалась в депо много, однако число нарушений разного рода угрожающее растет. Не сведется ли и в этот раз бумажная метель лишь к осуществлению проекта начальника резерва тов. Голубаря:

«В настоящее время мы начали принимать меры по выявлению лиц, склонных к употреблению спиртных напитков, через проходжение проб в нашем здравпункте?»

МИХАЙЛО ИВАНОВИЧ ТОПТЫГИН

А. МАССАРЫГИН

Медведь — значит медвед, дона по части меда, готовый ради него пойти на страшные муки. Забравшись в улей, Михайло Иванович продолжает лакомиться сотами, несмотря на отчаянные атаки пчел.

Еще недавно бурые медведи искали мед по лесам всей необъятной России — от Беловежской пущи до Камчатки.

Встречи человека с медведем были неизбежны. Добытый в тяжелой схватке лесной великан давал много вкусного мяса и целебного жира. Не только охота привлекала к Мишке людей. Врожденные антеры, медведи развлекали народ, а единоборство со специально пойманным и разъяренным зверем было лихой забавой.

Распространенность медведей на Руси, их несомненные притягательные качества послужили истоком доисторического культа медведя, возникшего в Верхнем Поволжье. Отражение его — появление медведя в XVI—XVII веках на старых, допетровских гербах многих городов. На гербе Ярославля стоящий медведь держит протазан (алебарду). Для подкрепления «медвежьего» герба вместо старорусской основы была создана легенда о князе Ярославле, зарубившем секирой матерого медведя, что дало повод герольдмейстерской конторе Петра I закрепить за городом сей герб. Его и до сегодняшнего времени можно видеть на многих ярославских изделиях.

Олимпийский Миша завоевал сердца всех. Вспомните недавние значки, почтовые марки, самые разнообразные сувениры — и везде очаровательная улыбка Миши. Такая эмблема летней Московской Олимпиады-80 во многом способствовала доброжелательной праздничной атмосфере.

В западноевропейских странах

медведи давно истреблены, но их помнят и любят. Основная фигура герба столицы ГДР Берлина — медведь. Одна из охотничьих прини-
маемых версий происхождения топонима (названия места) Berlin связана с немецким словом Bär (бэр) — медведь.

Таким же примерно образом медведь стал эмблемой швейцарской столицы Берна и кантона того же названия. Для «оправдания» топонима, а отсюда и герба была сложена приличествующая случаю легенда об основателе города, повстречавшем тут медведицу, рывающуюся с медвежатами. Это умилило графа, и он решил в честь медведицы назвать город Берном.

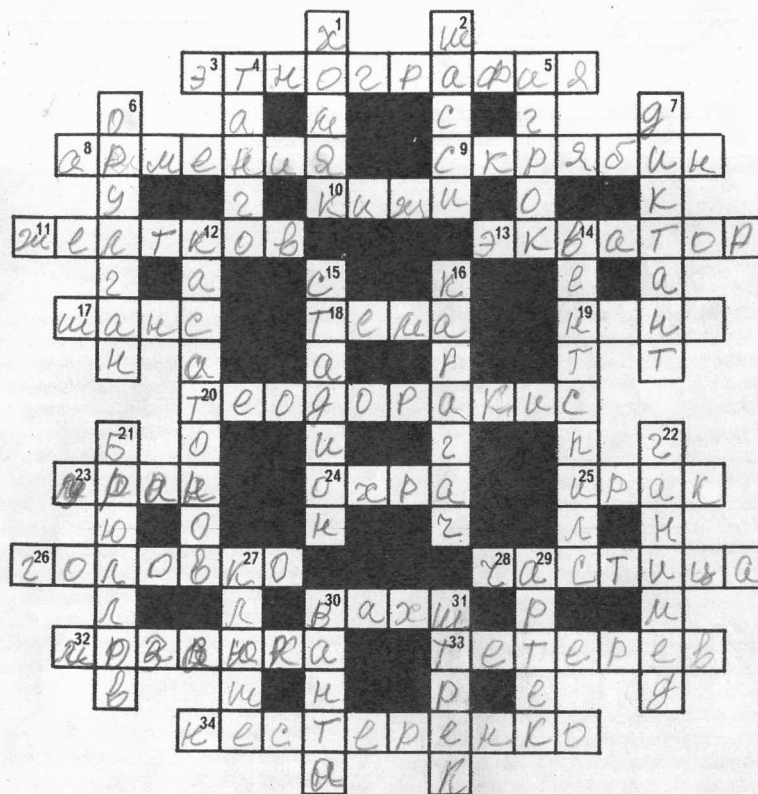
Несколько слов о белом медведе. Ареал бурого медведя сократился, но есть надежда, что наши внуки все же смогут увидеть его на воле. Белые же медведи буквально на счету.

Такие качества, как добродушие и могучая сила, сделали образ медведя чрезвычайно привлекательным. Михайло — частый герой народных сказок.

А излюбленные крыловские Мишки — косолапый музыкант или услужливый Миша, не совсем удачно использовавший булыжник. Надсмотрщик над ульями из Мишки не получился. Никогда не устареет мудрый Миша, посветовавший Мартышке заняться сначала самокритикой. А как нетерпеливый Мишка дуги гнул? Крылову явно Мишенька по душе — вероятно, и писалось легче, когда думал о нем. Крыловская аллегория была близка и понятна народу от мала до велика.

Русские пословицы и поговорки говорят о популярности Топтыгина: медведю — да волчью смелость; медведя — по когтям, дурака — по речам; шкуру драь с неубитого медведя; наш Мишка не берет лишка, и многие другие.

Значок с гербом Ярославля.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Народоведение. 8. Союзная советская республика. 9. Русский композитор и пианист. 10. Остров на Онежском озере. 11. Персонаж рассказа А. И. Куприна «Гранатовый браслет». 13. Условная линия, делящая земной шар на два полушария. 17. Вероятность, возможность. 18. Круг жизненных явлений, отражаемых писателем. 19. Интервал в музыке. 20. Греческий композитор. 23. Плетка. 24. Минеральная краска. 25. Государство в Западной Азии. 26. Украинский советский писатель. 28. Служебное слово. 30. Рена в Таджикистане. 32. Отрасль живописи. 33. Крупная лесная птица. 34. Бас, народный артист СССР.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пушной зверек. 2. Взлетно-посадочное устройство самолета. 4. Бальный танец. 5. Роман Ф. М. Достоевского. 6. Горный хребет в Якутии. 7. Письменная работа для упражнения. 12. Советский военачальник, адмирал флота. 14. Порт в Латвии. 15. Комплекс спортивных сооружений. 16. Вид вяза. 21. Русский живописец XIX века. 22. Спутник Юпитера. 27. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 29. Всесоюзный пионерский лагерь. 30. Снасть судового такелажа. 31. Горизонтальная подземная выработка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Дарлинг. 5. Аметист. 8. Станкович. 10. «Март». 12. Афон. 14. Планшет. 16. «Клоп». 17. Лось. 18. Лепешинская. 19. Кафе. 21. «Новь». 23. Терцина. 24. Руно. 26. Бязь. 27. Земляника. 30. Ахундов. 31. Транзит.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Агин. 2. Жако. 3. Джамбул. 4. Лист. 6. Туча. 7. Турнепс. 9. Конституция. 11. Расплетин. 13. Финляндия. 14. Паспорт. 15. Тонката. 20. Антраша. 22. Вельбот. 25. Озон. 26. Баян. 28. Лава. 29. Нота.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народная артистка СССР Тамара Синявская. (См. в номере материал «Пою только то, что люблю...».)

Фото А. Нагальяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы участников детской изостудии. (См. в номере материал «Кто поможет детской студии?».)

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-48-98; Экономика быта — 250-38-17; Познания — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Наука и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 27.02.84. Подписано к печати 13.03.84. А 00338. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 885. Заказ № 2208.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Олимпийский Миша.

Советская марка. 1977 год.

Вымпел с гербом Берлина.

Швейцарская марка.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Идет по коридору человек лет пяти и деловито вопрошает: «Где мой лист? Я в прошлый раз не дорисовал». А другой малыш ищет коробку с кнопками, чтобы прикрепить к мольберту бумагу.

Мы в студии — живописной и рисовальной, детской. Галина Алексеевна Рождественская — архитектор и художник — ведет ее уже более шестнадцати лет. Это ее детище, ее жизнь — трудная, сложная, радостная.

Радость и в признании творчества ее учеников: их работы экспонировались на выставках во многих зарубежных странах. Постоянными стали экспозиции, которые устраиваются на заводах и фабриках, последняя состоялась в Доме культуры Первого государственного подшипникового завода. Детские картины несколько раз снимало Центральное телевидение. Но, пожалуй, самый большой успех имела выставка, состоявшаяся летом прошлого года в Центральном Доме художников на Крымской набережной; она стала своего рода итогом многолетнего труда нескольких поколений студийцев.

Психологи, ученые, педагоги изучают их работы, находя ценнейший материал для своих исследований. Группа детей в одной из комнат сейчас с увлечением выполняет «социальный заказ» — работу для детского сада.

— Цвет, ощущение пространства приходят к детям раньше речи, — считает Галина Алексеевна. — Станут они потом художниками или нет, главное — удерживать и развить то творческое начало, которое есть в душе каждого ребенка. Я их не заставляю рисовать, как взрослых. Пусть рисуют, как видят, как чувствуют, как могут...

Она убеждена: все дети — природные живописцы. Вопрос в том, как сохранить данное природой видение мира. Этим она и занимается в своей студии — бережно, упорно, ласково.

А теперь о трудностях. Студия находится в подвале дома № 12 на 3-й Фрунзенской. В коридоре и еще двух комнатах. Одна побольше, другая поменьше. А в комнатах шагу не ступить, все заставлено работами детей. В другом конце коридора — огромный зал для совещаний организации, именуемой жэк 21 ЖКО КЭУ города Москвы. Зал, как и весь подвал, принадлежит ей. И почти всегда на замке. Казалось бы, отчего же не пустить туда детей, раз он почти всегда закрыт? Однако есть люди, не любящие половинчатых решений. Полподвала детям — это решение половинчатое. Надо либо отдать весь подвал, либо выставить их оттуда совсем. И вот было принято решение: выставить. Дело это длилось около десяти лет. Не буду утомлять читателя подробностями: оно вроде бы завершилось, и все вернулось на исходные позиции.

Когда-то дети расписали длин-

ные унылые стены коридора. Говорят, подвал преобразился. Но грозный жэк замазал стены унылой зеленой краской. Не вступись в январе 1983 года за студию газета «Труд», «весь этот хлам», как определил детские работы один из жэковских воителей, был бы предан огню на ближайшей помойке.

Жэк лихо покончил с «мазней и пакотней на стенах», а от Галины Алексеевны потребовал еще и оплатить расходы на краску. Сейчас другие дети, не знающие об этом, предлагают Галине Алексеевне расписать мрачные стены подвального коридора. Но она пока колеблется. Потому что недавно произошла еще одна история: в НИПИтруда Госстроя СССР на Басманной улице группа учеников Галины Алексеевны, ныне студентов Архитектурного института, под ее руководством украсила стены монументальной росписью. Бесплатно, разумеется. Как и все, что уже шестнадцать лет делает в студии Галина Алексеевна. Возможность-то расписать предоставили, а потом взяли да и забили часть росписи.

В октябре прошлого года по настоянию Галины Алексеевны собралась авторитетная комиссия, представляющая МОСХ и Госстрой. И вынесла следующее суждение, отмеченное в протоколе: «Монументальные росписи выполнены на высоком профессиональном уровне». Далее шли немалые комплименты авторам. А также пожелание снять облицовочные плиты, коими забита самая красочная часть росписи.

Однако плиты так и не сняли. И все же, несмотря на все моральные издержки, Галина Алексеевна Рождественская продолжает мечтать... о Музее детского творчества. Они есть в Тбилиси, в Ереване.

У студии теперь вроде бы существует официальный адрес, дом, где ей отводится законный угол если не для постоянной работы из-за малого места, то хотя бы для «прописки», проведения клубных дней, конференций и выставок. Решением исполкома Моссовета в мае 1982 года Союзу архитекторов СССР был передан дом № 24/4 по улице Щусева «для приспособления под размещение служб Московского отделения Союза архитекторов СССР, студии детского рисунка и живописи».

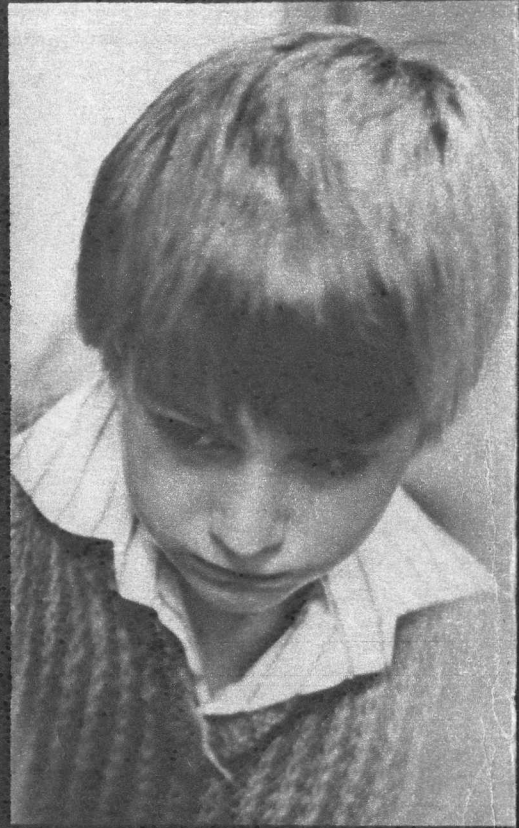
Но так уж получилось, что из всего дома детям досталась одна комната, а теперь и ее они могут лишиться. И если Союз архитекторов отделается формально от студии, то из жэка 21 ЖКО КЭУ ее уж точно выставят в два счета. Погибнут плоды многолетнего труда, погибнет уникальная коллекция детских работ.

Студии нужна активная, конкретная, результативная помощь взрослых людей. Кто же поможет детской студии!

Юрий ЗАРАХОВИЧ

КТО ПОМОЖЕТ ДЕТСКОЙ СТУДИИ?

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

